

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Российский центр науки и культуры в Гомеле

**ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ**

**К 110-летию со дня рождения А. А. Громыко
и 80-летию начала Второй мировой войны**

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2019

УДК 94:327(476)

**История международных отношений: историографические достижения и перспективы изучения : к 110-летию со дня рождения А. А. Громыко и 80-летию начала Второй мировой войны : сборник научных статей / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; Российский центр науки и культуры в Гомеле ; редкол. : Н. Н. Мезга (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 155 с.
ISBN 978-985-577-582-0**

Сборник содержит научные статьи, материалы которых отображают некоторые аспекты истории международных отношений нового и новейшего времени. Основное внимание уделяется проблемам, связанным с историей Второй мировой войны и дипломатической деятельностью А. А. Громыко.

Издание адресуется ученым, преподавателям, аспирантам, студентам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редколлегия:

Н. Н. Мезга (главный редактор),
С. Ф. Веремеев (заместитель главного редактора),
Г. Г. Лазько, А. М. Бабков, С. А. Черепко, Е. Н. Дубровка,
А. М. Кротов, Д. М. Толочко

Рецензенты:

кандидат исторических наук Г. А. Алексейченко,
кандидат исторических наук Н. М. Савченко

ISBN 978-985-577-582-0

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	.....	5
Чаропка С. А.	Міжнародная сітуацыя ва Усходняй Еўропе ў 20–40-х гадах XVII стагоддзя	7
Хроленок Е. В.	Гомельщина и Стародубщина: история социально-политических взаимоотношений	14
Дубровко Е. Н.	Европейская политика Великобритании первой половины 1920-х годов в английской историографии межвоенных лет и эпохи Второй мировой войны.....	19
Гавриловец Л. В.	Репатриационная политика Польши в межвоенный период	28
Елизаров С. А.	В ожидании войны: образование пограничных административно-территориальных округов в БССР (1935) ...	33
Лазько Р. Р.	Знешняя палітыка СССР у год прыходу А. А. Грамыкі на дыпламатычную службу	39
Стрелец М. В.	Акт исторической справедливости. Польский поход Красной Армии 1939 года – глазами очевидцев и профессионального историка.....	49
Скрабіна Л. С.	Уз’яднанне Заходняй Беларусі з БССР у кантэксте савецка-германскіх дагавораў 1939 года.....	54
Мязга М. М.	Пачатак Другой сусветнай вайны і ўз’яднанне беларускага і ўкраінскага народаў у межах БССР і УССР у адлюстраванні савецкай гістарыяграфіі 1939–1941 гадоў.....	64
Толочко Д. М.	Пакт Молотова – Риббентропа в восприятии населения БССР.....	71

Толочко Д. М.	Беженцы из Польши в БССР в сентябре 1939 года: «два мира – два образа жизни».....	77
Кротов А. М.	Восприятие белорусами трагедии польского народа и Польши осенью 1939 года.....	84
Рожкова С. Н.	Советско-германские отношения накануне и начальном этапе Второй мировой войны в белорусской постсоветской историографии	91
Верниковский А. Д.	«Зимняя война»: предпосылки, причины и итоги.....	100
Тугай В. В. Цобкало А. А.	Переселение «фольксдойче» в рейх (1939–1941)	108
Бабков А. М.	Белорусский фактор в литовской политике Германии весной 1917 года.....	113
Корсак А. И.	Воинские захоронения на территории Гомельской области 1944–2014 годов: к вопросу об увековечении памяти погибших на начальном этапе военных действий на территории Беларуси.....	120
Мезга Н. Н.	А. А. Громько и формирование Ялтинской системы международных отношений.....	127
Гавриловец Л. В.	Роль общественных объединений и дипломатических служб в развитии белорусско-польских культурных контактов (конец XX – начало XXI века)...	134
Ковяко И. И.	Тевтонский синдром в британской и американской историографии германской проблемы.....	142
Варивончик И. В.	Американо-китайские противоречия в информационной сфере.....	148

ПРАДМОВА

Другая сусветная вайна на заўсёды застаецца адной з самых трагічных падзей у гісторыі народаў былога Савецкага Саюза і, безумоўна, беларускага народа. Гэтая вайна не была раптоўнай. Версальска-Вашынгтонская сістэма не прынесла стабільнасці ў міжнародныя адносіны. Паміж вялікімі дзяржавамі засталася вялікая колькасць неўрэгуляваных супярэчнасцяў. Сітуацыя ўскладнялася ідэалагічнымі разыходжаннемі, бо ў свеце ў 1930-я гады існавалі краіны, дзяржаўна-палітычны лад якіх грунтаваўся на непрымірымых ідэалогіях: лібералізм, камунізм, фашызм (нацыянал-сацыялізм). Сусветны эканамічны крызіс 1929–1930 гадоў канчаткова падарваў стабільнасць сістэмы міжнародных адносін. Фашысцка-мілітарызцкія дзяржавы ўзялі курс на перадрэл свету з дапамогаю сілы. Заходнія дэмакратыі і Савецкі Саюз аказаліся не ў стане стварыць сістэму калектыўнай бяспекі, каб супрацьстаяць ім. Палітыкі таго гістарычнага перыяду не змаглі справіцца з задачай прадухілення новай сусветнай катастрофы.

Пачатковы этап Другой сусветнай вайны быў азнаменаваны такой важнай для беларускага народа падзеяй, як уз'яднанне Заходняй Беларусі з БССР. Безумоўна, прасочваецца сувязь гэтай падзеі з падпісаннем, савецка-германскага дагавора аб ненападзенні. Уступленне Чырвонай Арміі на тэрыторыю Польшчы 17 верасня 1939 г. уяўляла сабою парушэнне нормаў міжнароднага права, тых міждзяржаўных пагадненняў, якія былі заключаны паміж СССР і Польшчай. Аднак для беларускага народа аб'яднанне асноўнай масы яго этнічнай тэрыторыі ў складзе БССР з'яўлялася прагрэсіўнай падзеяй, стала важным крокам на шляху будаўніцтва беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці.

Дадзенае будаўніцтва было б немагчымым без перамогі СССР у Вялікай Айчыннай вайне. Яшчэ ў час вайны лідары краін антыгітлераўскай кааліцыі актыўна працавалі над стварэннем новай пасляваеннай мадэлі свету. Важкі ўклад у гэтую працу ўнёс выдатны савецкі дыпламат А. А. Грамыка, які нарадзіўся на тэрыторыі сучаснай Гомельскай вобласці. Займаючы пасаду пасла Савецкага Саюза ў ЗША ў час Другой сусветнай вайны, ён прымаў самы актыўны ўдзел у падрыхтоўцы і правядзенні тых міжнародных канферэнцый, на якіх прымаліся важнейшыя рашэнні адноснага

будучага сусветнага парадку. У прыватнасці, А. А. Грамыка адыграў выключную ролю ў стварэнні Арганізацыі Аб'яднаных Нацый (ААН).

Для Беларусі стварэнне новай міжнароднай арганізацыі па забеспячэнню міру стала надзвычай важнай гістарычнай падзеяй яшчэ і таму, што наша краіна ўвайшла ў лік заснавальнікаў ААН. Гэта было вельмі важна для працэсу станаўлення беларускай дзяржаўнасці, бо БССР фармальна ператваралася ў суб'ект міжнародных адносін. Для таго, каб БССР, разам з УССР, увайшла ў лік заснавальнікаў ААН, савецкай дыпламатыі прыйшлося прыкласці вялікія намаганні. Вельмі шмат для вырашэння гэтай задачы зрабіў, у прыватнасці, і А. А. Грамыка.

Дадзены зборнік прымеркаваны да дзвюх юбілейных дат: 110-годдзя з дня нараджэння А. А. Грамыкі і 80-годдзя пачатку Другой сусветнай вайны. Апублікаваныя ў ім артыкулы раскрываюць асобныя аспекты дыпламатычнай дзейнасці А. А. Грамыкі і міжнародных адносін у час наспявання Другой сусветнай вайны і ў ходзе яе.

М. М. Мязга
доктар гістарычных навук, дацэнт
галоўны рэдактар

С. А. Чаропка

ГДУ ім. Ф. Скарыны, г. Гомель

МІЖНАРОДНАЯ СІТУАЦЫЯ ВА УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ Ў 20–40-Х ГАДАХ XVII СТАГОДДЗЯ

У артыкуле разглядаецца міжнароднае становішча ва Ўсходняй Еўропе ў 20–40-х гадах XVII ст., вылучаюцца асноўныя вузлы супярэчнасцяў паміж Рэччу Паспалітай, Швецыяй, Асманскай імперыяй і Расійскай дзяржавай. Аўтар праводзіць даследаванне ўплыву знешнепалітычных фактараў на працэс разгортвання казацка-сялянскай вайны на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага. У выніку работы аўтар прыходзіць да высновы, што складаная знешнепалітычная сітуацыя, у якой аказалася Рэч Паспалітая ў сярэдзіне XVII ст., стварыла спрыяльную кан'юктуру для актывізацыі апазіцыйных каралеўскаму ўраду сіл і пачатку глыбокага ўнутрыпалітычнага крызіса, які істотна паўплываў на геапалітычную сітуацыю ва Ўсходняй Еўропе.

У першыя два дзесяцігоддзя XVII ст. геапалітычная сітуацыя ва Ўсходняй Еўропе істотна змянілася. Унутрыпалітычны крызіс у Расійскай дзяржаве, вядомы ў гістарыяграфіі пад тэрмінам “Смута”, дазволіў істотна ўзмацніць свае пазіцыі ў рэгіёне Рэчы Паспалітай і Швецыі. Сталбоўскі мір 1617 г. паміж Расіяй і Швецыяй фактычна пазбавіў Маскву выхада да Балтыйскага мора, а Дэўлінскае перамір’е 1618 г. замацавала за Рэччу Паспалітай страчаныя Масквой яшчэ ў 1610–1610 гг. Смаленшчыну і Севершчыну [1]. Нягледзячы на ўзрастанне цікавасці грамадства да беларускай гісторыі перыяду XVII ст. значнай гістарыяграфічнай спадчыны па абазначанай у назве праблеме гісторыкі яшчэ не пакінулі. Сур’ёзны задзел у гэтым накірунку зрабіў беларускі гісторык У. Снапкоўскі. Даследаванні замежных навукоўцаў дэманструюць пераважна агульную карціну міжнародных адносін вывучаемага часу, або тэма разгледжана праз прызму ўласнай нацыянальнай гісторыі [2]. Такім чынам, для вывучэння абазначанай тэмы існуе вялікі патэнцыял.

У барацьбе за спадчыну Старажытнай Русі паміж Масквой і Вільняй, якая распачалася яшчэ ў канцы XV ст і трываўшая ўсё XVI ст., здавалася змяніліся суадносіны сіл. Але барацьба за кантроль над усходняй Прыбалтыкай, якая ў 1600 г. натуральным чынам разгарнулася паміж новымі лідэрамі – Швецыяй і Рэччу Паспалітай, далі магчымасць Расійскай дзяржаве аднавіць свае сілы.

Актыўны ўдзел Рэчы Паспалітай у Дзмітрыядзе, а таксама вяртанне ў склад ВКЛ і Польшчы страчаных раней Смаленшчыны і Севершчыны не мог пакінуць расійскае кіраўніцтва ў спакоі. Абсалютна заканамерна, што Расійская дзяржава крыху ачуняўшы пасля Смуты, стала рыхтавацца да рэваншу. Для гэтага склаліся неабходныя ўмовы – няўдачны паход кароннай арміі на чале з каралевічам Уладзіславам 1617-1618 гг., зацягнуўшаяся вайна Рэчы паспалітай са Швецыяй і няпростыя ўзаемаадносіны Рэчы Паспалітай з Асманскай імперыяй.

У вайне са Швецыяй удача таксама аказалася не на баку польска-літоўскага войска. У 1620 і 1626 гг. шведскі бок прапаноўваў Маскве сумесныя баявыя дзеянні супраць Рэчы Паспалітай. У 1621 г. з падобнай ініцыятывай выступала Асманская імперыя. Аднак расійскае кіраўніцтва, разумеючы, што спачатку трэба аднавіць патэнцыял, страчаны падчас Смуты, праводзіла вельмі асцярожную знешнюю палітыку.

Тым часам, міжнароднае становішча Рэчы Паспалітай паступова стала пагаршацца. У 20–40-х гг. XVII ст. Цэнтральная Еўропа прадстаўляла сабой суцэльны тэатр баявых дзеянняў Трыццацігадовай вайны. У ходзе гэтай вайны аформіліся дзве міжнародных кааліцыі, першую з якіх уяўляла Каталіцкая ліга, аснову якой складалі паўднёвагерманскія княствы Свяшчэннай Рымскай імперыі і Іспанія; другой групоўкай з'яўлялася Евангелічная унія, прадстаўленая Даніяй, Швецыяй і Францыяй. Падчас Трыццацігадовай вайны Рэч Паспалітая, захоўваючы нейтралітэт, пайшла на збліжэнне з Габсбургамі, падтрымлівала іх на дыпламатычным полі, давала магчымасць для набору дабраахвотнікаў.

У прыватнасці, у 1620–1621 гг. разгарнулася г.зв. Хоцінская вайна паміж Польшка-Літоўскай дзяржавай і Асманскай імперыяй, якая была пабочным элементам Трыццацігадовай вайны. Узброены канфлікт Рэчы Паспалітай і Асманскай імперыяй быў выкліканы разгромам у 1619 г. атрадам наёмнікаў-лісоўшчыкаў з Рэчы Паспалітай войск Трансільваніі каля Гумені. Такім чынам варшаўскі ўрад выратаваў ад падзення аточаную трансільванцамі Вену. Трансільванскі князь Дзьёрдзь Ракацы звярнуўся за дапамогай да свайго сюзерэна – асманскага султана Асмана II. У той жа час ўрад Порты падазраваў польска-літоўскае кіраўніцтва ў імкненні замацавацца ў Малдове, якую асманы разглядалі як сферу свайго ўплыву. Сапраўды ў 1620 г. гаспадар Малдовы Гаспар Грацыяні перайшоў на бок Рэчы Паспалітай. Такім чынам, разгарэлася вайна Асманскай імперыі

супраць Рэчы Паспалітай, прадчас якой, у выніку двух бітваў (пад Цэцорай і і Хоцінам) стала зразумела, што абодва бакі імкнуцца захаваць статус кво. Хоцінскі мірны дагавор 1621 г. фактычна зафіксаваў адмову польска-літоўскага боку ад прэтэнзій ў адносінах да Малдовы, але разам з тым, асманская экспансія была на пэўны час спыненая. [4]. Пры гэтым, як сведчаць крыніцы, польскім дыпламатам давялося шмат папарацаваць, каб асманскі бок выконваў пункты дагавору [5].

Няўдала для Рэчы Паспалітай складывалася вайна са Швецыяй, якая была распачата яшчэ ў 1600 г. Перамогі шведаў паставілі пытанне аб трываласці Рэчы Паспалітай як федэратыўнай дзяржавы. Заключаны ў 1627 г. Вялікім княствам Літоўскім сепаратны мір са шведамі паставіў Польшчу у цяжкую сітуацыю і садзейнічаў заключэнню ў 1629 г. Альтмаркскага замірэння, паводле якога Рэч Паспалітая пазбавілася значных уладанняў у Інфлянтах. У наступным, Л. Сапегу за заключэнне гэтага перамір'я даводзілася апраўдавацца перад каралём Жыгімонтам III, успамінаючы, як фактар апраўдання, актыўны ўдзел войска ВКЛ у Хоцінскай вайне [6, с. 97].

Фармальна не ўдзельнічаючы ў Трыццацігадовай вайне Рэч Паспалітая, ваюючы з Швецыяй аказвала ўскосную дапамогу Габсбургам. У сувязі з гэтым, завяршэнне вайны са Швецыяй выклікала занепакоенасць у антыгабсбургскага блока. У лідэра французскай дыпламатыі кардынала А. Рышэльё ў 1629 г. ўзнікла ідэя далучэння Расійскай дзяржавы да антыгабсбургскай кааліцыі для нанясення ўдара па Рэчы Паспалітай, што цаклкам супадала з інтарэсамі Масквы. Ачуняўшая пасля перыяду Смуты Расійская дзяржава стала актыўна шукаць саюзнікаў, сярод якіх найбольш верагоднымі з'яўляліся Швецыя, Асманская імперыя і яе васал Трансільванія. Пасля перамогі пад Хоцінам асманы актыўна рыхтаваліся да працягу баявых дзеянняў і кааліцыя з Расійскай дзяржавай выглядала абсалютна заканамернай. Спробы польскай дыпламатыі утварыць антыасманскую кааліцыю ва ўмовах Трыццацігадовай вайны выглядалі фантастычнымі.

Знешнепалітычная лінія расійскай дыпламатыі напачатку 30-х гг. XVII ст. зводзілася да рэалізацыі трох асноўных задач: вярнуць Смаленшчыну, страчаную падчас вайны з Рэччу Паспалітай у 1609–1612 гг., забяспечыць выхад да Балтыйскага і Чорнага мароў і абараніць паўднёвыя межы дзяржавы ад набегу Крымскіх ардынцаў. У той жа час Расійская дзяржава паспрабавала зблізіцца са Швецыяй, такім чынам, напрыканцы 20-х гг. XVII ст. урэшце аформіўся праект руска-шведска-французскага саюза, накіраванага

супраць Рэчы Паспалітай. Аднак смерць шведскага караля Густава Адольфа ў 1632 г. сарвала патэнцыяльны расійска-шведскі саюз і палепшылі становішча Польшка-літоўскай дзяржавы.

Тым не менш, Крэмль палічыў, што Расійская дзяржава ўжо валоде неабходнымі рэсурсамі, для ажыццяўлення мерапрыемстваў па дасягненню вышэй апісаных знешнепалітычных задач. разглядаць Смаленскую вайну 1632–1634 гг. паміж Расіяй і Рэччу Паспалітай, у выніку якой Варшава вымушана была пайсці на некаторыя саступкі Маскве [3, с. 44].

У 1632 г. Расія распачала г.зв. Смаленскую вайну, якую неабходна разглядаць у цеснай сувязі з Трыццацігадовай вайной. Асманская імперыя паспрабавала скарыстацца няпростым становішчам Рэчы Паспалітай і распачала супраць яе баявыя дзеянні. Улетку 1633 г. быццам бы без дазволу турэцкага султана сілістрыйскі паша атакаваў польскае (зараз украінскае – С.Ч.) Падолле. Каронная армія, аднак, здолела выцесніць асманаў за Днестр і перанесла баявыя дзеянні на асманскую тэрыторыю. Прысланыя на дапамогу татары Буджацкай арды таксама пацярпелі паражэнне. Польская армія разграміла асманаў і нават абвясчэнне султанам Мурадам IV джыхада супраць Рэчы Паспалітай сітуацыі не змяніла.

Польшка-літоўскай дыпламатыі ўдалося схіліць на свой бок Крымскае ханства, якое, хаця і з'яўлялася васалам асманскага султана, якое у 1633 г. здзейсніла набег на паўднёвыя землі Расіі. Паспяховыя баявыя дзеянні польска-літоўскага войска ў сукупнасці з набегам ардынцаў пад Маскву паставіла расійскае войска ў цяжкае становішча. Разгром асманаў і капітуляцыя расійскай арміі прывялі да заключэння ў 1634 г. Палянаўскага міра, які фіксаваў узаемныя саступкі з боку Рэчы Паспалітай і Расіі перш за ўсё у пытанні тэрытарыяльных і дынастычных прэтэнзій.

Было зразумела, што ўмовы Палянаўскага міраносяць часовы характар. Расійскае кіраўніцтва праводзіла палітычную лінію, скіраваную на абгрунтаванне правоў Масквы на землі “Белай Русі”, у сувязі з чым любое аслабленне Рэчы Паспалітай было на карысць Расійскай дзяржаве. Маскоўскі ўрад уважліва сачыў за ўнутранымі супярэчнасцямі паміж кальвінісцкай шляхтай ВКЛ і іх каталіцкімі праціўнікамі, якіх падтрымлівала Польша. У ліпені 1648 г. луцкі ваявода дакладваў цару, што “ў палякаў з літвою розні няма, акрамя чаркаскай вайны” [7, с. 222]. Кіруючыя колы ў Варшаве і ў Вільні разумелі, што нестабільнасць у беларускіх і ўкраінскіх землях Рэчы Паспалітай была ў палітычных інтарэсах Масквы

У 1635 г. скончыўся тэрмін Альтмаркскага перамір'я і фармальна вайна Швецыі супраць Рэчы Паспалітай зноў пачалася. Шведам, якія ўжо адкрыта ўцягнуліся ў Трыццацігадовую вайну і Рэч Паспалітая, якая імкнулася арганізаваць антыасманскую кааліцыю было выгадна працягнуць становішча міра. У сувязі з гэтым абодва бакі пры пасярэдніцтве французскага дыпламата К. д'Аво пайшлі на заключэнне Штурмсдорфскага перамір'я тэрмінам на 26 з паловай гадоў. Ахвяраванне Уладзіславам IV сваімі правамі на расійскі і шведскі трон дало яму магчымасць засяродзіцца на падрыхтоўцы барацьбы супраць Асманскай дзяржавы.

Паражэнне Габсбургаў у Трыццацігадовай вайне вымусіла кіраўніцтва Рэчы Паспалітай пайсці на змены ў знешнепалітычным курсе і ў 1645 г. яно зрабіла крок да збліжэння з Францыяй, але на поўны разрыў з Габсбургамі, тым не менш, не пайшло. Не былі канчаткова ўрэгуляваны адносіны са Швецыяй, частка магнатаў якой на чале з канцлерам А. Аксеншэрнам выступала за працяг вайны. Швецыя ўжо ў 1646–1647 гг. была падрыхтавана да пачатку баявых дзеянняў супраць Рэчы Паспалітай.

Неспрыяльная для Рэчы Паспалітай сітуацыя склалася і на паўднёвых межах з Крымам і Асманскай імперыяй. Палітыка Уладзіслава IV, накіраваная на стварэнне антытурэцкай кааліцыі ўсходнееўрапейскіх дзяржаў, рабіла заканамернай варожасць Асманскай імперыі да Рэчы Паспалітай, што асабліва карысна было для Крымскага ханства, кіраўнік якога хан Іслам-Гірэй III імкнуўся выкарыстаць любую магчымасць, каб скарыстаць аслабленне польска-літоўскай дзяржавы. Разам з тым, прывал ідэі паходу Рэчы Паспалітай на крымскіх татараў прывёў да незадавальнення значнай колькасці казацтва і, як вынік, умацнення сацыяльных і этнаканфесійных супярэчнасцей у кароннай Украіне.

Трыццацігадовая вайна ў сукупнасці з названымі вышэй фактарамі аказала значны ўплыў на становішча ўласна запарожскага казацтва. На працягу ўсёй вайны тысячы запарожцаў прынялі ўдзел у баявых дзеяннях на тэрыторыі Еўропы – у Трансільваніі, Германіі, Аўстрыі, адзначыліся ў 1646 г. у бітве пад Дзюнкерам, прычым апошні эпизод звязваецца з імем Б. Хмяльніцкага [8, с. 570]. Набыты ў Еўропе досвед не мог быць не выкарыстаны запарожскім казацтвам, тым больш што да 40-х гг. XVII ст. Запарожская Сеч фактычна пераўтварылася ў самакіруючую і практычна незалежную ад цэнтральных польскіх улад тэрыторыю, якая стала пераўтварацца ў суб'екта міжнародных адносін рэгіянальнага ўзроўню, аб чым сведчыць спроба стварэння ў 1624 г. казацка-татарскага вайсковага

саюзу [9, с. 68]. Узмацненне нацыянальнай свядомасці рускага насельніцтва кароннай Украіны напрыканцы XVI – у першай палове XVII ст. разам з замацаваннем казацтва як магутнай сацыяльнай сілы сталі галоўнымі фактарамі зараджэння вызваленчай барацьбы на Украіне.

У канцы XVI – пачатку XVII ст. на Украіне адбылося шэсць буйных казацкіх паўстанняў (1591-1593 гг., 1594-1596 гг., 1625 г., 1630 г., 1637 г., 1638 г.), адно з якіх, пад кіраўніцтвам С. Налівайкі было прынесена ў беларускія паветы ВКЛ, дзе дзеянні казакаў былі актыўна падтрыманы часткаю мясцовага насельніцтва. Менавіта дзякуючы падтрымцы казакаў у 1633 г. быў адроджаны афіцыйны статус дызуніцкай праваслаўнай царквы ў Рэчы Паспалітай. Аднак гэтая падзея не толькі не стабілізавала становішча ў Польшка-літоўскай дзяржаве, а наадварот прывяла да яе дэстабілізацыі.

Лідар запарожскіх казакаў Б. Хмяльніцкі пачаў пошук знешніх саюзнікаў – імі маглі быць натуральныя знешнепалітычныя праціўнікі Рэч Паспалітая – Расійская дзяржава і Крымскае ханства. Менавіта з апошнім новаабраны гетман найбольш актыўна вёў перамовы і, заручыўшыся падтрымкай Асманскай дзяржавы, да сярэдзіны сакавіка 1648 г у Бахчысарай быў заключаны дагавор аб саюзе з крымскім ханам Іслам-Гірэем аб вайскавай дапамозе татар ў барацьбе супраць Рэчы Паспалітай. Паводле казацка-татарскай дамоўленасці, запарожцы абяцалі не дапускаць марскіх выпраў супраць татарскіх і турэцкіх населеных пунктаў, рэгулярна выплочваць памінкі, за што на дапамогу Хмяльніцкаму было накіравана 3–4 тыс. татар на чале з Тугай-беем.

Такім чынам, у 20–40-х гг. XVII ст. ва Ўсходняй Еўропе праходзілі няпростыя геапалітычныя працэсы, на якія непасрэдна ўплыў аказвала Трыццацігадовая вайна ў Цэнтральнай Еўропе. Рэч Паспалітая, Расійская дзяржава, Швецыя і Асманская імперыя вымушаны шукаць саюзнікаў на Захадзе, каб рэалізаваць свае інтарэсы ва Ўсходняй Еўропе. Складаная знешнепалітычная сітуацыя, у якой аказалася Рэч Паспалітая ў сярэдзіне XVII ст., стварыла спрыяльную кан’юктуру для актывізацыі апазіцыйных каралеўскаму ўраду сіл, што выявілася ў шэрагу паўстанняў запарожскіх казакаў на Украіне ў першай палове XVII ст. Нявырашанасць унутраных праблем у Рэчы Паспалітай прывяла да фарміравання на Украіне апазіцыйнага дзяржаўнага ўтварэння – Запарожскай Сечы, якая слаба кіравалася цэнтральнымі органамі ўлады. Як вынік, Усходняя Еўропа стала на парозе новага буйнога міжнароднага канфлікта, які

прадвызначыў істотныя геапалітычныя змены ў другой палове XVII ст.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Лыжин, Н.П. Столбовскій договоръ и переговоры ему предшествующіе / Н.П. Лыжин – СПб.:б.в., 1856. – 243 с.; Шаскольский И.П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. – М.; Л.: Наука, 1964. – 218 с.

2. Снапкоўскі, У. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вуч. дапам. для студэнтаў: у 2 ч. – Мінск: БДУ, 2003. – Ч.1. Ад пачатку дзяржаўнасці да канца XVIII ст. – 281 с.; Алексеев, В.М. Тридцатилетняя война. – Л.: Учпедгиз, 1961. – 184 с.; Ивонина Л.И., Прокопьев А. Ю. Дипломатия Тридцатилетней войны. – Смоленск, 1996; История дипломатии / под ред. В.П. Потёмкина: в 3 т. Т. 1. – М.: ОГИЗ, 1941. – 567 с.; Поршнев, Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства / Вебер, В.Г. – М.: Наука, 1976. – 436 с.; The Thirty Years' War / G. Parker. – 2. – New York: Routledge, 1997. – 316 p.; Schmidt, G. Der Dreißigjährige Krieg. – 6. – München: Beck, 2003; Schormann, G. Der Dreißigjährige Krieg. – 3. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2004; Serczyk, W.A. Na płonącej Ukrainie. Dzieje Kozaczyzny 1648–1651, Warszawa 1998.

3. Поршнев, Б.Ф. К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648–1654 годов / Б.Ф. Поршнев // Вопросы истории. – 1954. – №5. – С. 44–58.

4. Сас, П.М. Укладнення Хотинского мирного договору 1621 р. // УІЖ. – 2013. – №2. – С. 38–73.

5. Донесение о посольстве князя К. Збаражского в Турцию. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Zbarazskij/frameset1.htm> – Дата доступу: 03.03.2016.

6. Kognowicki, K. Zywoť Lwa Sapiehy/ K. Kognowicki. – Sanok: – 1856. – S. 97.

7. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией (АЮЗР). – СПб.: тип. П.А. Кулиша, 1861. – Т. 3. – 604, 134, 22 с.

8. Полторак, В.М. Тридцятилітняя вайна / В.М. Полторак // Українсько козацтво: мала енциклопедія. – Київ, 2006. – С. 570–571.

9. Брехуненко, В. Московська держава і козацько-татарський віськовий союз 1624–1629 рр. / В. Брехуненко // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин: збірник наук.

праць. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. – С. 66–84.

10. Історія України: нове бачення: У 2 т. / О.І. Гуржій, Я.Д. Ісаєвич, М.Ф. Котляр [та інш.]; редкол. В.А. Смолій (гол. ред.) [та інш.].– Київ: Вид-во “Україна”, 1995. – Т. 1. – 350 с.

УДК 94(476)

Е. В. Хроленок

БГУ, г. Минск

ГОМЕЛЬЩИНА И СТАРОДУБЩИНА: ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье сделана попытка осветить общую историю двух пограничных регионов – Гомельщины и Стародубщины, через процесс зарождения и формирования в Северной земле социального сословия казаков. На основе малоизученных архивных документов уточняются вопросы установления границ между регионами во время войны Российского царства с Речью Посполитой (1654–1667).

Территория исторической Стародубщины сегодня разделена между Российской Федерацией и Украиной, и лишь ее небольшая часть входит в состав Гомельской области Республики Беларусь. Однако продолжительный период ее история была неразрывно связана с Великим княжеством Литовским (ВКЛ). Стародуб и Гомель составляли единое целое, как два центра Северной земли.

Во второй половине XIV в. Северская земля, включая Гомель и Стародуб, была включена великим князем Ольгердом в состав ВКЛ. Стародуб стал центром удельного княжества, в котором правили представители династии Гедиминовичей. В середине XV в. Северщина с городами Стародуб и Гомель были пожалованы Казимиром Ягайловичем князю Ивану Можайскому.

Отличительной чертой данного региона являлось зарождение на его территории в конце XV – начале XVI вв. особой социальной прослойки – казачества. Сыгравшей впоследствии значительную роль в истории Северной земли. Полагаем, что основной причиной зарождения казачества в крае послужило его географическое положение. Северские земли находились на границе ВКЛ и Московского государства при этом подвергались постоянным

нападениям со стороны татар. Учитывая последнее обстоятельство, местные жители всегда были готовы к отражению неприятеля.

В 1500 г. стародубский князь Семен Иванович Можайский со всеми принадлежащими к его уделу территориями перешел на службу к Московскому государству. На тот момент княжество с центром в Стародубе включало в себя огромную территорию: собственно сам Стародуб, а так же Гомель, Чернигов и бывшие Мстиславские города Мглин, Дроков и Поповая Гора. Однако уже в 1518 г. умер бездетным сын Семена Можайского – Василий. После этого Стародубское княжество было упразднено, а его территория вошла в великокняжеский домен.

Вероятно, после установления на Стародубщине царской администрации в регионе начинает активно формироваться служилое сословие. Служилые люди, получив земельные наделы, принимали на себя обязанность несения воинской службы. Первое упоминание о местных детях боярских относится уже ко времени Стародубской войны (1534–1537). Кроме того среди пленных стародубцев находим немало жителей окрестных сел и деревень [1, с. 178–181]. Данное обстоятельство может служить косвенным подтверждением того, что уже тогда существовала традиция по охране города нанятыми на военную службу выходцами из прилегающих к нему поселений.

По результатам Стародубской войны (1534–1537) ВКЛ не смогло вернуть себе Стародуб. Территориальные приобретения ограничились Гомелем. Северская земля, таким образом, оказалась разделенной между двумя государствами.

В 1562 г. на территории Стародубщины появились отряды «сторожи» возглавляемые собственным воеводой [2, с. 202]. Интересно, что в тот же период такие же отряды упоминаются и в Гомеле. Так Чечерская волость обязана была содержать в Гомеле за свой счет круглый год отряд «сторожи» [3]. Одновременное появление отрядов сторожей на Гомельщине и Стародубщине подчеркивает наличие уже устоявшегося к тому времени казачьего образа жизни в регионе, корни которого следует искать еще до раздела Северщины. Кроме того составленный в 1581 г. первый реестр запорожских казаков фиксирует среди них выходцев из городов Северской земли – Гомеля и Любеча, а так же соседних Брагина, Мозыря и Мстислава [4].

В 1618 г. между Русским царством и Речью Посполитой (РП) было заключено Деулинское перемирие. По его условиям Стародуб-Северский вновь вошел в состав ВКЛ, где стал центром

одноименного повета Смоленского воеводства. А в 1646 г. к нему были присоединены Лоевская и Любечская волости.

С началом на территории современной Украины восстания Богдана Хмельницкого в 1648 г., жители Северщины поддержали запорожских казаков. И в том же году «полк Черниговский со всею Северью аж по Гомель и Дроков и Мглин» [5, с. 14] был включен в состав казацкого войска Б. Хмельницкого.

В 1663 г. во время реформы гетмана Ивана Брюховецкого Стародубский полк окончательно был оформлен, как самостоятельная военно-административная единица. Он включил в себя практически все земли Стародубского повета, за исключением Лоевской и Любечской волостей. А так же расширил свою территорию за счет земель бывшего коронного Новгород-Северского повета [6, с. 33]. Так Стародуб официально получил статус центра Северской земли в Гетманской Украине, отеснив Новгород-Северский на второй план.

Однако, по сравнению с административным делением 1654 г. из состава полка исчезли три сотни: Дроковская, Попогорская и Бобовская. А.М. Лазаревский высказывал мнение о том, что ликвидация указанных сотен связана с незначительным количеством в них казачьего населения и переходом их во владение Киево-Печерского монастыря и стародубского магистрата [6, с. 139]. Но полагаем, что причины их исчезновения были несколько иными.

В переписных книгах Стародуба за 1666 г. при описании Мглинского уезда Дроков назван пустым местечком [7, л. 514]. Вероятно, он был полностью уничтожен во время вторжения татар пришедших с Ю. Хмельницким в 1661 г. и, следовательно, не мог быть больше сотенным центром.

Села Попова Гора и Бобовичи со своими волостями отделены от Стародуба р. Ипуть. Исторически они не имеют такой глубокой связи со Стародубщиной, как земли на другом ее берегу. После Деулинского перемирия 1618 г. заипутские земли стали частью Стародубского повета. Однако в документах Литовской метрики Попова Гора фигурирует, как вполне самостоятельная территориальная единица в составе повета [8, л. 166об.]. Образованные в Стародубском полку к 1654 г. за р. Ипуть Попогорская и Бобовская сотни, вероятно, существовали до 1661 г. Проведенная в 1666 г. подробная перепись посполитых полка не фиксирует сведений о заипутских селах. Можно предположить, что причина их отсутствия заключалась в следующем.

После перехода гетмана Ивана Выговского на сторону РП, казацкие войска на территории современной Беларуси поддержали

его. Белорусский казацкий полковник Денис Мурашка в 1661 г. занял Гомель и сделал его своей столицей. Из него он начал осуществлять рейды на территорию Стародубщины. Перепись 1666 г. дает реестр сотни Топальской, согласно которому «Селище Тростян, селище Рылово, селище Щербиничи, селище Рогов, селище Слободка Щербининка, селище Хвоевичи, селище Чолхово, и иные селища Мурашке до Гомля отошли» [7, л. 137об.]. Таким образом, можно утверждать, что уже к 1666 г. гомельские казаки контролировали восточную часть Топальской сотни. Вероятно, кроме того Мурашке удалось удерживать на протяжении 1661–1666 гг. Попову Гору и Бобовичи с их волостями.

В 1666 г. гетман Иван Брюховецкий сделал попытку вернуть Гомель. Город был взят в осаду северскими казаками. От штурма Гомель уберегло заключенное в январе 1667 г. Андрусовское перемирие. По его условиям границы Стародубщины установились в соответствии с довоенными границами одноименного повета ВКЛ. Стародубские полк вернул себе заипутские волости, но вынужден был оставить Гомель и земли на левом берегу Сожа. И действительно, в том же 1667 г. в документах стародубского магистрата встречаем упоминание о жителях заипутской деревни Суботовичи [9, с. 102].

Необходимо отметить, что гетманская администрация не смирилась с потерей Гомеля. В 1669–1671 гг. казаки заняли земли в Мстиславском воеводстве. В 1672 г. гетман Демьян Многогрешный просил у царя Алексея Михайловича разрешения вернуть Гомель, но получил решительный отказ. Более того казаки вынуждены были оставить уже занятые территории. Во времена правления гетмана Ивана Самойловича в 1684 г. стародубским казакам все же удалось распространить свою власть на села на левом берегу Сожа «от Гомля до самого Рославля» [5, с.75]. В качестве одного из доводов, почему гомельские села должны были быть включены в состав Стародубского полка, Самойлович писал, что села «Хмелницкого войною привлечены были в войсковую область, в которой ныне обретаются люди, которые казацкую службу служили» [10, с. 497]. Однако, как и в прошлый раз, заключение Вечного мира 1686 г. заставило казаков вернуться на определенные по Андрусовскому перемирию границы.

После распада Российской империи на национальные республики произошло вновь короткое воссоединение Гомеля со Стародубом. В 1918 г. оба города стали центрами уездов в составе Черниговской губернии Украинской Державы гетмана Скоропадского. После перехода данных территорий под контроль Красной Армии в 1919 г. Стародуб вошел в состав образованной в

РСФСР Гомельской губернии. Однако и данная ситуация просуществовала так же недолго. В декабре 1926 г. Гомельская губерния была упразднена: Гомельский и Речицкий уезды были включены в состав БССР, а Стародубский, Клинцовский и Новозыбковский передавались Брянской губернии РСФСР.

Список источников и литературы

1. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. в 9 т. / Российский государственный архив древних актов, Instytut historyczny Uniwersytetu Warszawskiego, Centrum historii Europy Środkowo-Wschodniej ; сост. М. М. Кром – Москва : Древлехранилище, 2002. – Т. 6 : Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки, первая половина XVI в. – 267 с.

2. Разрядная книга 1475-1598 гг. / Ин-т истории СССР: сост. В.И. Буганов, М.Н. Тихомиров. – Москва : Наука, 1966. – 616 с.

3. Ткачоў, М. А. Гомельскі замак / М. А. Ткачоў // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 3 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Т. У. Бялова [і інш.]. – Мінск, 2007. – Т. 1. – С. 544.

4. Дзира, Я. І. Найдавніший реєстр українського козацтва 1581 року / Я. І. Дзира // Україна – козацька держава : Ілюстрована історія Українського козацтва у 5175 фотосвітлинах / упоряд. В. В. Недяк ; наук. ред. В. О. Щербак, О. К. Федорук. – Київ, 2004. – С. 40–43.

5. Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти / Под ред. О. М. Бодянского. – Москва : Университетская Тип., 1846. – 158 с.

6. Лазаревский, А. М. Описание старой Малороссии : в 3 т. / А. М. Лазаревский. – 2-е изд. – Брянск : Белые Берега : Белобережье, 2008. – Т.1 : Полк Стародубский. – 560 с.

7. Российский государственный архив древних актов в г. Москва. – Ф. 124. – Оп. 1. – Д.73.

8. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минск. – Ф. КМФ-18. – Оп.1. – Д. 108.

9. Отрывки из Стародубовской меской книги за 1664–1673 гг. / под ред. В.Л. Модзалевского // Труды Черниговской губернской архивной комиссии. 1909–1910. – 1911. – №8. – С. 71–105.

10. Кочегаров, К. А. К истории «Посожского конфликта». Поездка стольника Ф.А. Головина к украинскому гетману Ивану

Самойловичу в 1685 г. / К. А. Кочегаров // Вертоград многоцветный : сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори / отв. ред. А.А. Турилов. – Москва, 2018. – С. 489–500.
УДК 930(410)"192/193":94:327(410)"192"

Е. Н. Дубровко

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГОДОВ В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ МЕЖВОЕННЫХ ЛЕТ И ЭПОХИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье проведён анализ английской историографии межвоенного времени и времени Второй мировой войны по проблеме европейской политики Великобритании первой половины 1920-х годов. Показано, что культивируемые в ней тезисы соответствовали установке консервативной партии на сохранение глобального влияние островного государства, при этом Европа рассматривалась лишь как одна из многих зон его внимания. Такая установка в определённой мере снимала с Великобритании ответственность за развитие событий на европейском континенте, доказывая, что её политические шаги в европейских вопросах определялись часто «внеевропейскими» интересами.

На сегодняшний день из многих событий международной жизни значительную долю внимания общественности привлекает процесс поиска приемлемых для всех заинтересованных сторон механизмов выхода Соединённого Королевства из ЕС, иначе говоря, инициированного консервативным кабинетом Д. Кэмерона Брексита. Европейская политика этого государства оказывала и продолжает оказывать влияние на все страны континента и на отношения между ними, а потому анализ её довольно часто становился предметом научных исследований. В том числе анализировалась и европейская политика Великобритании первой половины 1920-х годов, эпохи становления Версальской системы и начала проявления признаков её кризиса. Посвящённые ей работы английских авторов начали появляться ещё в межвоенные годы и во время Второй мировой войны, но не получили, на наш взгляд, должного освещения в отечественной историографии. Между тем знакомство с ними представляется важным для понимания традиций английской политики в отношении Европы и её обоснования, несомненно, оказывающих влияние и на политику современных консерваторов.

В работах 1920-х годов внешнеполитическая деятельность Великобритании рассматривалась в связи с анализом проблем версальского мирного урегулирования. Уже в «Истории Парижской мирной конференции» под редакцией Х. Темперли обозначены ключевые тезисы, которые использовались английскими авторами межвоенных лет при характеристике европейской политики их страны. В частности, отмечено, что премьер-министр Д. Ллойд Джордж стремился примирить Россию с Лигой наций и Парижской конференцией, добиться общего соглашения о разоружении, решить проблему репараций; однако потерпел по всем этим вопросам поражение. Также обозначены осложнившие реализацию этих задач обстоятельства: необходимость учёта позиции английского парламента и союзной Франции. Также Х. Темперли делал акцент на влиянии на британскую политику отказа США ратифицировать Версальский договор и гарантийный пакт, который должен был обеспечить на 10 лет защиту Франции при неспровоцированном нападении Германии, поскольку для Великобритании участие в пакте зависело от того, подпишет ли его США. Провал идеи гарантийного пакта привёл к болезненным последствиям для Европы, и по мнению автора, вся ответственность за это и все дальнейшие действия Франции лежала на США [1, р. 550–552].

В 1920 году был основан Британский институт международных отношений, задачей которого было изучение международных вопросов во избежание новых войн. Под его эгидой в конце 1920-х годов издавались ежегодные обзоры международных отношений, которые рассматривались авторами как продолжение официальной истории Х. Темперли. Тома, посвящённые событиям 1920 – 1924 годов, были подготовлены А. Тойнби, и их содержание позволяет выявить подходы, которые, как будет видно далее, легли в основу господствовавшей в английской историографии оценки внешнеполитической деятельности Великобритании первой половины 1920-х годов.

А. Тойнби писал о европейском концерте, существовавшем до войны, в который входили европейские государства Франция, Германия, Австро-Венгрия и Италия, а также частично действовавшие в европейской орбите, и частично вне её Великобритания и Российская империя [2, р. 56]. Война сломала эту систему. А. Тойнби признавал, что в конце 1919–1920 гг. Франция пережила удар, связанный с провалом надежд на гарантии со стороны «англоязычных держав», но подчёркивал вину США за срыв гарантийного пакта [2, р. 58, 59]. Вслед за этим, автор оправдывал

действия США и Великобритании широтой их внешнеполитических интересов, тем фактом, что с устранением германской угрозы Европа перестала быть центром их интереса, они обратили своё внимание на Дальний восток и Тихий океан [2, р. 60]. В последующих изданиях А. Тойнби также подчёркивал, что все предложения Великобритании о франко-британском соглашении были отвергнуты Францией [3, р. 6–7]. Также А. Тойнби выделял психологический фактор: переговоры о франко-британском пакте не были успешны, так как англичане смотрели на международные отношения как «островитяне». Он приводил точку зрения Д. Ллойд Джорджа о том, что британский парламент и общество не чувствовали опасности со стороны континентальной Европы, особенно после исчезновения немецкого флота, поэтому не готовы были гарантировать что-либо, кроме восточных границ Франции и Бельгии [3, р. 27–28]. Обращал историк внимание и на то, что именно доминионы повлияли на отказ Великобритании подписать Женевское соглашение, так как не хотели ввязываться в конфликты, которые могли вспыхнуть на американском континенте и в других регионах [3, р. 32–36].

В целом историк объяснял политику Великобритании тем фактом, что она входила в «два мира» – континентальную Европу и англоговорящий мир других континентов [3, р. 36].

Затронул А. Тойнби и вопрос отношений с Россией. Он отметил, что западные государства, вступавшие в отношения с советским правительством (то есть и Великобритания – Е.Д.), обнаруживали, что оно не является независимым, что за ним и Третьим Интернационалом стояли одни и те же силы. К срыву переговоров и разрыву отношений приводили разнонаправленные действия Г.В. Чичерина во главе НКВД и Г.Е. Зиновьева во главе Коминтерна. Так в отношениях с Англией государственные интересы СССР были принесены в жертву идеологическим интересам Коминтерна [3, р. 175].

События в Европе в 1925 году в рамках следующего тома рассматриваемого издания описывал и характеризовал К.А. Макартни, так как А. Тойнби готовил второй том по странам Востока. У него также находим мысль о влиянии общественного мнения Великобритании на её европейскую политику: Локарнское соглашение удовлетворило британское общество, так как, с одной стороны, не предусматривало тяжких обязательств, а с другой – не оставило страну в изоляции [4, р. 1].

Выделившиеся уже в 1920-х годах тезисы, характеризующие английскую политику, можно проследить и в работах английских

историков 1930-х годов. Например, работа У. Эдвардса была создана как учебное пособие для подготовки к экзамену по истории Великобритании для абитуриентов и студентов, и может, на наш взгляд, рассматриваться как официальная интерпретация исторических событий [5]. Характеризуя события Парижской конференции, автор писал, что Д. Ллойд Джордж противостоял «как маленький уэльский терьер» Ж. Клемансо и выступал, несмотря на свои предвыборные лозунги, за более умеренную политику в отношении Германии. При этом он вынужден был учитывать мнение парламента, со стороны которого звучали упрёки в мягкотелости и требование более жёстких мер в отношении Германии [5, p. 164].

Далее У. Эдвардс выделил период 1919–1925 гг., то есть до конференции в Локарно. Он писал, что во всех переговорах этого периода Великобритания играла важную роль, её внешняя политика отмечена постоянной поддержкой Лиги наций; однако проблема реконструкции Европы дополнялась разногласиями между Англией и Францией по вопросам о Германии, Турции, Польше, России, а отказ США ратифицировать Версальский договор способствовал ужесточению позиции Франции, пытавшейся обеспечить свою безопасность. Великобритания хотела либерально интерпретировать Версальский договор, избежать чрезмерных репараций, вернуть Германию обратно в «концерт» великих держав. Вместе с тем, она была крайне против ремилитаризации Германии. Столь же умеренной и рациональной была позиция в отношении России: уже в 1920 году Великобритания стала первой из союзников, кто вступил в переговоры с большевиками, и несмотря на политику Коминтерна, Д. Ллойд Джордж упорно поддерживал курс на дружественные отношения с советским правительством, в чём его поддерживали лейбористы [5, p. 174–178].

Обосновывая вызвавший много нареканий отказ Великобритании от Женевского протокола, У. Эдвардс объяснял его «национальными интересами», такими же, которые «привели США к отказу от ратификации Версальского договора» [5, p. 189].

В 1930-х годах появлялись издания, посвящённые характеристике внешней политики Великобритании, которые готовились не профессиональными историками, а публицистами, и несли на себе явную печать политических взглядов автора. В качестве примера можно отметить работы Р. Пейджа Арнота, британского журналиста и политика-коммуниста, одна из которых уже в 1938 году была издана на русском языке [6]. Такие работы скорее имеют

ценность для анализа общественных настроений 1930-х, нежели являются единицами историографии.

Обострение политической обстановки в конце 1930-х годов способствовало возрастанию интереса к международным отношениям времени версальского мирного урегулирования и политике Великобритании в те годы как у профессиональных историков, так и у общества, на запросы которого историческая наука должна была отвечать. Этим можно объяснить появление целого ряда работ по истории британской внешней политики межвоенных лет, объединённых задачей выявления причин и предпосылок роста напряжённости в Европе и мире, а также роли британского правительства и его политики.

Одной из первых таких работ стала работа Р. У. Сетон-Уотсона, историка, одного из инициаторов основания Школы славянских исследований в Лондоне [7]. Проявляя большой интерес к истории стран Центральной и Южной Европы и соответствующим векторам английской политики, исследователь не мог избежать и общей характеристики европейской политики Великобритании. В его работе находим уже вырисовывавшийся тезис о том, что в межвоенное время Великобритания продолжала уже через Лигу наций реализовывать политику «одна нога – в море, одна на берегу» [7, р. 82], что, очевидно, уменьшало её интерес к европейским делам. Однозначно автор писал о «незаинтересованности» Великобритании в регионах Восточной и Центральной Европы [7, р. 103]. Подобные же мысли звучали в работе историка и исследователя международных отношений Э. Х. Карра [8]. Он указывал, что основные интересы Великобритании лежали в её колониях; образно говоря о своей стране как «европейской по принуждению», автор писал о том, что суть её политики в Европе сводилась к защите, противодействию доминированию какой-либо державы на континенте. Кроме этого у островного государства «нет определённых целей» в Европе [8, р. 34, 124.].

Наращение кризиса в международных отношениях в 1939 году стимулировало размышления о выборе адекватного ситуации внешнеполитического курса, что подталкивало историков к поиску аналогий в далёком и недавнем прошлом. Так, кембриджский историк М. Брюс, рассматривая внешнюю политику Англии с конца 15 века до современности, попытался подвести к ответу на вопрос о том, «интервенция или изоляция» являлись правильным курсом для его страны [9]. Автор писал, что катастрофа Первой мировой войны показала, что Великобритании надо поддерживать более тесные

контакты с континентальными странами при решении дел Европы. Британии надо разработать средства, чтобы оказывать влияние на дела Европы в мирные и военные годы. Таким средством казалась Лига наций [9, p. 125–126].

В работе М. Брюса вновь видим тезис о том, что первый удар по системе международных отношений – переход США к изоляционизму. Без участия США в Лиге слабая в военном отношении Великобритания боялась давать слишком большие обязательства. Против этого выступали и доминионы [9, p. 138–139].

Автор подводил к мысли, что США подорвали стабильность Версальской системы. Свою роль сыграло и нежелание Франции при Р. Пуанкаре вести конструктивные переговоры. При этом не отрицалось, что часть ответственности лежала и на Великобритании [9, p. 139].

Издание признавало, что Великобритания, хоть и не имеет жизненной заинтересованности в Восточной Европе, не могла более оставаться безразличной к развитию там событий. Кроме того, Великобритании надо озаботиться проблемами Восточной Европы, так как они могли через Балканы повлиять на ситуацию в Восточном Средиземноморье [9, p. 143].

Общий авторский посыл: Великобритания должна разделить ответственность за развитие событий, не только решать сиюминутные сложности, как это делали политики межвоенных лет, но определить, какова её роль в меняющемся мире. Эту политическую линию нужно также довести до общественного мнения [9, p. 147].

Следующий этап развития научных представлений об английской политике в Европе связан с событиями Второй мировой войны. Британский историк У.Н. Меддикотт в 1940 году выпустил работу, целью которой обозначил поиск факторов, влиявших на внешнюю политику Великобритании после 1919 года [10].

Автор отметил, что реализация основных принципов британской политики – стремление к миру, отсутствие территориальных амбиций в Европе, борьба с гегемонией одного государства на континенте, защита доминионов, колоний, зависимых территорий и путей сообщения с ними, борьба при определённых обстоятельствах в защиту малых наций от агрессии, отказ от борьбы с каким-либо государством только потому, что ей не нравится его внутренняя политика – была возможна лишь в 19 веке [10, p. 1]. В межвоенные годы, Великобритания почти ото всех принципов отошла. Однако по-прежнему, после Первой мировой войны основная цель внешней политики – защита Империи от нападения [10, p. 7]. У британцев

существовала вера, что у Великобритании есть миссия – поддерживать мир во всём мире, а Европа – только его часть, и концентрировать внимание только на ней Великобритания не могла [10, р. 61]. До 1924 г. Великобритания была озабочена сохранением своих достижений без стремления к другим приобретениям, что вызывало трения с Францией, которая не довольствовалась плодами победы [10, р. 11]. Основной вопрос в Европе – следовало ли Великобритании принимать меры для сохранения условий мирного урегулирования к востоку от Рейна. За такую политику – традиционная симпатия к малым нациям и обязательства, наложенные уставом Лиги наций. Против – тот факт, что такие гарантии вызвали бы постоянное напряжение в отношениях с Германией, которая изначально не признавала свои восточные границы как окончательные [10, р. 5]. У Великобритании не было традиции враждебности к Германии. Британский бизнес заинтересован был в возрождении нормальных отношений с Германией. Кроме того, большинство политиков и остального населения не верило, что авиация ликвидировала недоступность английских островов для нападения и не понимало опасений Франции и её стремления к поиску союзников на востоке. Всё это обусловило политику невмешательства в дела континента к востоку от Рейна, что и оставалось основной целью политики Великобритании с 1925 до 1938 года, когда рост популярности требований противостояния немецкому милитаризму, идеи защиты малых государств Центральной Европы и активное сотрудничество с Советским Союзом вызвали отказ от этой цели [10, р. 6–7].

Много внимания автор уделил влиянию позиции США и доминионов на Великобританию [10, р. 30 – 42]. В частности, по его утверждению, значительна роль доминионов в отказе подписывать Женевский протокол [10, р. 79].

Как и в 1930-е годы в период войны выходили работы по истории внешней политики Великобритании, подготовленные непрофессиональными историками. Пример тому – книга журналиста, редактора Ф. Дж. Дугласа [11]. Автор писал, что в межвоенные годы Великобритания полностью отошла от внешнеполитических принципов 19 века, которые гарантировали безопасность, но в то же время не воспользовалась предложенной Францией схемой, предусматривавшей надёжные военные гарантии против новой войны на западе, наоборот, оказалась связанной, по меньшей мере теоретически, обязательствами по разоружению. Послевоенная внешняя политика оказалась подорвана отказом США

ратифицировать мирный договор. Негативную роль сыграл и тот факт, что во власти находились старые политики, которые не видели происходивших изменений и наивно верили, что «если в Европе возникнет кризис, то вся Европа поднимется в защиту договоров». То есть наивность английских политиков сыграла злую шутку, стремление решать все вопросы через организацию конференций «выглядело смехотворно» [11, р. 63–97]. В данном случае, очевидно, мы имеем дело не с научным исследованием, а с публицистической работой, критический характер которой показывает крайний консерватизм автора. Для него любые либеральные шаги являлись проявлением слабости, приведшим к забвению «славного прошлого».

Другой пример – работа Э. Григга, либерального политика, с 1920 по 1922 год являвшегося личным секретарём Д. Ллойд Джорджа [12]. Анализируя межвоенные годы, он пытался выяснить, что в соглашении 1919 года предопределило его слабость и выделил основной факт: Британия отказалась от военной силы, а США отвернулись от Европы, что вызвало “перегруженность” Франции [12, р. 9.]. То есть, одна из причин слабости Версальской системы – отсутствие взаимопонимания между Великобританией и Францией, что рассматривалось как урок, который нужно вспомнить в преддверии окончания текущей войны. Ещё одна опасность для мира – обстракизм по отношению к России, так как она представляла один из незаменимых барьеров на пути стремления Германии к мировому господству. Э. Григг отмечал, что ни «царизм», ни «советизм» не созвучны английскому образу жизни, но у Британии и России есть важные общие интересы: присматривать за Германией. Это делало их естественными союзниками в Европе [12, р. 13–15].

Вполне объяснимо, исходя из его политических взглядов, стремление автора показать положительную роль британского премьера Д. Ллойд Джорджа в формировании внешней политики его страны. Э. Григг писал, что у премьера были две основные проблемы – репарации и европейская безопасность, связанная с провалом планов англо-американского гарантийного пакта с Францией. Он не решил ни одной из них, но не по своей вине: ему помешало противодействие консервативной части парламента и Кабинета, при этом хвалил Д. Ллойд Джорджа, который давно говорил, что «обстракизм по отношению к России» будет опасен. Хоть Э. Григг и признал, что Великобритания и США неверно оценили проблему Германии, но тут же подчёркнул, что начало проблемам было положено, когда США не ратифицировали Версальский договор [12, р. 12–18]. Давая ответ на вопрос о выборе внешнеполитического

курса, политик отстаивал мысль, что безопасность Великобритании зависела от хода событий в Европе, но невозможна без сотрудничества с Россией и США.

Упомянув здесь российский вектор и его отражение в исторических исследованиях, можно отметить, что авторы работ по внешней политике Великобритании рассматриваемого времени не заостряли проблему её советской политики, а характеризовали в большей мере англо-французские отношения, англо-американские, отношения с Японией. Так, например, работа У. Джордана посвящена англо-французским отношениям, при этом в предисловии, подготовленном проф. Ч. Уэбстером, специально отмечено, что англо-французские отношения – только одни из многих, а европейская безопасность составляла только часть мировой безопасности [13, р. VI]. Появление известной «просоветской» работы Коатсов [14] стало скорее исключением и связано с подписанием англо-советского союзного договора в мае 1942 года и необходимостью познакомить английского читателя с Советским Союзом, в какой-то мере примирить с ним.

В целом, проведённый анализ английской историографии межвоенного времени и времени Второй мировой войны показывает, что на этом этапе сохранялась установка на то, что Великобритания не могла сконцентрировать своё внимание в 1920-х годах только на Европе, так как была прежде всего мировой державой, имела значительные интересы за пределами европейского континента. Это в полной мере соответствовало принципам политики консервативной партии, которая в межвоенные годы почти всё время находилась у власти. Такая установка в определённой мере снимала с Великобритании ответственность за развитие событий на европейском континенте, доказывая, что её политические шаги в европейских вопросах определялись часто «внеевропейскими» интересами. При характеристике британской политики в отношении Европы подчёркивалось, что отправной точкой проблем Версальской системы был отказ США ратифицировать Версальский договор, который сделал гарантии Франции, в том числе со стороны Великобритании, недействительными; далее уже французская политика привела к провалу переговоров об англо-французском договоре.

Список источников и литературы

1. A history of the Peace Conference of Paris / ed. by H.W.V. Temperley : in 6 vol. – Vol. VI. – London : Henry Frowde and Hodder&Stoughton, 1924. – 766 p.
2. Toynbee, A.J. A Survey of International affairs 1920-1923 / A.J. Toynbee. – London : Oxford University Press, 1927. – 526 p
3. Toynbee, A.J. A Survey of International affairs 1924 / A.J. Toynbee. – London : Oxford University Press, 1928. – 528 p.
4. Macartney, C.A. A Survey of International affairs 1925 / C.A. Macartney : in 2 vol. – London : Oxford University Press, 1928. – Vol. II. – 486 p.
5. Edwards, W. British foreign policy from 1815 to 1933 / W. Edwards. – London : Methuen and Co. LTD, 1934. – 226 p.
6. Арнот, Р.П. Внешняя политика английского империализма / Р.П. Арнот. – М. : ОГИЗ, 1938. – 88 с.
7. Seton-Watson, R.W. Britain and the dictators. A survey of post-war British policy / R.W. Seton-Watson. – 3d ed. – Cambridge: The University Press, 1939. – 460 p.
8. Carr, E.H. Britain. A study of foreign policy from the Versailles treaty to the outbreak of war / E.H. Carr. – London-New York-Toronto : Longmans, Green and Co, 1939. – 196 p.
9. Bruce, M. British foreign policy. Isolation or intervention? / M. Bruce. – London : Thomas Nelson and sons Ltd, 1939. – 158 p.
10. Medlicott, W.N. British foreign policy since Versailles / W.N. Medlicott. – London : Methuen and Co. Ltd, 1940. – 316 p.
11. Douglas, J. Britain and Europe 1900–1940 / J. Douglas. – London : Collins 48 Pall Mall, 1941. – 196 p.
12. Grigg, E. British foreign policy / E. Grigg. – London- New York : Hutchinson & Co. Ltd, 1944. – 192 p.
13. Jordan, W.M. Great Britain, France and the German problem. 1918 -1939. / W.M. Jordan. – London-New York-Toronto : Oxford University Press, 1943. – 235 p.
14. Coats, W.P. A History of Anglo-soviet Relations / W.P. Coats, Z.K. Coats. – London : The pilot press, 1944. – 816 p.

УДК 94:314.745.4(438)"1918/1939"

Л. В. Гавриловец

МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь

РЕПАТРИАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье анализируется проблема решения польскими властями репатриационного вопроса в межвоенный период. Репатриация – это возвращение в Польшу лиц польского происхождения, а также особенный, привилегированный способ получения польского гражданства. Право на репатриацию имели исключительно лица, не имеющие польского гражданства и желающие навсегда переселиться в Польшу. Путем репатриации польское гражданство могли получить также супруг и малолетние дети, находящиеся под родительской опекой репатрианта. Первым и самым важным этапом в репатриационном процессе являлось получение решения о признании польского происхождения лица. Признание польского происхождения лица осуществлялось при условии, если данное лицо декларировало польскую национальность и как минимум один из его родителей, дедушка или бабушка, или двое прадедушек (прабабушек) были поляками, а также, если подтверждало свою связь с польской культурой.

В репатриационной политике польского государства можно выделить две фазы осуществления массовых репатриаций, которые приходятся на 1918–1924 гг. и 1944–1949 гг., т.е. соответственно на период завершения Первой и Второй мировых войн. Военные действия оказали значительное влияние на появление такого демографического явления, как принудительное миграционное движение, которое стало основным источником послевоенной репатриации в 1918–1924 гг. Так, после завершения Первой мировой войны в Германии оставалось значительное количество сезонных рабочих из других государств, в том числе из Польши. Часть польских рабочих были принудительно переселены в Германию во время войны. Количество данных лиц насчитывало около 1 млн. человек. От 3 до 4 млн. человек во время Первой мировой войны бежали на восток [1, с. 68]. Таким образом, на момент создания независимого польского государства миллионы поляков проживали во многих странах мира, и считались иностранными гражданами.

Статистические данные по вопросу репатриации в Польшу после Первой мировой войны являются неполными и противоречивыми. Согласно данным, собранным миграционной службой Польши, в 1918–1922 гг. на территории страны было зарегистрировано 4 127 тыс. репатриантов, в том числе 2 060 тыс. поляков [2, с. 54]. Другие источники приводят данные, согласно которым в период с 11 ноября 1918 г. до 30 июня 1924 г. на территорию Польши прибыло 1 265 тыс. репатриантов, из них 470 тыс. – поляки [3, с. 5]. Среди них были лица, которые в период

Первой мировой войны покинули земли, входящие в состав второй Речи Посполитой. Третьи источники содержат данные о репатриантах с востока, которые прибыли на территорию Польши в 1918–1922 гг. Официальные статистические данные свидетельствуют о том, что в 1918–1924 гг. количество репатриантов колебалось от около 1,4 млн. человек до 1,7–1,9 млн. человек [1, s. 71]. Такая значительная разница в цифрах объясняется этнической структурой репатриантов. Так, 37 % составляли только поляки, а остальные репатрианты были представителями других национальностей (белорусы, украинцы, евреи, русские), которые в 1919, 1921 и 1922 гг. составляли около 70% от общего количества прибывших в Польшу репатриантов.

Приведенные данные также тесно связаны с объяснением определения понятия «репатриант» и критериев, предъявляемых для данных категорий лиц. После завершения Первой мировой войны к категории репатриантов, как правило, относили беженцев, депортированных и эвакуированных лиц, а также переселявшихся в Польшу граждан иных территорий, которые не входили в состав второй Речи Посполитой. В 1918–1924 гг. репатриантами считались 2/3 от общего количества мигрантов выезжающих и въезжающих в Польшу. Репатриация оказывала тогда решающее влияние на структуру польского населения, особенно на востоке страны. Экономическое развитие восточных земель Польши, демографические изменения в данном регионе происходили именно благодаря появлению здесь репатриантов.

24 июня 1921 г. между Польшей, РСФСР и УССР было подписано соглашение о репатриации, согласно статье 7 которого репатриации подлежали заложники, военнопленные польской армии, гражданские пленные, интернированные лица и репрессированные за деятельность в интересах польского государства. К категории репатриантов также относились изгнанные с территории Польши граждане, которые постоянно проживали в стране, начиная с 1 августа 1914 г., за исключением царских чиновников и военных. Следующей категорией являлись эмигранты – лица, которые в результате политических преследований, по национальным и религиозным причинам на 1 августа 1915 г. вынуждены были эмигрировать из Польши [4, s. 823].

Конституция Польши от 17 марта 1921 г. предусматривала только два варианта получения польского гражданства – с момента рождения и приобретение правового статуса гражданина. Первоначально Закон о польском гражданстве 1920 г. не предусматривал наличие статуса «репатрианта», и лица, которые

вернулись в Польшу и смогли доказать свое польское происхождение, составили заявление о получении гражданства и отказались от статуса гражданина иного государства, могли рассчитывать на получение статуса гражданина Польши. Польское происхождение можно было подтвердить только в том случае, если близкий или дальний родственник постоянно проживал на территории Польши или разговаривал на польском языке как родном, придерживался польских традиций и обычаев, мог засвидетельствовать принадлежность к польской национальности. Следовательно, незнание польского языка, отсутствие польской фамилии или имени, а также время прибытия на территорию Польши не являлись преградой на пути к получению польского гражданства. В случае, если эмигранты попадали под данные критерии, административные органы обязаны были оказать своевременную помощь в получении гражданства. Легализация пребывания эмигрантов на территории Польши основывалась на таком критерии, как наличие постоянного довоенного местожительства.

Репатриация в Польшу после Первой мировой войны рассматривалась также польскими властями как реэмиграция. На основе постановления Совета Министров от 16 декабря 1918 г., Декрета начальника польского государства Ю. Пилсудского от 30 декабря 1918 г. первоначально было организовано возвращение пленных, беженцев и рабочих. Постановление правительства предусматривало возвращение на прежнее местожительства пленных, беженцев и рабочих, организацию транзита через территорию Польши до пограничных пунктов пленных, беженцев и рабочих иных национальностей, оказание медицинской помощи. Предусматривалось и регулирование при посредничестве Министерства иностранных дел условий пребывания на территории Польши лиц данных категорий. В ноябре 1920 г. для руководства административными процессами эмиграции, реэмиграции, иммиграции репатриантов была создана эмиграционная служба при Министерстве труда и социальной защиты. Данные органы занимались регулированием потоков репатриантов, их размещением, созданием необходимых бытовых условий для проживания, трудоустройством [3, s. 10–12].

Особое значение в репатриационной политике Польши занимала проблема возвращения домой польского населения из СССР. Согласно статистическим данным количество лиц польского происхождения на территориях СССР составляло 1,2 млн. человек, что превышало численность поляков, проживающих в США и

Германии [5, s. 1]. Со стороны польского руководства были сделаны попытки вернуть польских граждан из СССР на родину. 18 марта 1921 г. в Риге был подписан Рижский мирный договор между РСФСР, УССР и Польшей, который предусматривал возвращение польских граждан с территории на родину. Однако надежды польского правительства не оправдались, и произошла незначительная реэмиграция польских граждан из СССР, для которой было характерно незаконное пересечение государственной границы Польши и СССР. Ситуация изменилась в конце 1920-х – середине 1930-х гг., чему в немалой степени способствовало такое страшное явление, как голод. Несмотря на данные события, количество вернувшихся польских граждан являлось незначительным. Так, в 1927–1938 гг. из СССР в Польшу вернулось 204 поляка [5, s. 6]. Необходимо также отметить, что у польского руководства не было ни единого шанса противостоять массовым депортациям советских поляков в Казахстан, которые происходили во второй половине 1930-х гг.

Начало Второй мировой войны определило новую массовую миграционную волну в истории польского государства. Кроме добровольного выезда из Польши за границу, имело место принудительное миграционное движение, в частности, депортации польских граждан, проводимые германскими оккупационными властями в глубь Германии. Ряд польских исследователей также отмечают массовые депортации поляков на территорию СССР. Так, согласно данным НКВД в период с 11 октября 1939 г. до июня 1941 г. было осуществлено 4 фазы депортации поляков в СССР, в ходе которых количество депортированных составило около 1,7–1,9 млн человек [6, s. 3].

Необходимо отметить, что существование различных направлений миграционного движения в начальный период войны не позволяет создать общую статистическую картину происходящих миграционных процессов. Так, известно, что в начальный период Второй мировой войны польские граждане бежали с Волыни, что было связано с деятельностью ОУН, направленной против поляков в сентябре 1939 г. Кроме того, поляки, которые на начало Второй мировой войны проживали на территории СССР, в частности в Литве, Латвии, части Румынии, присоединенной к СССР, а также в 1936 г. были депортированы в Казахскую ССР не получили права возврата в Польшу. Их потомки получили такое право лишь в 1989 г.

Таким образом, характерной чертой репатриационного процесса в межвоенный период являлось то, что незначительная часть

этнических поляков вернулись в Польшу и получили польское гражданство. Во многом это было связано с фактом уничтожения архивов, что не позволяло репатриантам документально доказать свое польское происхождение. В то же время был отменен территориальный критерий признания репатриантов, существовавший до Первой мировой войны, когда польскими гражданами могли стать только лица, проживающие на территориях, входящих ранее в состав Речи Посполитой.

Список источников и литературы

1. Latuch, M. Repatriacja ludności polskiej w latach 1955–1960 na tle zewnętrznych ruchów wędrownych / M. Latuch. – Warszawa : Pol Tow. Demograficzne, 1994. – 260 s.
2. Rosset, E. Prawa demograficzne wojny / E. Rosset. – Łódź, 1933. – 65 s.
3. Kurenda, M. Polityka repatriacyjna Polski. Zarys ewolucji rozwiązań instytucjonalno-prawnych w latach 1918–1998 / M. Kurenda // Ekspertyza. – 1999. – Nr. 188. – S. 1–44.
4. Traktat pokoju między Polską a Rosją i Ukrainą podpisany w Rydze dnia 18 marca 1921 roku // Dziennik Ustaw. – 1921. – Nr. 49. – Poz. 300. – S. 814–867.
5. Patek, A. II Rzeczpospolita a Polacy za wschodnią granicą, maszynopis / A. Patek // Polacy na Wschodzie – perspektywa historyczna i dylematy ideowe. – Kazimierz Dolny, 1998. – S. 1–17.
6. Czerniakiewicz, J. Repatriacja ludności polskiej z ZSRR 1944–1948 / J. Czerniakiewicz. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 1987. – 144 s.

УДК 94(476) «1935» : 352.075.1

С. А. Елизаров

ГГТУ им. П. О. Сухого, г. Гомель

В ОЖИДАНИИ ВОЙНЫ: ОБРАЗОВАНИЕ ПОГРАНИЧНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОКРУГОВ В БССР (1935)

В статье отмечается, что советской практике государственного строительства административно-территориальное деление рассматривалось

в качестве одного из средств решения текущих проблем, в том числе связанных с укреплением внешних границ СССР. Создание в 1935 г. в БССР четырех пограничных округов (Мозырский, Слуцкий, Лепельский и Полоцкий) было обусловлено задачей укрепления советско-польской и советско-латвийской границы на участке БССР. Организация округов сопровождалась «чистками» от «антисоветского элемента», переселением в погранрайоны из внутренних районов республики семей «лучших колхозников».

В советской практике государственного строительства административно-территориальное деление рассматривалось в качестве одного из средств решения текущих проблем, в том числе связанных с укреплением внешних границ СССР с государствами, которые рассматривались высшим партийно-советским руководством в качестве потенциальных агрессоров либо удобных плацдармов для нападения других агрессоров. В 1930-е гг. такими считали Польшу и прибалтийские республики.

Наиболее ярким свидетельством этого является образование в 1935 г. в Белорусской ССР четырех приграничных округов (Мозырского, Слуцкого, Лепельского и Полоцкого), обусловленное задачами укрепления советско-польской и советско-латвийской границы.

В январе 1935 г. секретарю ЦК КП(б)Б Н.Ф.Гикало поступил доклад «Описание политико-экономического состояния пограничных районов Белорусского военного округа, отнесенных к группе «А», подготовленный по приказу командующего войсками БВО И.П.Уборевичем [1, л. 3–63]. В то время в состав погранполосы БВО входило 27 административных районов, в том числе 23 района БССР. Состояние пограничных районов в этом докладе рассматривалось прежде всего с точки зрения результатов и перспектив развернувшейся кампании по борьбе с «классово-чуждым и контрреволюционным элементом». У военного руководства тревогу вызывало активное участие в прошлом значительной части населения в «бандах Булак-Булаховича, Белорусской Рады и др.». По восьми районам на учете состояло 1142 «бывших бандитов» и 172 «бывших контрабандистов». В этих же районах фиксировалась и «значительная прослойка кулацкого и раскулаченного элемента» – 1829 человек, а также 4913 «лиц, лишенных избирательных прав». Усложняло ситуацию, по мнению авторов документа, наличие в погранрайонах людей, «связанных родственными и соседскими связями с заграницей» (таких по 12 районам было выявлено 297 человек). Общий вывод – «районы погранполосы от классово-чуждого элемента полностью не очищены» и «для шпионской, диверсионной

работы и срыва мероприятий партии и правительства имеется соответствующая почва».

В докладе приводились сведения об экономическом состоянии погранрайонов, ходе коллективизации и оснащенности сельского хозяйства техникой, снабжении населения товарами ширпотреба. В заключении предлагалось провести ряд мероприятий в погранрайонах, в том числе по «чистке от классово-чуждого элемента», выполнению планов оборонного строительства, укреплению районов руководящими кадрами, развитию местной промышленности и энергетики, укреплению колхозов и совхозов и т. д.

Одновременно из Москвы в ЦК КП(б)Б поступило распоряжение подготовить проект постановления ЦК ВКП(б) по образованию округов и укреплению границы БССР.

9 апреля 1935 г. первый белорусский проект этого постановления был выслан в Москву [2, л. 1–5]. Предусматривалось образование в БССР из районов группы «А» 5 округов: Мозырского, Слуцкого, Лепельского, Полоцкого и Минского. Предлагались конкретные мероприятия по укреплению границы: переселить из 500-метровой погранполосы в центры ближайших колхозов 382 крестьянских дворов (до 2500 человек), а также ввести в обязательном порядке практику выдачи паспортов с фотографиями для жителей погранрайонов и т. д. Кроме этого вносились предложения по «чистке» погранрайонов от «антисоветского элемента»: «арестовать 1600 активного кулацко-враждебного элемента и подозреваемого в шпионаже», переселить «6000 семейств (семьи бежавших за границу, семьи репрессированных, семьи бывших контрабандистов и пр.)» из погранрайонов; переселить в погранрайоны «вполне благонадежных колхозников из других районов Белоруссии в количестве 4000 человек» и «завербовать 2–3 тыс. семей демобилизованных красноармейцев... для вселения их в пограничные колхозы Белоруссии». Содержались также просьбы дополнительного выделения из союзного бюджета 26,5 млн. руб. на нужды социально-экономического развития погранокругов, а также 500 тракторов для усиления их тракторного парка.

Фактически этим проектом белорусское партийно-советское руководство стремилось достичь решения трех главных задач. Во-первых, частично восстановить окружное звено административно-территориального деления республики с целью разгрузки республиканских органов от непосредственного контроля за районами, передав часть своих функций окружным органам. Во-вторых, показать свою решимость в борьбе с «антисоветским

элементом” в условиях раскручивания механизма репрессий и получить дополнительные санкции для расширенной “чистки погранрайонов”. В-третьих, “выбить” из союзного бюджета дополнительные средства для социально-экономического развития республики.

Вариант этот из Москвы был возвращен на доработку в Минск. В результате появился новый проект, который и был положен в основу постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1935 г. «О мероприятиях по усилению границы БССР». Предлагалось в БССР к 15 июля 1935 г. предлагалось создать четыре округа – Мозырский, Слуцкий, Лепельский и Полоцкий (образование Минского округа призналось нецелесообразным, поскольку его районы могли быть вполне контролируемы и из республиканского центра).

Некоторые пункты уже не содержали (как в первом варианте) конкретных количественных показателей, а сохранившиеся были уменьшены. Так, исчезла цифра “1600 человек активного кулацко-враждебного элемента и подозреваемого в шпионаже”. Вместо этого появилась подновленная формулировка в духе советской правовой культуры того времени: “арестовать и выслать активный кулацко-враждебный элемент, подозреваемый в шпионаже, производя аресты только при наличии конкретного материала”. Количество предлагаемых к выселению семей “неблагонадежного элемента” сократилось с 6 до 2 тыс. С 4 до 2 тыс. уменьшилось количество семей “вполне благонадежных колхозников из других районов Белоруссии”, а о вербовке демобилизованных красноармейцев вообще не говорилось.

ЦК КП(б)Б поручалось подобрать и представить на утверждение в ЦК ВКП(б) кандидатуры секретарей окружкомов партии и председателей окрисполкомов из числа «товарищей с опытом военно-чекистской работы». Просьба белорусского руководства о выделении из союзного бюджета дополнительных средств на социально-экономическое развитие пограничных округов была удовлетворена, но в сильно урезанном масштабе: 5 млн. руб. (из них 35,5 % - на нужды жилищно-коммунального хозяйства, 29 % – на просвещение и здравоохранение, 17,2 % – на развитие промышленности) и 250 тракторов [3, л. 56–57],

21 июня 1935 г. Бюро ЦК КП(б)Б утвердило план мероприятий по выполнению этого постановления, в том числе и проект постановления ЦИК и СНК БССР об организации Мозырского, Слуцкого, Лепельского и Полоцкого округов, который был оформлен в законодательном порядке в этот же день. Одновременно Бюро ЦК

КП(б)Б поручило секретарю ЦК КП(б)Б Н.Ф.Гикало, председателю СНК БССР Н.М. Голодеду и наркому НКВД БССР И.М. Леплевскому «проработать все практические вопросы...: укрепление и охрана границ, очистка погранокругов и районов от антисоветских элементов и т.д.». Создавалась республиканская комиссия «для проверки всего личного состава погранокругов и районов». Еще одна комиссия была организована для проведения работ, связанных с перемещением населения в погранокругах [4, л. 11–11об.].

Организационным оформлением округов поручалось заниматься соответствующим Оргкомитетам (органы Советской власти) и Оргбюро (партийные органы). На первом совещании секретарей Оргбюро и председателей Оркомитетов (1935 г.) выступивший с докладом секретарь ЦК КП(б)Б Н.Ф. Гикало еще раз подчеркнул, что организацию округов необходимо рассматривать в первую очередь с точки зрения укрепления границ. Этой задачей как основной руководствовались и окружные органы. В отчетном докладе о работе Оргбюро ЦК КП(б)Б по организации Мозырского округа совершенно четко главный приоритет «в связи с той международной обстановкой, в которой мы живем, обуславливающейся подготовкой военного нападения со стороны фашистской Германии и Польши» определялся как «всемерное политическое и хозяйственное укрепление Мозырского округа как одного из передовых дозорных пунктов БССР, непосредственно граничащего с фашистской Польшей» [5, л. 3].

5 июля 1935 г. было принято специальное постановление Бюро ЦК КП(б)Б о проверке личного состава советско-хозяйственных учреждений в погранрайонах, согласно которому создавались «районные тройки» (председатель райисполкома, секретарь РК КП(б)Б, начальник райотдела НКВД), которые должны были завершить свою работу до 1 сентября 1935 г. [2, л. 219–220]. Не прошедшие проверку служащие подлежали переселению в тыловые районы. Руководители наркоматов и управлений, работники которых переводились в тыловые районы, получали стандартные письма с формулировками «перевоску производить, не разглашая причин перевоски в общем аппарате» или «перевоску производите, не разглашая причин и не ссылаясь на решение республиканской комиссии, т. к. эта работа производится в сугубо секретном порядке».

В справке на имя секретаря ЦК КПБ Н.Ф.Гикало «О ходе проверки личного состава работников погранрайонов» содержатся данные о результатах проверки личного состава советско-хозяйственных работников по четырем районам – Ушачскому,

Дриссенскому, Полоцкому и Ветринскому. Республиканская комиссия по этим районам рассмотрела решения районных «троек» на 915 человек, подтвердив оставление в районах 719 человек, перевод в тыловые районы 148 человек, а на 18 человек дела были возвращены для повторного рассмотрения на местах. Основные мотивы перевода из погранрайонов в тыловые – «связь с заграницей» – 64 человека, «антисоветский элемент» – 34 человека, «классово-чуждый элемент» – 31 человек, «слабые и неоправдывающие себя на работе» – 19 человек [2, л. 221].

С целью укрепления погранрайонов постановлением СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 14 сентября 1935 г. «О вербовке 2000 колхозников в погранрайоны» было решено переселить в погранрайоны из внутренних районов республики 2000 семей «лучших колхозников». Предписывалось предоставить переселенцам «вполне подготовленную усадьбу (жилой дом, хозяйственные постройки и огород)», выдать каждой переселившейся семье 500 руб. на обустройство, обеспечить за счет государства доставку на место переселения семьи, скота, хлебопродуктов и домашнего имущества. Отбор переселенцев возлагался также на «районные тройки», которые должны были «персонально просмотреть и утвердить каждую отобранную семью» [6, л. 17].

Одновременно в соответствии с решением ЦИК и СНК БССР от 26 июля 1935 г. «Об установлении особых правил в запретной погранполосе» постановлением СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 14 сентября 1935 г. было решено «переселить из хуторов и мелких населенных пунктов 500-метровой погранполосы вглубь БССР 774 хозяйства колхозников и 113 хозяйств единоличников». Переселявшиеся получали право перевезти на новое место жительства весь свой скот, хлебопродукты и домашнее имущество. Жилые постройки должны были продаваться колхозам или государственным учреждениям на месте. Постановлением СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 21 января 1936 г. размер единовременного пособия для колхозников тыловых районов, переселявшихся в погранрайоны, устанавливался в размере 250 руб. на семью, для колхозников, переселявшихся из погранполосы в тыловые районы – 150 руб., для единоличников – 100 руб. [6, л. 12–13, 20].

Задача переселения из 500-метровой погранполосы 887 хозяйств была решена полностью: 693 хозяйства переехали в тыловые районы (3032 человек), 163 – в тыловые сельсоветы своих районов, остальные выбыли за пределы республики. Само перемещение осуществлялось в сжатые сроки – с 1 по 3 марта 1936 г. Размещение прибывших

создавало проблемы для местной власти и населения: предоставить, как требовалось постановлениями правительства, переселенцам «вполне пригодные (отремонтированные) жилые помещения, ни в коем случае не допуская вселения в семьи коренных колхозников и помещения для скота» оказалось делом невозможным. К концу апреля 1936 г. по данным из 4-х районов (Климовичский, Лиозненский, Чериковский и Краснопольский) переселенцам было представлено «вполне исправных домов» – 75 (37 %), «домов, требующих ремонта» – 101 (49 %), «помещено временно в домах колхозников» – 29 (14 %) [2, л. 225].

План вербовки и переселения из тыловых районов в пограничные также был в целом выполнен. На конец апреля 1936 г. было завербовано и переселено в 15 пограничных районов 1915 хозяйств (95,75 % плана) в составе 8390 человек. Положение с предоставлением жилья в этом случае была гораздо лучше, чем с размещением в тыловых районах: 78,4 % семей получили «вполне исправные квартиры», 8,2 % – «квартиры, требующие ремонта», а 12,9 % «помещено временно в домах местных жителей» [2, л. 235].

В парадигме мышления союзного и республиканского партийно-советского руководства, практике укрепления централизованной системы управления с абсолютизацией организационного фактора эти мероприятия (создание особого административно-управленческого аппарата, чистки погранрайонов от «антисоветского» элемента, переселение сюда «лучших колхозников») сегодня, по мнению автора, предстают вполне логичными. В 1938 г. пограничные округа были ликвидированы в связи с образованием в Белорусской ССР областей. Осенью 1939 г. бывшие пограничные районы республики превратились в тыловые. И опыт пограничных округов быстро был перенесен на ставшие пограничными западнобелорусские территории.

Список источников и литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 7611.
2. Там же. Д. 9061.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. – Фонд 17. – Оп. 162. – Д. 18.
4. НАРБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 7742.
5. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 69. – Оп. 2а. – Д. 4.

УДК 943.8.081

Р. Р. Лазько

ГДУ імя Ф. Скарыны, г. Гомель

ЗНЕСНЯЯ ПАЛІТЫКА СССР У ГОД ПРЫХОДУ А. А. ГРАМЫКІ НА ДЫПЛАМАТЫЧНУЮ СЛУЖБУ

Разглядаецца еўрапейскі накірунак знешняй палітыкі СССР у час, калі Андрэй Грамыка быў мабілізаваны на працу ў наркамат замежных спраў СССР – ад пачатку міжнароднага крызісу 1939 г. да заключэння савецка-германскага дагавора аб ненападзенні.

Гадоў 30 назад, калі б мы адзначалі больш сціплую дату з дня нараджэння А. А. Грамыкі, не болей як 80-годдзе, дык з чыстым сумленнем маглі б напісаць, што на дыпламатычную службу ён быў пакліканы камуністычнай партыяй. І гэта была б праўда, хоць і пафасная, але звычайная канстатацыя факта. Але сёння гэтая праўда патрабуе іншай акцэнтацыі на аснове тых новых ведаў аб савецкай дзяржаве, якія сталі набыткам гістарычнай навукі. Гэта мы і паспрабуем зрабіць, абмяжоўваючыся характарыстыкай той вобласці, у якой давялося служыць А. А. Грамыка – савецкай знешняй палітыкі ў год прыходу яго на службу [1, с. 80–82] – у пераломны, рубажны для ўсёй сістэмы міжнародных адносін 1939 год.

Вясной 1939 г. нацысцкая Германія пачала дыпламатычную падрыхтоўку вайны за поўную ліквідацыю Версальскай сістэмы, спадзеючыся правесці яе паэтапна, карыстаючыся метадамі запалохвання і расколу патэнцыяльных праціўнікаў. Дабіўшыся ліквідацыі і падпарадкавання Чэхаславакіі, а затым і далучэння Мемельскай вобласці да рэйха, яна як быццам выйграла вялікую еўрапейскую вайну, не зрабіўшы ні аднаго выстралу. Лёгкасць, з якой ўдалося дасягнуць гэтых выдатных поспехаў, надала Гітлеру ўпэўненасці ў тым, што ён і далей можа атрымліваць падобныя поспехі, калі будзе дзейнічаць тымі ж метадамі. Вясной 1939 г. на чарзе ўстала Польшча. Пасля того як польскі ўрад 26 сакавіка канчаткова адхіліў германскія, яшчэ восеньскія, прапановы наконт будаўніцтва “калідора праз калідор” і не даў згоды на ўключэнне Данцыга (Гданьска) у склад рэйха, і асабліва пасля візіту Бека ў

Лондан на пачатку красавіка, германская прапаганда і дыпламатыя разгарнулі шалёны націск на Польшчу, абвінавачваючы яе ў падрыхтоўцы агрэсіі супраць Данцыга і ў правядзенні разам з Англіяй палітыкі акружэння Германіі.

Аднак спадзявацца на то, што Польшча, следам за Чэхаславакіяй, капітуліруе без барацьбы, дастатковых падстаў у нацысцкіх кіраўнікоў не было. Аб гэтым сведчыць шэраг фактаў (якія, між іншым, да сённяшняга дня не заўважаюць асобныя гісторыкі): гэта і вопыт польска-германскіх адносін пасля падпісання студзеньскай дэкларацыі 1934 г., і панаваўшая ў краіне той трывожнай вясной 1939 г. патрыятычная атмасфера, і менталітэт тагачасных кіраўнікоў Польшчы, выраслых у барацьбе за адраджэнне польскай дзяржавы. У апошнія дні сакавіка да гэтых фактараў дадаўся яшчэ адзін: імклівае збліжэнне Польшчы з Англіяй. Знешнім яго праяўленнем стала дэкларацыя Н. Чэмберлена ў палаце абшчын, прагучаўшая 31 сакавіка, у якой ён ад імя ўрада абвясціў аб гарантыі незалежнасці Польшчы, пры ўмове, што сама Польшча будзе яе абараняць.

Улічваючы ўсе гэтыя фактары, Гітлер назаўтра пасля ўручэння польскім паслом у Берліне адмоўнага адказу на германскія прапановы аб “калідоры” і Данцыгу аддаў распараджэнне аб распрацоўцы плана вайны супраць Польшчы – “плана Вайс”. Уступную дырэктыву да гэтага плана Гітлер даў 3 красавіка, а 11 красавіка прадугледжаная планам аперацыя была ўключана ў “Дырэктыву аб адзінай падрыхтоўцы ўзброеных сіл да вайны”. Адпаведна ўказанню Гітлера ўзброеныя сілы Германіі павінны былі завяршыць падрыхтоўку аперацыі супраць Польшчы не пазней 1 верасня 1939 г. Вайна, як мы ведаем, сапраўды пачалася 1 верасня 1939 г. Але ці была яна непазбежнай? На аснове прыведзеных фактаў, частка беларускіх гісторыкаў сфарміравала фаталістычную пазіцыю па пытанні аб магчымасці прадухілення вайны. Маўляў, іншае, мірнае развіццё падзей з гэтага моманту было выключана, заставалася толькі прыстасоўвацца да гэтай перспектывы. Тым самым ігнаруецца альтэрнатыўнасць гістарычнага працэсу, якая вынікае з неабмежаванасці яго колькасных і якасных параметраў. Замест таго, каб падпарадкавацца такому фаталізму, як правіла, ідэалагічна абумоўленаму, гісторык абавязаны імкнуцца ўлічыць найвялікшае багацце фактаў, што адносяцца да падзей (у гэтым выпадку да перадваеннага палітычнага крызісу 1939 г.), улічыць усе варыянты развіцця і выясніць прычыны ажыццяўлення аднаго з іх, гэтага, а не іншага. Калі мы гаворым аб пачатку вайны ва Ўсходняй Еўропе ў

верасні 1939 г., якая імкліва перарасла ў Другую сусветную вайну, то павінны ўважліва разгледзець фарміраванне знешнепалітычнага (еўрапейскага) курсу СССР ва ўмовах развіцця міжнароднага палітычнага крызісу 1939 г. Гэта неабходнасць дыктуецца тым, што СССР з яго матэрыяльным, ваенным і палітычным патэнцыялам меў вялікія магчымасці для ўплыву на развіццё крызісу ў тым ці іншым яго накірунку, у рэшце рэшт і на тое, каб крызіс перарос або, наадварот, не перарос у сусветную вайну.

Разгляд гэтага пытання неабходна пачаць з ацэнкі знешнепалітычнай і ваеннай дактрыны СССР. Калі гаварыць аб знешнепалітычнай дактрыне, то неабходна канстатаваць, што яна не змянілася з таго часу, як У. Ленін сфармуляваў яе асноўныя палажэнні на IX партыйнай канферэнцыі, пры завяршэнні польска-савецкай вайны. Ён заявіў тады, што няўдача паходу ў Польшчу і далей у Еўропу не прымусіць Савецкую Расію адмовіцца ад новых спробаў разбурыць Версальскую сістэму. Яна будзе рабіць іх пры кожнай магчымасці, пакуль не дарве яе да канца [2, с. 389].

Пасля Мюнхенскай канферэнцыі, відавочна, у Крамлі канчаткова склалася перакананне ў тым, што новая вайна, ахвярай якой становіцца Версальска-Вашынгтонская сістэма міжнародных адносін, ужо ідзе, і ідзе яна без удзелу СССР. Аб наяўнасці гэтага пераканання сведчыць характарыстыка міжнароднага становішча, зробленая Сталіным у справаздачным дакладзе ЦК ВКП(б) XVIII з'езду партыі 10 сакавіка 1939 г. Прыкметы гэтай вайны ён ўбачыў у шэрагу падзей, пачынаючы ад захопу Італіяй Абісініі і заканчваючы захопам Судзецкай вобласці Германія. “Новая імперыялістычная вайна стала фактам” – рэзюміраваў савецкі кіраўнік [3, т. 1 с. 259]. Разам з тым, ён паказаў у сваім дакладзе, што ў ідучай вайне, маштабы якой усё разрастаюцца, рукі СССР застаюцца незвязанымі. Хоць Сталін назваў агрэсарамі Італію, Японію і Германію, але не выключыў супрацоўніцтва з імі, як і з іншымі дзяржавамі. Гэта мы бачым у яго фармулёўцы “задач партыі ў вобласці знешняй палітыкі”. На першае месца была пастаўлена наступная: “Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами” [3, с. 263]; (падкрэслім – “со всеми”). Такім чынам, разгляд міжнароднай часткі даклада Сталіна на XVIII з'езд партыі дазваляе нам зрабіць высновы, важныя для разумення палітыкі СССР у перадваенным палітычным крызісе 1939 г. З даклада вынікае, што савецкае кіраўніцтва вяло палітыку, зыходзячы з таго, што вайна ўжо ідзе, але не збіралася безумоўна падпарадкоўваць свае дзеянні інтарэсам яе спынення ці абмежавання

яе маштабаў. Такая пазіцыя поўнасьцю адпавядала той мадэлі савецкай знешняй палітыкі, контуры якой вызначыў Ленін у 1920 г., і якую дабудоўвалі яго пераемнікі на чале са Сталіным. СССР павінен быў нацкоўваць імерыялістычныя дзяржавы адна на другую, каб уступіць у вайну ў зручны для яго момант. Такой заставалася міжнародна-палітычная дактрына савецкага кіраўніцтва і ў канцы 1930-х гг., што пацвярджаецца шэрагам даступных гісторыкам крыніц. Аднак матэрыяльна-тэхнічная база савецкай палітыкі вясной 1939 г. яшчэ не адпавядала яе мэтам, якія можна было б вызначыць формулай “падзяляй і валодай”. Савецкая эканоміка ў канцы 1930-х гадоў, нягледзячы на поспехі ў індустрыялізацыі, у цэлым як сістэма перажывала вялікія цяжкасці, была моцна разбалансавана. Тэмпы развіцця прамысловасці былі ніжэйшыя, чым планаваліся, вынікі дасягалі дзякаючы вялікаму перарасходванню ўсіх рэсурсаў, выкарыстанню дармовай працы мільёнаў рэпрэсіраваных грамадзян і жорсткаму абмежаванню развіцця сацыяльнай сферы. У сельскай гаспадарцы з часу пераходу да масавай калектывізацыі назіраўся зацяжны крызіс. За гады першай пяцігодкі, напрыклад, уражайнасць зерневых знізілася ледзь не на 1 цэнтнер – амаль што з 8 ц да 7 ц, сакраціўся і валавы збор і, пры гэты, аднак, экспарт хлеба вырас у дзесяткі разоў. Як пры гэтым харчавалася вырасшае гарадское насельніцтва? Аднак савецкія кіраўнікі зводзілі незадаволенасць людзей паўсядзённымі цяжкасцямі да дзеянняў “ворагаў сацыялізму” і ўзмацнялі рэпрэсіі супраць ні ў чым не вінаватых людзей. Што сапраўды хвалявала кіраўнікоў, дык гэта недастатковае развіццё цяжкай і асабліва ваеннай прамысловасці, нерацыянальнае (блізка да еўрапейскай граніцы) размяшчэнне вытворчых цэнтраў. Такая вытворчасць не магла забяспечыць рашэнне наступальных задач знешняй палітыкі. Таму ў плане развіцця народнай гаспадаркі на трэцюю пяцігодку прадугледжвалася значнае павялічэнне асігнаванняў на развіццё ваеннай прамысловасці і паскарэнне тэмпаў яе росту. Калі ў 1939 г. асігнаванні на гэтыя мэты складалі крыху болей 25% дзяржаўнага бюджэту, то на пачатку 1941 г. рэальна склалі ўжо звыш 43%. Відавочна, што ў выніку выканання заданняў трэцяй пяцігодкі савецкая знешняя палітыка атрымала б больш надзейную матэрыяльную апору. Такім чынам, не толькі з пункту гледжання дактрынальнага (“нацкоўваць капіталістычныя дзяржавы адна на другую, каб у выніку аслабляць іх”), але і эканамічнага савецкае кіраўніцтва ў 1939 г. было не настроена актыўна ўмешвацца ў ваенную барацьбу ў Еўропе. Калі б, аднак, давялося, то адпаведна з планам стратэгічнага разгортвання Чырвонай Арміі, прынятым у

1938 г., гэта была б барацьба на тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходня Украіны супраць саюзных сіл Германіі і Польшчы! Гэты план сведчыць аб тым, што савецкі генштаб, знаходзячыся пад уплывам светапогляду палітычнага кіраўніцтва, дапусціў грубую памылку ў вызначэнні верагодных праціўнікаў СССР. Акрамя таго, ён, як і новы план 1940 г., разглядаў толькі варыянты наступальных дзеянняў савецкіх узброеных сіл, што цалкам адпавядала палітычнай дактрыне (пайсці на тэрыторыю аслабленага праціўніка – ці праціўнікаў – і навязаць ім сваю волю).

Названыя дактрынальныя і эканамічныя абмежаванні савецкай знешняй палітыкі неабходна ўлічваць, калі мы разглядаем англа-франка-савецкія перагаворы аб мерах стрымлівання агрэсараў, якія вяліся на працягу вясны – лета 1939 г. паміж трыма дзяржавамі. Неабходна ўлічваць таксама і тое, што заходнія дзяржавы, Англія і Францыя, мелі свае абмежаванні на шляху да пагаднення з СССР, якое б стала сродкам утаймавання агрэсараў. Гэта быў недавер з іх боку да СССР як да дзяржавы, палітычнае кіраўніцтва якой прытрымлівалася ідэі аб неабходнасці ліквідацыі капіталістычнага ладу ва ўсіх краінах свету. Шырокамаштабная еўрапейская вайна магла толькі спрыяць рэалізацыі гэтай ідэі, як гэта было ў Расіі ў 1917 г., і ледзь не здарылася ў некаторых іншых краінах. Чэмберлен, напрыклад, вясной 1939 г. канфідэнцыяльна гаварыў аб сваім недаверы іменна да матываў савецкага супрацоўніцтва з заходнімі дзяржавамі. Але акрамя гэтай прынцыповай прычыны недаверу да СССР дэмакратычных дзяржаў Захаду, была яшчэ адна: рэпрэсіі супраць камандных кадраў у савецкіх узброеных сілах, моцна іх аслабіўшыя, і наогул рэпрэсіі супраць розных груп насельніцтва ў СССР, ствараўшыя сітуацыю адчужэння паміж уладай і народамі. Па гэтай прычыне на Захадзе склалася перакананне аб няздольнасці Чырвонай Арміі да наступальных дзеянняў. У гэтай сітуацыі палітычнаму кіраўніцтву Англіі і Францыі нялёгка было рашыцца звязаць свае дзяржавы ваенна-палітычным саюзам з СССР. Была выбрана тактыка весці перагаворы аб такім саюзе, каб самой пагрозай магчымага яго заключэння стрымліваць агрэсара, а ў выпадку неэфектыўнасці гэтай пагрозы ўсё-такі фарсіраваць перагаворы і заключыць рэальны саюз. Паралельна з гэтым Англія – лідар англа-французскага тандэма – у прынцыпе не адмовілася ад націску на Польшчу, каб схіліць яе да саступак на карысць Германіі ў Памор’і і ў Вольным горадзе, усё яшчэ спадзеючыся, што калі гэтыя сатупкі і не спыняць Гітлера, то, ва ўсякім разе, прымусяць яго адкласці рэалізацыю сваіх планаў агрэсіі. Англіі катастрофічна не

хапала часу, каб павысіць патэнцыял сваіх сухапутных узброеных сіл, прэш за ўсё, авіяцыі. Але капітуліраваць перад Германіяй яна не збіралася, бо ў Лондане яшчэ вясной 1939 г. зразумелі, што мэтай гітлераўскай Германіі з'яўляецца не набыццё той ці іншай тэрыторыі, а ўстанаўленне сваёй гегемоніі ў Еўропе. Гэтага Англія не магла дапусціць, што павінен быў засведчыць і заключаны ёю 25 жніўня саюз з Польшчай. З аднаго боку, ён служыў папярэджаннем Германіі, а з другога – стаў сродкам націску на Польшчу. Адпаведна саюзнаму дагавору, Англія гатовая была дапамагаць Польшчы ў абароне яе суверэнітэта і незалежнасці, але не тэрытарыяльнай цэласнасці. Аднак у гэтай другой сваёй якасці – як сродак прымусу Польшчы да канкрэтных тэрытарыяльных саступак на карысць Германіі – англа-польскі саюзны дагавор страціў сваё значэнне ўжо ў момант яго падпісання, бо Германія знайшла іншы, радыкальны сродак задавальнення сваіх патрабаванняў да Польшчы. Ім стаў савецка-германскі дагавор аб ненападзенні з яго сакрэтным пратаколам, у якім Еўропа была падзелена на сферы інтарэсаў дзвюх дзяржаў.

Савецка-германскі дагавор аб ненападзенні ад 23 жніўня стаў вынікам перагавораў, якія СССР вёў паралельна з англа-франка-савецкімі перагаворамі. Некаторы час яны вяліся па звычайных дыпламатычных каналах – праз германскага пасла ў Маскве фон Шуленбурга і часовага паверанага ў справах СССР у Германіі Г. Астахава. Германская дыпламатыя, якую прыспешвала ўжо прынятае Гітлерам рашэнне аб нападзенні на Польшчу, праяўляла ініцыятыву, прыспешвала сваіх савецкіх партнёраў. А Сталін пэўны час марудзіў, прыцэньваўся да варыянтаў, якія выяўляліся на абедзвюх перагаворных паралелях. Англія і Францыя не згаджаліся прадаставіць СССР свабоду рук для дзеянняў ў Усходняй Еўропе пад выглядам рэагавання не толькі на прамую, але і на так званую “ўскосную агрэсію”. Яе савецкі ўрад разумеў шырока – як “унутраны пераварот або паварот у палітыцы [ўсходнееўрапейскіх дзяржаў], каб дагадзіць агрэсару” [5, с. 130]. Гэтую формулу не прынялі і самі ўсходнееўрапейскія дзяржавы.

Зусім іншую пазіцыю заняла Германія. 3 жніўня І. Рыбентроп заявіў часоваму паверанаму ў справах СССР у Германіі Г. Астахаву, што “супярэчнасцей паміж нашымі краінамі няма на ўсёй прасторы ад Чорнага мора да Балтыйскага. Па ўсіх гэтых пытаннях можна дамовіцца...” Перагаворы хутка набылі характар абмеркавання канкрэтных пытанняў. Не хаваючы таго, што яны ставяцца ў сувязі з намерам Германіі развязаць вайну супраць Польшчы, гітлераўскі ўрад заяўляў аб незацікаўленасці лёсам Прыбалтыкі (акрамя Літвы), былой

“рускай Польшчы”, Бесарабіі, Украіны. 11 жніўня, адпаведна з рашэннем Палітбюро ЦК ВКП(б), Молатаў паслаў Астахаву тэлеграму, у якой даручыў паведаміць аб жаданні савецкага ўрада весці перагаворы па ўсіх гэтых пытаннях, а месцам іх правядзення прапанаваў Маскву [3, с. 180, 184]. (Заўважым, англа-франка-савецкія перагаворы ваенных місій пачаліся толькі на наступны дзень). 15 жніўня Шуленбург уручыў Молатаву памятную запіску германскага ўрада, з просьбай далажыць яе Сталіну, у якой намячаліся контуры будучай дамовы і выказвалася прапанова аб прыездзе ў Маскву Рыбентропа для яе канчатковага ўзгаднення і падпісання.

Згода савецкага ўрада на падпісанне дагавора з Германіяй, які прадугледжваў гвалтоўныя тэрытарыяльныя змены ў Усходняй Еўропе, рабіла беспрадметнымі англа-франка-савецкія перагаворы, накіраваныя якраз на супрацьдзеянне спробам такіх змен ці нават на прадухіленне іх. 21 жніўня адбылося апошняе пасяджэнне ваенных місій. Асобныя беларускія гісторыкі і сёння следам за савецкай гістарыяграфіяй тлумачаць зрыў перагавораў нязгодай Польшчы на пропуск савецкіх войск праз яе тэрыторыю для барацьбы з агрэсарам. Гэта пытанне савецкая місія, як вядома, паставіла 14 жніўня, заспеўшы ім англійскую і французскую місіі знянацку. Да таго часу яно не падымалася на якім-небудзь узроўні ў ходзе англа-франка-савецкіх перагавораў, таму, натуральна, ні генерал Думенк, кіраўнік французскай місіі, ні адмірал Дракс з боку англічан, на гэта пытанне адказаць не маглі. Яно знаходзілася ў кампетэнцыі ўрада Польскай Рэспублікі, а Польшча, як вядома, не была ўдзельніцай перагавораў.

Ужо сам факт раптоўнай пастаноўкі на перагаворах такога сур’эзнага пытання прымушае, як мінімум, ацаніць яго як непадрыхтаванае. А ў расійскай гістарыяграфіі была выказана абгрунтаваная думка аб патрабаванні СССР праходу савецкіх войск праз тэрыторыю Польшчы і Румыніі для супрацьдзеяння агрэсару як аб сродку зрыву перагавораў з Англіяй і Францыяй. Па шэрагу прычын з гэтым меркаваннем давядзецца згадзіцца. Па-першае, у Маскве, не горш чым у Парыжы і Лондане, ведалі, што для Польшчы, дзе яшчэ не забылі вайну 1920 г., была не прымальная прысутнасць на яе тэрыторыі савецкіх войск (зрэшты, як і нямецкіх). Сам Молатаў меў магчымасць канстатаваць гэта пасля размовы з польскім паслом В. Гжыбоўскім 11 мая, у якой пасол па даручэнні свайго ўрада выказаў афіцыйную трактоўку пазіцыі Польшчы адносна савецкай прапановы аб заключэнні англа-франка-савецкага дагавора аб узаемнай дапамозе, які б прадугледжваў не толькі германскую

агрэсію супраць любога з трох удзельнікаў дагавора, але і агрэсію супраць усходнееўрапейскіх дзяржаў, уключаючы і Польшчу. Польская пазіцыя зводзілася да таго, што для Польшчы прымальныя пагадненні толькі на аснове ўзаемнасці, якой савецкі праект не прадугледжваў. Пасол, акрамя таго, адзначыў, што польскі ўрад не даручаў ураду саюзнай Францыі весці перамовы з савецкім урадам па пытаннях гарантвання Польшчы, паколькі такія пытанні могуць вырашацца толькі непасрэдна паміж Масквой і Варшавай [6, і. 82]. Тое ж самае Ю. Бек у Варшаве патлумачыў намесніку наркама В. Пацёмкіну. З атрыманай інфармацыі кіраўнік савецкага ўрада зрабіў цалкам слушную выснову: “Польшча не хоча ў цяперашні момант звязваць сябе якім-небудзь пагадненнем з СССР або згодай на ўдзел СССР у гарантванні Польшчы, але не выключае апошняга ў будучым” [3, с.449].

Здавалася б, што, маючы такое яснае разуменне пазіцыі Польшчы наконт ваенна-палітычнага супрацоўніцтва з СССР, савецкае кіраўніцтва будзе ўлічваць яе ў перагаворах з Англіяй і Францыяй ці паспрабуе змяніць яе на больш прыхільную, абапіраючыся на падтрымку сваіх партнёраў – саюзнікаў Польшчы. Гэтага, аднак, не адбылося. Наадварот, маючы некалькі месяцаў часу, савецкі бок да пачатку перагавораў ваенных місій сфармуляваў безальтэрнатыўную платформу савецкай дэлегацыі, якая цалкам канфрантавала з пазіцыяй Польшчы. 4 жніўня ў дакуменце савецкага генеральнага штаба, у якім разглядаліся варыянты магчымых дзеянняў савецкіх узброеных сіл у выпадку агрэсіі Германіі супраць Англіі, Францыі, Польшчы або Румыніі было ўпершыню ад пачатку міжнароднага крызісу 1939 г. сфармулявана патрабаванне аб праходзе савецкіх войск праз тэрыторыю Польшчы і Румыніі. На аснове гэтага дакумента Сталін 7 жніўня зацвердзіў інструкцыю кіраўніку савецкай дэлегацыі для вядзення ваенных перагавораў, наркаму абароны К. Варашылаву [7, с. 386–387, 584]. Яна патрабавала ад савецкай дэлегацыі “перагаворы звесці да дыскусіі па асобных прынцыповых пытаннях, галоўным чынам аб пропуску нашых войск праз Віленскі калідор і Галіцыю, а таксама праз Румынію.”

“Калі выясніцца, – гаварылася ў наступным пункце, – што *свабодны пропуск* нашых войск праз тэрыторыю Польшчы і Румыніі з’яўляецца выключаным (*курсіў наш – Р. Л.*), то заявіць, што без гэтай умовы пагадненне немагчымае..., што мы не лічым магчымым удзельнічаць у справе, загадзя асуджанай на првал” [7, с. 584]. Такім чынам, згода партнёраў на пропуск савецкіх войск праз тэрыторыю Польшчы і Румыніі разглядалася савецкім урадам як папярэдня

ўмова заключэння ім пагаднення, якая не падлягала абмеркаванню. Чаму ж гэта патрабаванне загадзя не было даведзена ўрадам Англіі і Францыі, а праз іх - і ўраду Польшчы? Напэўна, таму, што ў гэтым выпадку заходнія дзяржавы наўрад ці паслалі б у Маскву свае дэлегацыі, і Крэмль бы пазбавіўся эфектыўнага сродку націску на Берлін, ад якога спадзяваўся атрымаць болей, чым ад сваіх заходніх партнёраў. А пагадненне з Англіяй і Францыяй або з Германіяй былі альтэрнатывамі, якія ўзаемна выключаліся. Гэта, у прыватнасці, вынікала з паведамленняў паўпрэда Астахава. 8 жніўня ён пісаў аб той цане, якую Германія была гатовая заплаціць за пацвярджэнне незацікаўленасці СССР лёсам Данцыга і Польшчы (на захад ад Віслы) і указваў пры гэтым, што “размовы такога кшталту (паміж СССР і Германіяй – Р. Л.) магчымыя толькі на базе адсутнасці англа-франка-савецкага ваенна-палітычнага пагаднення” [4, с. 180]. І. Сталін зрабіў свой выбар, рэалізаваны ў дагаворы аб ненападзенні з яго сакрэтным пратаколам. Дагавор, як мінімум, аблегчыў Гітлеру завяршэнне падрыхтоўкі да разгрому Польшчы¹. Матывы свайго выбару патлумачыў сам Сталін праз тыдзень пасля развязвання Германіяй вайны, аблягчаючы тым самым задачу сучаснага гісторыка. Ён зрабіў гэта, калі даваў указанні Г. Дзімітраву наконт неабходнасці змены курсу Камінтэрна з антыфашысцкага, антыгерманскага на прыхільны для Германіі. Вайна карысная для сіл сацыялізма, па-першае, тым, казаў ён, што дзве капіталістычныя групы ў ходзе яе аслабляюць капіталістычную сістэму. Па-другое, “у выніку разгрому Польшчы мы пашырым сацыялістычную сістэму на новыя тэрыторыі і насельніцтва” [8, с. 19]. Наступныя падзеі могуць служыць ілюстрацыяй гэтай заявы.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Громыко, А. А. Памятное / А. А. Громыко : в 2 кн. Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1990. – Кн. 1. – 512с.
2. В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. – М. : “Российская политическая энциклопедия” 2000. – 607с.
3. Год кризиса, 1938–1939 : Документы и материалы : в 2 т. – М. : Политиздат, 1990. – Т. 1. 29 сент. 1938 г. – 31 мая 1939 г.; т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сент. 1939 г. – 555с.

---

¹ Вялікай з’яўляецца верагоднасць, што ён наогул не зрабіў бы яго, калі б ведаў, што даўдзецца весці вайну на два франты. Аднак разгляд гэтага пытання на аснове аналізу існуючых крыніц выходзіць за межы артыкула

4. Год кризиса, 1938–1939 : Документы и материалы : в 2 т. – М. : Политиздат, 1990. – Т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сент. 1939 г. – 431с.

5. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939 : в 2 т. – М. : Политиздат, 1981. – Т. 2. Январь –август 1939 г. – 415с.

6. Archiwum Akt Nowych (Warszawa). MSZ. Wydział Wschodni. Sygn. 6652A.

7. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Международные отношения, 1992. – Т. 22. – Кн. 1. – 712 с.

8. Фирсов Ф. И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. / Новая и новейшая история. – 1992. – №6. – С. 16–31.

УДК 342.56

М. В. Стрелец

БГТУ, г. Брест

**АКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.
ПОЛЬСКИЙ ПОХОД КРАСНОЙ АРМИИ 1939 ГОДА –
ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКА**

В статье предпринята попытка проанализировать Польский поход Рабоче-Крестьянской Красной Армии 1939 года, сделав акцент на методы устной истории. Автор в первую очередь использует воспоминания отца и тестей об этом событии. Настоящее событие рассматривается также с позиции профессионального историка.

17 сентября 2019 года исполнилось 80 лет с начала Польского похода Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Для автора этих строк есть нечто личное в связи с данным событием. Мой отец, Василий Григорьевич Стрелец, был участником данного похода. Он не раз делился со мной воспоминаниями о тех событиях. Мои тесть и теща, Викентий Фёдорович и Клавдия Ивановна Яскевичи родились в Западной Беларуси и прожили там всю жизнь. Когда совершался Польский поход РККА, им было 9 лет. Естественно, они могли сравнить жизнь в Западной Беларуси при польской власти и при Советской власти. У меня неоднократно возникали беседы с родственниками на эту тему. Данное событие интересно мне также и как жителю самого известного западно-белорусского города Бреста, и как профессиональному историку.

Секретный Дополнительный Протокол к Договору между Германией и СССР о ненападении от 23 августа 1939 года хорошо известен. Не менее хорошо известна генетическая связь между началом Польского похода РККА и этим Протоколом.

Что же реально происходило на польском театре военных действий (ТВД) на тот момент, когда РККА стала пересекать советско-польскую границу? Лучший помощник для ответа на поставленный вопрос – карта. Берём в руки указку, ведём её по линии Осовец – Белосток – Бельск – Каменец-Литовск – Брест-Литовск – Влодава – Владимир-Волынский – Замосць – Львов – Самбор. Именно на эту линию вышел вермахт. Мы видим также, что от его дислокации рукой подать до Люблина. Попытаемся прокрутить в голове такой сценарий: в течение последующей недели дело до Польского похода РККА не дошло. Военные эксперты едины в мнении о том, что этой недели было достаточно, чтобы вся Восточная Польша стала зоной германской оккупации [5].

За шесть дней до начала Польского похода РККА народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов приказал развернуть полевые управления Белорусского и Украинского округов в Белорусский и Украинский фронты. Белорусским фронтом командовал командарм 2-го ранга М.П. Ковалёв, Украинским – командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко [5].

Основная часть советско-польской границы была пересечена РККА 17 сентября 1939 года, остальная часть – 18 сентября 1939 года. Я, естественно, допытывался у отца, приходилось ли ему стрелять в боевой обстановке. Каково же было моё удивление, когда я услышал такой ответ: «За всё время освободительного похода в нашей роте никто не применял никакого оружия. Не было никакого сопротивления со стороны польских солдат и офицеров. Мы без всяких проблем передвигались сначала по Новогрудскому, а затем по Белостокскому воеводству.»[3]. Разговор был, когда я ещё был студентом. Сейчас на правах профессионального историка могу определённо сказать, насколько то, что рассказывал отец, было типичным для военной операции РККА в восточных областях Польской Республики. Если взять абсолютное большинство частей и подразделений польского корпуса охраны пограничья (КОП), регулярной польской армии, то картина совпадает точь в точь. Секрет прост: поляки в погонах выполняя приказы первого лица в командной системе КОП, Верховного Главнокомандующего их регулярной армии. Конечно, факты сопротивления частям РККА имели место. Но они были достаточно редки. Настолько редки, что мой отец,

участник Польского похода РККА 1939 года о них не знал. У этих фактов своя география: города Вильно, Гродно, Тарнополь, деревни Навуз, Боровичи, Сарненский укрепрайон [5].

Задавал я отцу и такой вопрос: «Какое впечатление у тебя осталось после встреч с местным населением?» Я получил такой ответ: «Конечно, мне есть с чем сравнивать. Летом 1940 года наша дивизия в числе других красноармейских частей и подразделений вошла в Литву. Мы передвигались по населённому пункту только строем. Одному передвигаться за пределами части было категорически запрещено. Местное население не скрывало своей враждебности. Нередкими были случаи нападения на советских солдат и офицеров из-за угла. Так что решение о том, чтобы ходить только строем, было продиктовано заботой о нашей безопасности. Во время освободительного похода 1939 года наблюдалась иная картина. Мы не встретили враждебности со стороны местного населения.

Помимо отсутствия враждебности в моей памяти прочно отложилось вот что – продолжал рассказчик. – Приходилось бывать в западно-белорусских деревнях. Как только я переступал порог крестьянских домов, глаза разбегались. Я и представить себе не мог, насколько тамошние крестьяне хорошо обеспечены, прилично живут. Сразу же напрашивалось сравнение с восточно-белорусскими деревнями, восточно-белорусскими крестьянами. Я был членом бюро Любанского районного комитета комсомола Минской области и по этой линии часто посещал разные деревни. Сравнение однозначно в пользу западно-белорусских деревень, западно-белорусских крестьян»[3].

К тому, что говорил отец, следует добавить некоторые моменты. В 1937–1938 гг. показатели урожайности сельскохозяйственных культур в Западной Украине и Западной Беларуси были одними из самых высоких в масштабах всего Старого Света. Западно-белорусское крестьянство в отличие от восточно-белорусского прошло двойную школу капитализма. В Западной Украине в отличие от Восточной не было Голодомора. Когда в Восточной Украине был Голодомор, здесь показатели урожайности были приличными, хотя и не дотягивали до тех рубежей, на которые тамошние аграрии вышли в 1937–1938 гг.[6, с. 326–327].

Конечно, отец никогда не рисовал мне целостную картину положения белорусов в период нахождения Западной Беларуси в составе Польши. Он ограничивался впечатлениями о Польском походе, который однозначно характеризовался им как

освободительный поход. Такая характеристика считалась единственно правильной в советской историографии. Да и сейчас с ней согласна немалая часть отечественных историков.

Для показа полноты положения белорусов в указанный период надо также отметить следующие моменты. «Поляки собирались ассимилировать белорусскую нацию»[4]. «Белорусы не признавались отдельным народом, а только ответвлением польского народа (наподобие кашубов и других польских региональных этнических групп). Белорусам необходимо было навязать латинский алфавит. Признавалась ассимиляция белорусов только в направлении высшей культуры (т.е. польской)» [1, с. 14–15]. «Министр просвещения Польши Скульский говорил: «Уверяю вас, что через 10 лет в Польше даже со свечкой не найдёте ни одного белоруса»[2]. «Хотя поляки не преобладали среди населения Западной Белоруссии, они занимали привилегированное положение в социальной структуре и в полицейско-административном аппарате. Историк приводит цифры: «В 1932 году из 5.120 государственных чиновников и служащих местных органов управления Полесского воеводства поляков было 88%, русских – 5,8%, белорусов – 3,6%, евреев и украинцев – по 1,3%. Господство поляков среди чиновников наблюдалось и в других воеводствах Западной Белоруссии. В 1930-е годы усилилась тенденция полного удаления непольских представителей из органов государственной администрации»[1, с. 16–17]. «Надо помнить и о том, что 13 сентября 1934 года министр иностранных дел Польши Юзеф Бек заявил на заседании Лиги Наций в Женеве о том, что польское правительство прекращает сотрудничество в деле защиты прав национальных меньшинств. Это означало отказ от выполнения Малого Версальского трактата. Малый Версальский договор (трактат) – договор Польши с Германией, подписанный 28 июня 1919 года для защиты этнических и политических меньшинств Польши под патронатом Лиги Наций» [4]. «Все белорусские школы, открытые в первые годы советской власти, были закрыты ... В польских почтово-телеграфных ведомствах не принимались письма и телеграммы, адресованные на белорусском языке даже латинским шрифтом»[2].

Интересовался я у отца, видел ли он осенью 1939 года германских военнослужащих. Он ответил отрицательно. Кроме того, отец пожимал плечами, когда задавался вопрос о подтверждении фактов перестрелок между РККА и вермахтом осенью 1939 года. Между тем такие перестрелки случались и не раз.

Самая известная перестрелка такого рода произошла через два дня после начала Польского похода РККА в районе Львова.

Естественно, возникла острейшая потребность в сверхсрочном установлении демаркационной линии между РККА и вермахтом. Стороны сели за стол переговоров и успешно договариваются о той демаркационной линии, которая будет действительна с 23 сентября. И вновь берём в руки указку, ведём по карте. Демаркационная линия очерчивается без проблем. Указка проходит по следующим контрольным точкам. Первая – река Писа. Вторая – впадение реки Писа в реку Нарев. Третья – река Нарев. Четвёртая – впадение реки Нарев в Западный Буг. Пятая – река Буг. Шестая – впадение реки Буг в реку Висла. Седьмая – река Висла. Восьмая – впадение реки Сан в реку Висла. Девятая – река Сан. Десятая – истоки реки Сан. 23 сентября РККА начала движение к настоящей линии. На момент, когда глава германского внешнеполитического ведомства Иоахим фон Риббентроп вёл в Москве переговоры о подписании Договора о дружбе и границе между СССР и Германией, были участки указанной линии, которые РККА ещё не достигла. Договор был подписан в столице советской федерации 28 сентября 1939 года. Это событие означало постановку финальной точки в территориальном разделе Польши между СССР и Германией. Германцы согласились с тем, чтобы СССР получил территориальный массив, равный 196 тысяч км², на котором проживало без малого 13 млн человек [5].

Включение Западной Беларуси в состав БССР и Западной Украины в состав УССР, несомненно, было актом исторической справедливости. И это должно быть самым главным в оценке данного факта. «Осенью 1939 года не кто иной, как британский политический деятель Ллойд-Джордж, писал польскому послу в Лондоне, что СССР занял «территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после Первой мировой войны». В вышедшей в 1956 году в США книге «Белоруссия. Становление нации» Николас Вакар писал: «Для белорусов это означало восстановление их территориального единства, долгое время порушенного войнами и революциями»[2]. Автор настоящей статьи присоединяется к данным оценкам.

Конечно, не всё Советской властью делалось правильно. Вот что, например, мне рассказала тёща. Летом 1939 года её родители, Анна и Иван Тимошки купили землю и собирались основательно развернуться. Но с приходом Советов всё рухнуло. Тести спустя много лет после драматической осени 1939 года никак не могли понять, зачем Советская власть сделала осадников объектом репрессий, представляла их как исчадие ада. Тёща вспоминала: «Осадник в нашей деревне был добросовестным трудягой.

Он построил на реке водяную мельницу из бутового камня, которой пользовались все. После войны ее взорвали. Вместе с ней рухнул мост. Вершина глупости!». Сидевший рядом тесть дополнял: «Был отзывчив. Всегда откликался на просьбу сельчан о помощи. В деревне его уважали»[3].

И последнее. Когда я в конце двадцатого – начале двадцать первого века общался с родственниками и их односельчанами, то становилось очевидно, что раскрестьянивание советского времени на таких людей не распространилось. И это типично для западно-белорусского крестьянства, которое унаследовало от отцов, трудившихся в аграрной сфере в годы Второй Речи Посполитой, лучшие крестьянские качества. Так что не следует забывать, чем западные белорусы обязаны Второй Речи Посполитой.

Список источников и литературы

1. Вабищевич, А.Н. Этнокультурное положение и этнополитические отношения на западнобелорусских землях накануне сентября 1939 года / А.Н. Вабищевич // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: Люди, события, документы; ответственные редакторы: О.В. Петровская, Е.Ю. Борисенок. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 14–25.

2. Егорычев, В. Становление нации / В. Егорычев // Сельская газета. – 2019. – 14 сентября. – С. 31.

3. Личный архив автора.

4. Марзалюк, И.А. Реалии и мифы о БССР: вхождение Западной Белоруссии в БССР оказалось злом для белорусской национальной культуры / И.А. Марзалюк, – Советская Белоруссия. СБ. Беларусь сегодня. – 2019. – 13 сентября. – С. 8.

5. Польский поход Красной армии (1939) — Википедия [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Польский_поход_Красной_армии_\(1939\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Польский_поход_Красной_армии_(1939)) – Дата доступа: 03.09.2019.

6. Materski, Wojciech. Polska 1918–1939 / Wojciech Materski, Tomasz Szarota. — Warsaw : IPN, 2019. – 504 s.

УДК 94(4576)

Л. С. Скрабіна

УЗ'ЯДНАННЕ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ З БССР У КАНТЭКСЦЕ САВЕЦКА-ГЕРМАНСКІХ ДАГАВОРАЎ 1939 ГОДА

Разгледжана праблема ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР, якое стала наступствам савецка-германскага дагавора аб ненападзе і сакрэтнага пратакола да яго. Паказаны складаныя і супярэчлівыя наступствы гэтай справядлівай для беларускага народа падзеі.

Адной з праблем, якія патрабуюць аб'ектыўнага рознабаковага асэнсавання, з'яўляецца праблема ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. Пытанне аб драматычных падзеях 1939 г. – складанае і супярэчлівае, яно і сёння вартае сур'ёзнага навуковага абмеркавання.

Зазначым, што доўгі час у савецкай гістарыяграфіі закраналіся толькі некаторыя аспекты гэтай праблемы, якія асвятляліся аднабакова. Савецкая ваенная акцыя паказвалася праз прызму “вызваленчага пахода” Чырвонай Арміі ў Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну. Аб шчаслівым і радасным вызваленні заходніх беларусаў ад панскага прыгнёту, адзінадушным галасаванні за ўключэнне Заходняй Беларусі ў склад БССР напісана шэраг прац па гісторыі Другой сусветнай вайны, гісторыі савецка-польскіх адносін, гісторыі Беларусі. Між тым і сёння некаторымі даследчыкамі асобныя аспекты гэтай праблемы не асвятляюцца з аб'ектыўных навуковых пазіцый. Сведчаннем таму з'яўляецца ўступны артыкул да зборніка дакументаў і матэрыялаў “Польша і Беларусь (1921–1953 гг.)” (Мінск, 2013) і тэндэнцыйны падбор саміх дакументаў. Але ў апошнія часы з'явіліся працы, у якіх даследчыкі выказваюць новыя меркаванні па пытаннях, звязаных з уступленнем Чырвонай Арміі ў Заходнюю Беларусь 17 верасня 1939 г. Адыходзячы ад стэрэатыпаў, даследчыкі больш грунтоўна і рознабакова даюць ацэнку акцыі Савецкага Саюза ў Польшчы на аснове аналізу такіх важных аспектаў праблемы, як роля папярэдніх сакрэтных савецка-германскіх дамоўленасцей, баявое ўзаемадзеянне савецкіх і германскіх войск на тэрыторыі Польшчы і інш.

Нагадаем, што ў ноч з 23 на 24 жніўня 1939 г. паміж Германіяй і Савецкім Саюзам быў падпісаны савецка-германскі дагавор аб ненападзе, вядомы як пакт Рыбентропа-Молатава. Да яго быў прыкладзены сакрэтны дадатковы пратакол, згодна якому размяжоўваліся сферы інтарэсаў Германіі і СССР ва Усходняй

Еўропе. “У выпадку тэрытарыяльна-палітычнага пераўладкавання абласцей, якія ўваходзяць у склад Польскай дзяржавы, граніца сфер інтарэсаў Германіі і СССР будзе прыблізна праходзіць па лініі рэк Нарэва, Віслы і Сана”, – вызначалася ў другім артыкуле пратакола [1, с. 321]. Гэта азначала, што ў сферу інтарэсаў СССР пераходзілі Заходняя Беларусь і Заходняя Украіна, а таксама частка Польшчы да Варшавы. Такім чынам, фактычна паміж Германіяй і Савецкім Саюзам была дасягнута дамоўленасць аб падзеле Польшчы. Таму, калі 1 верасня 1939 г. Гітлер напаў на Польшчу і нямецкія войскі рушылі ўглыб краіны, гітлераўскае кіраўніцтва неаднаразова патрабавала ад савецкага боку ўдарыць па Польшчы з усходу. Ужо 3 верасня міністр замежных спраў Германіі І. Рыбентроп афіцыйна заклікаў Савецкі Саюз да ваеннага ўварвання ў Польшчу і заняцця яго зоны інтарэсаў. У Берліне лічылі крайне важным і неабходным, каб СССР пачаў важныя аперацыі супраць Польшчы як мага раней. Гэта, як адзначаў І. Рыбентроп у пасланні нямецкаму паслу ў СССР Ф. Шуленбургу 15 верасня 1939 г. – “вызваліць нас ад неабходнасці знішчыць астаткі польскай арміі, праследуючы іх аж да самай рускай граніцы, што ў сваю чаргу, “было б не толькі аблягчэннем для нас, а таксама, адпаведала б духу Маскоўскіх пагадненняў і савецкім інтарэсам” [2, с. 34].

Але Сталін не спяшаўся распачынаць ваенныя дзеянні, заняўшы пазіцыю чакання, бо быў настроены на зацягванне вайны без удзелу СССР, каб праціўнікі “добра пабіліся”. Для аказання ціску на савецкае кіраўніцтва германскія войскі 9 верасня 1939 г. перайшлі дэмаркацыйную лінію, што была ўсталявана сакрэтным пратаколам, занялі Брэст і сталі рухацца далей на ўсход. 10 верасня нарком замежных спраў СССР В. Молатаў запэўніваў Ф. Шуленбурга, што ўвод савецкіх войск на тэрыторыю Польшчы зацягваецца па прычыне непадрыхтаванасці часцей Чырвонай Арміі, і што для гэтага спатрэбіцца два-тры тыдні.

У той жа час у савецкіх газетах пачала разгортвацца антыпольская кампанія паралельна з якой вяліся інтэнсіўныя кансультацыі паміж Масквой і Берлінам па узгадненню матываў дзеянняў савецкага кіраўніцтва. Каб не выглядаць агрэсарам у вачах народа, для апраўдання свайго пахода ў Польшчу, кіраўніцтва СССР спрабавала выкарыстаць ідэю “пагрозы” з боку Германіі беларусам і украінцам. У час сустрэчы с Ф. Шуленбургам В. Молатаў заявіў: “У сувязі з тым, што “Польшча развальваецца на кавалкі”, “Савецкі Саюз павінен прыйсці на дапамогу украінцам і беларусам, якім “пагражае” Германія”. В. Молатаў адкрыта патлумачыў нямецкаму

паслу сутнасць гэтай матывіроўкі: “Такая прычына прадставіць інтэрвенцыю” Савецкага Саюза прыстойнай у вачах мас і дасць Савецкаму Саюзу магчымасць не выглядаць агрэсарам [3, с. 77].

10 верасня Ф. Шуленбург даносіў у Берлін “Савецкі ўрад меў намер скарыстаць далейшае прасоўванне германскіх войск і заявіць, што Польшча развальваецца на кавалкі і таму Савецкі Саюз павінен прыйсці на дапамогу ўкраінцам і беларусам, якім “пагражае” Германія” [4, с. 89]. Германскі ўрад выказаў незадавальненне падобнай трактоўкай савецкай акцыі супраць Польшчы (нібыта ўкраінцам і беларусам пагражае Германія). На чарговай сустрэчы с Ф. Шуленбургам 16 верасня В. Молатаў, апраўдуючыся, прасіў улічыць, што СССР аказаўся ў далікатнай сітуацыі. “Савецкі ўрад, на жаль, не бачыў якой-небудзь іншай прычыны, паколькі дагэтуль Савецкі Саюз не турбаваўся аб сваіх меншасцях у Польшчы і павінен быў так ці інакш апраўдваць за мяжой сваё цяперашняе умяшанне” [3, с. 77].

Аднак пад націскам германскага боку першапачатковы тэкст ноты быў зменены. Вось як апісвае Ф. Шуленбург заключны этап узгадненняў: “Сталін у прысутнасці Молатава і Варашылава прыняў мяне ў 2 гадзіны ночы 17 верасня і заявіў, што Чырвоная Армія перасячэ савецкую мяжу ў 6 гадзін раніцы на ўсёй адлегласці ад Полацка да Камянец-Падольска... Сталін зачытаў мне ноту, якая будзе ўручана ўжо гэтай ноччу польскаму паслу... Зачытаны мне праект змяшчаў тры пункты для нас непрымальных. У адказ на мае прэрэчанні Сталін з усёй гатоўнасцю змяніў тэкст так, што зараз Нота цалкам нас задавальняе” [5, с. 8]. У канчатковым тэксце ноты ўжо не было ніякага ўпамінання аб германскай пагрозе ўкраінцам і беларусам, якія пражываюць на тэрыторыі Польшчы.

Польскі пасол у Маскве В. Гжыбоўскі быў выкліканы ў 3 гадзіны ночы ў Наркамат замежных спраў СССР для ўручэння яму толькі што ўзгаднёнай з Ф. Шуленбургам Ноты савецкага ўрада. У ёй гаварылася, што, паколькі Польская дзяржава фактычна спыніла сваё існаванне, Савецкі ўрад аддаў распараджэнне Чырвонай Арміі перайсці граніцу і ўзяць пад абарону жыццё і маёмасць насельніцтва Заходняй Беларусі. Афіцыйна гэта абгрунтоўвалася тым, што “Польшча стала зручным полем для ўсялякіх выпадковасцей і нечаканасцей, якія могуць стварыць пагрозу СССР”, а дзеянне папярэдніх савецка-польскіх дагавораў спынілася [6, с. 96]. Натуральна, што В. Гжыбоўскі не мог не выказаць рашучага пратэсту і адмовіўся прыняць яе. “Польска-Германская вайна толькі пачынаецца, – заявіў В. Гжыбоўскі, – таму нельга гаварыць аб

распадзе польскай дзяржавы. Асноўныя сілы польскай арміі рыхтуюцца да рашучага адпору германскай арміі. Пры гэтых умовах пераход Чырвонай Арміі польскай мяжы з'яўляецца нічым не выкліканым нападзеннем на рэспубліку” [6, с. 94]. На працягу ўсёй гутаркі з намеснікам наркома замежных спраў В. Пацёмкіным В. Гжыбоўскі намагаўся даказаць, што Польшча не разбіта і што СССР дапамагае Германіі знішчыць яе. Урэшце рэшт Гжыбоўскі вымушаны быў згадзіцца перадаць свайму ўраду ноту ўрада СССР.

Дакументы зборніка “Беларусь у палітыцы сусудніх і заходніх дзяржаў” раскрываюць рэакцыю польскага ўрада на ноту Савецкага ўрада ад 17 верасня 1939 г. У паведамленні Пасольства Польшчы ў Лондане ў сувязі з нотай Старшыні СНК і наркома замежных спраў СССР. В. Молатава савецкія дзеянні кваліфікаваліся як акт “прамой агрэсіі” і парушэнне Савецкім Саюзам сваіх міжнародных абавязацельстваў, адваргаліся як надуманыя прыведзеныя ў савецкай ноце, прычыны гэтай акцыі, нібыта “польскі ўрад перастаў існаваць і з’ехаў з тэрыторыі Польшчы, пакідаючы польскае насельніцтва па-за зонай вайны з Германіяй без абароны” [7, с. 26].

17 верасня 1939 г. у 5 гадзін 40 хвілін войскі Чырвонай Арміі перайшлі савецка-польскую граніцу. Для правядзення гэтай аперацыі была створана даволі буйная групіроўка войск – 54 стралковых і 13 кавалерыйскіх дывізій, 18 танкавых брыгад і 11 артылерыйскіх палкоў. У двух франтах налічвалася больш як 600 тыс. чалавек, каля 4 тыс. танкаў, больш як 5500 тыс. гармат і 2 тыс. самалетаў [4, с. 88]. Стан вайны паміж СССР і Польшчай абвешчаны не быў. Савецкі Саюз распачаў ваенны паход 17 верасня пад лозунгамі абароны адзінакроўных беларусаў, нацыянальнага і сацыяльнага іх вызвалення на падставе сцвярджэння савецкага ўрада аб спыненні існавання польскай дзяржавы.

На самай справе падзеі складваліся інакш. 17 верасня яшчэ абаранялася Варшава, супраціўлялася польская армія. Сцвярджэнне аб тым, што Польская дзяржава фактычна перастала існаваць супярэчыла нормам міжнароднага права, таму што часовая акупацыя не магла перакрэсліць факт існавання дзяржавы як суб’екта міжнароднага права, які прызнаваўся саюзнікамі і нейтральнымі дзяржавамі. Апроч таго, міжнароднае права не прызнае знікнення дзяржавы, калі існуюць яе вышэйшыя органы, якія ажыццяўляюць дзяржаўны суверынітэт у эміграцыі, як гэта адбылося з польскім урадам. Як сведчаць польскія і іншыя крыніцы, урад Польшчы пакінуў тэрыторыю краіны вечарам 17 верасня 1939 года, а вярхоўнае камандаванне – 18 верасня пад раніцу, апасля 24 гадзін пачатку

наступлення Чырвонай Арміі. У гэты час нямецкія войскі знаходзіліся на адлегласці 170 кіламетраў ад месца перакрыжвання польскімі ўладамі польска-чэхаславацкай граніцы, а Чырвоная Армія – на адлегласці каля 70 кіламетраў [8, с. 65].

Увод Чырвонай Арміі на тэрыторыю змагаючайся Польшчы аказаўся для польскага кіраўніцтва нечаканым. Аднак яно не лічыла магчымым ваяваць на два франты і вырашыла сканцэнтраваць сілы для баявых дзеянняў супраць нямецкіх войск. Галоўны камандуючы польскай арміяй маршал Э. Рыдз-Сміглы аддаў загад: “З Саветамі ў баі не ўступаць. Аказваць супраціўленне толькі ў выпадку спроб з іх боку раззбраення нашых часцей, якія ўвайшлі ў сутыкненне з савецкімі войскамі” [4, с. 91].

Дзеянні Чырвонай Арміі на тэрыторыі Польшчы працягваліся 12 дзён. Да 25 верасня савецкія войскі поўнасьцю занялі Заходнюю Беларусь. Напярэдадні і падчас вераснёўскай кампаніі палітычныя і ваенныя колы СССР і Германіі дзейнічалі разам. Так, з 1 верасня радыёстанцыя г. Мінска выкарыстоўвалася ў якасці радыёмаяка для арыентацыі нямецкіх самалётаў, якія выконвалі баявыя задачы на тэрыторыі Польшчы. Быў дадзены дазвол на выкарыстанне Мурманскага парта у якасці перавалачнага пункта для нямецкіх тавараў і стаянкі для рознага тыпу пасажырскіх і грузавых суднаў [2, с. 40]. З дзённіка начальніка Генеральнага штаба сухапутных войск Германіі Ф. Гальдэра вынікае, што пры вызначэнні дэмаркацыйнай лініі паміж савецкімі і нямецкімі войскамі Берлін ішоў на кампрамісы, не жадаючы ніякага абвастрэння адносін з Масквой. “Дзейнічаць сумесна з рускімі. Неадкладна сумеснае ўрэгуляванне разнагалоссяў на месцы. Калі рускія настоўваюць на тэрытарыяльных патрабаваннях, мы ачысцім тэрыторыі [7, с. 31–32].

Хоць становішча вайны паміж СССР і Польшчай не было аб’яўлена, але, па сутнасці, баявыя дзеянні супраць польскіх воінскіх часцей мелі месца. Яны насілі лакальны характар і шырокіх памераў не прымалі. Нягледзячы на адсутнасць маштабных баявых дзеянняў паміж наступаючымі часцямі Чырвонай Арміі і польскімі ваеннымі фарміраваннямі, страты войскаў Беларускага і Украінскага франтоў былі значнымі. Яны складалі, паводле новых даных, 996 чалавек забітымі і 2002 – параненымі. На Беларускай фронт прыпадае 316 забітымі і 642 параненымі [9, с. 14]. З польскага боку – 600–800 чал. загінула і 1500 чал. паранены [10, с. 22]. У перыяд з 17 па 30 верасня войскі фронту інтэрніравалі і разбролі 60202 польскія вайскоўцы, сярод якіх налічвалася 2066 афіцэраў [9, с. 15]. Усяго ж па афіцыйных даных савецкіх улад за гэты перыяд

Упраўленне НКУС па справах ваеннапалонных і інтэрніраваных прыняло звыш 120 тыс. ваеннапалонных палякаў [11, с. 10].

Да 25 верасня лінія, якая размяжоўвала савецкую і германскую сферы інтарэсаў, праходзіла яшчэ праз прыгарад Варшавы. 28 верасня 1939 г. у Маскве В. Молатаў і І. Рыбентроп падпісалі Дагавор аб дружбе і граніцы паміж СССР і Германіяй. Дагавор усталяваў новую граніцу паміж абедзвюма дзяржавамі па лініі рэк Піса, Нараў, Буг, Вісла, Сан. Таксама быў падпісаны сакрэтны пратакол, паводле якога Літва ўключалася ў сферу інтарэсаў СССР, а Германія ўзамен атрымлівала Люблінскае і частку Варшаўскага ваяводства.

Дагавор аб дружбе і граніцы паміж СССР і фашысцкай Германіяй фактычна абяляў фашызм, дэфармаваў свядомасць савецкіх людзей і скажаў прынцыпы савецкай знешняй палітыкі. Гэты дагавор падрываў міжнародны прэстыж СССР, як асноўнай антыфашысцкай сілы.

Уступленне Чырвонай Арміі было сустрэта рознымі сацыяльнымі і нацыянальнымі групамі па-рознаму. Невялікая частка польскага насельніцтва ўспрыняла прыход савецкіх войск насцярожана і нават варожа. Аб гэтым сведчыць ліст сакратара ЦК КП(б)Б П.К. Панамарэнкі І.В. Сталіну аб становішчы ў Заходняй Беларусі ад 25 верасня 1939 г. У прыватнасці, у ім гаварылася “За Беластокам насельніцтва сустракае нашы войскі стрымана, рускую мову ведаюць менш, часцей раздаюцца выстралы із-за вугла, із лесу па краснаармейцах, камандзірам” [12, с. 19].

Некаторыя ўяўленні аб гэтым даюць і афіцыйныя вынікі выбараў у Народны Сход Заходняй Беларусі. У яго выбарах прыняло ўдзел 96,7 % выбаршчыкаў, за выбранне кандыдатаў выказалася 90,67 % (удзельнічаючых у галасаванні). Супраць кандыдатаў прагаласавала ўсяго 247245 выбаршчыкаў, або 9,3 %. Прызнаны не сапраўднымі 14932 бюлетэні. А ў Беластоцкім ваяводстве супраць выказалася 15 % выбаршчыкаў [12, с. 44–45]. З авацыяй тут прывіталі расіян, галоўным чынам, яўрэі, беларусы, мясцовыя камуністы. Прычым, беларусы, якія складалі нязначную меншасць усіх жыхароў Беластока ў большасці сваёй падтрымалі савецкую ўладу і скарысталі сітуацыю, каб заняць выгадныя месцы. Але пераважная большасць насельніцтва прыхільна ставілася да падзей, з кветкамі сустракалі Чырвоную Армію, звязваючы з імі надзеі на вызваленне ад польскага нацыянальнага ўціску і лепшае жыццё “пад Саветамі”. Аднак пазней, калі значна абастрыліся штодзённыя жыццёвыя праблемы, з’явіліся новыя

клопыты аб кавалку хлеба, сталі праводзіцца рэпрэсіі, ажыццяўляцца калектывізацыя, апазіцыйныя настроі сярод насельніцтва рэзка ўзраслі.

Адразу ж пачалася арганізацыя новых улад, у гэтым выкарыстоўвалася практыка будаўніцтва сацыялізму ў БССР. У першай палове кастрычніка пачалася падрыхтоўка выбараў у Народны сход Заходняй Беларусі, які павінен быў юрыдычна вырашыць характар будучай улады і пытанне аб уваходзе Заходняй Беларусі ў склад СССР, г. зн. у склад БССР. Упершыню аб неабходнасці правядзення такога кшталту палітычнага форуму было заяўлена ў пастанове Ваеннага савета Беларускага фронту ад 16 верасня 1939 г. [9, с. 49–52]. Пастанова прадугледжвала правядзенне мерапрыемстваў палітычнага характару, многія з якіх пазней былі дэталёва распрацаваны ў пастанове Палітбюро ЦК У КП(б) ад 1 кастрычніка 1939 г.

Зыходзячы з інтарэсаў СССР, і дэманструючы сваю “заклапочанасць” лёсам беларусаў і ўкраінцаў, палітбюро ЦК У КП(б) 1 кастрычніка 1939 г. разгледзела пытанні Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі. У святле прынятых рашэнняў становіцца зразумелым, якая ўвага надавалася развіццю далейшай сітуацыі ў Заходняй Беларусі. Аналіз рашэнняў палітбюро ЦК У КП(б) паказвае, што галоўным кіраўніком і рэжысёрам усіх пераўтварэнняў пад лозунгам аб’яднання беларускага народа і ўстанаўлення Савецкай улады ў адзінай Беларусі з’яўлялася Масква. Менавіта зместам першага пункта гэтага рашэння прадвызначалася скліканне Беларускага Народнага Сходу, які павінен быў зацвердзіць перадачу памешчыцкіх зямель сялянскім камітэтам, вырашыць пытанні аб характары будучай улады, уваходжанні Заходняй Беларусі ў склад БССР, нацыяналізацыі банкаў і буйнай прамысловасці. Нават вызначалася месца і дзень выбараў у Народны Сход – 22 кастрычніка (у які яны і адбыліся) і дзень яго склікання – 26 кастрычніка (адбыўся 28-30 кастрычніка) ў Беластоку.

Каб паспяхова вырашыць стратэгічныя задачы, палітбюро паставіла, што тэкст дэкларацый па пытаннях, якія выносіліся на абмеркаванні Народнага Сходу, павінен быў падрыхтаваны ЦК КП(б) Беларусі, адказным за гэта прызначаўся П. Панамарэнка. Сярод пытанняў, якія браліся Масквой пад кантроль, было ўтварэнне камуністычных арганізацый у Заходняй Беларусі. Прычым, зыходным момантам у дачыненні кандыдатаў у члены У КП(б) павінна было быць: дапамога Чырвонай Арміі з іх боку ў барацьбе з варожымі элементамі і актыўная дзейнасць у справе станаўлення новага рэвалюцыйнага парадку. Акрамя таго, было прынята прынцыповае

рашэнне, якое адлюстроўвала недавер і падазронасць да былых членаў КПЗБ. Так, у прыватнасці, падкрэслівалася, што “былых членаў Кампартыі Заходняй Беларусі прымаць у члены УКП(б) не агульна, а ў індывідуальным парадку пасля стараннай і няспешнай праверкі” [6, с. 20]. Прынятае рашэнне строга праводзілася ў жыццё. Да пачатку вайны ў партыі было ўзноўлена толькі 46 былых камуністаў [13, с. 19]. Каб узмацніць пазіцыі Масквы і Мінска палітбюро абавязвала ЦК КП(б) Беларусі паслаць для работы ў Заходняй Беларусі не менш 1500 камуністаў і камсамольцаў, назначыць упаўнаважаных на кожнае ваяводства па пытаннях арганізацыі партыйнай работы. Таксама ставілася задача дэмабілізацыі з Чырвонай Арміі 800 камуністаў і 400 камсамольцаў для далейшага выкарыстання іх на партыйнай і камсамольскай рабоце ў Заходняй Беларусі [6, с. 20].

Значная ўвага ў рашэннях палітбюро надавалася эканамічным пытанням, пры гэтым галоўнае месца адводзілася традыцыйным прымусовым метадам. Ва ўсе банкі прадугледжвалася назначэнне камісараў, без дазволу якіх не магла адбыцца ніводная банкаўская аперацыя. У 10-дзённы тэрмін неабходна было прадставіць у ЦК УКП(б) прапановы аб парадку нацыяналізацыі буйных прадпрыемстваў, якія падлягалі нацыяналізацыі. Аб тым, наколькі было ўсё, нават да дробязі, загадзя спланавана і скаардынавана Масквою, можна меркаваць і па змесце аднаго з пунктаў пастановы палітбюро, якім устанаўліваліся наступныя цэны: на соль – 30 кап. за кілаграм, на запалкі – 3 кап. за каробку, на керасін – 66 кап. за літр, на махорку – 50 кап. за пачак у 50 грам [6, с. 21].

Надзеі на доўгачаканае аб’яднанне былі растаптаны сталінскім рэжымам. Тэрор, застрашэнне і іншыя формы пераследу закранулі ўсе нацыянальныя меншасці.

У жорсткіх масавых рэпрэсіях неабходна перш за ўсё вылучыць дэпартацыю, якая матывіравалася неабходнасцю ачысціць тырыторыю ад буржуазных элементаў, “ворагаў народа”. У заходняй і польскай літаратуры гаворыцца звычайна аб 4-х дэпартацыях. Першай лічаць акцыю 10 лютага 1940 г. – арышт і прымусовы вываз асноўнай масы польскіх дзяржаўных служачых апарата мясцовага самакіравання і асаднікаў. Другой дэпартацыяй называюць арышты і высылкі “на трудопоселенне” 13 красавіка 1940 г. багатых сялян (“кулакоў”), часткі насельніцтва прыгранічча, сямей ужо рэпрэсіраваных і арыштаваных асоб. Трэцяй – прымусовы вываз у чэрвені-ліпені 1940 г. з заходніх абласцей СССР бежанцаў з Цэнтральнай і Заходняй Польшчы. Чацвёртай – чэрвень 1941 г. – вываз людзей з Літоўскай ССР (Віленшчыны) [14, с. 29]. З восені

1939 г. да чэрвеня 1941 г. у заходніх абласцях Беларусі было рэпрэсіравана больш як 125 тыс. чал., з іх дэпарціравана ў Сібір, Казахстан і іншыя месцы больш як 120 тыс. чал. [15, с. 76].

Хоць рэпрэсіі і масавая дэпартацыя закранула ўсе нацыянальныя супольнасці Заходняй Беларусі (найперш палякаў), аднак для беларусаў рэпрэсіі гэтыя мелі згубны і трагічны характар. На Беларусі ў 1939 г. была знішчана вельмі тонкая (хрупкая) праслойка інтэлектуальнай эліты нацыі. Неверагодная рэч: знішчалі тых, хто ва ўмовах гвалтоўнай паланізацыі перашкаджаў гэтаму, быў носьбітам ідэі беларускага нацыянальнага адраджэння.

Аб'яднанне беларускіх зямель у 1939 г. аб'ектыўна адпавядала нацыянальным інтарэсам беларусаў. Яно мела складаную і супярэчлівую перадгісторыю і такія ж складаныя і супярэчлівыя яго наступствы.

І напрыканцы нельга не згадзіцца з беларускім даследчыкам У.Е. Снапкоўскім, які адзначае, што “Важнейшим наступством савецка-германскага дагавора аб ненападзе і сакрэтнага пратакола да яго для Беларусі стала гістарычна справядлівая для беларускага народа падзея – уз'яднанне Заходняй Беларусі з БССР. Аднак нацыянальнае уз'яднанне было дасягнута ў выніку змовы двух дыктатарскіх рэжымаў Гітлера і Сталіна, было ажыццёўлена праз гвалтоўнае парушэнне Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. і ліквідацыю Польскай дзяржавы” [3, с. 79].

Спіс крыніц і літаратуры

1. Год кризиса. Документы и материалы : в 2 т. Т. 2. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – 432 с.
2. Случ, С. З. Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну / С. З. Случ // Славяноведение. – 1999. – № 6. – С. 32–41.
3. Снапкоўскі, У. Е. Уз'яднанне ці далучэнне: Заходняя Беларусь у савецка-германскіх планах падзелу Польшчы / У.Е. Снапкоўскі // Великая Победа: героизм и подвиг народов: материалы Междунар. науч. конф. : в 2 т. Т. 1. – Минск : Ин-т истории НАН Беларуси, 2006. – С. 77–80.
4. Семиряга, М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 / М.И. Семиряга. – Минск : Вышш. шк., 1992. – 303 с.
5. Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы (сентябрь 1939 г. – август 1940 г.) // Советское славяноведение. – 1991. – № 1. – С. 3–27.

6. Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. 1 сентября – 31 декабря 1939 г. – М. : Международные отношения, 1992. – 688 с.
7. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зб. дакум. і матэр. У 4 т. Т. 3. 1 верасня 1939 г. – 3 ліпеня 1944 г. – Мінск : Юніпак, 2010. – С. 440.
8. Басюк, І. “Вялікім” закон не пісаны. Беларусь у планах пакта Рыбентропа-Молатава / І. Басюк // Беларуская думка. – 1994. – № 2. – С. 64–65.
9. Беларуская нацыя: уз’яднанне. Верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г. : зб. дакум. і матэр. ; аўт.-уклад. У. Ф. Ладысёў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 199.
10. Прибылов, В. И. «Захват» или «воссоединение»? / В.И. Прибылов // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 10. – С. 13–23.
11. Семиряга, М. И. 17 сентября 1939 / М. И. Семиряга // Советское славяноведение. – 1990. – № 5. – С. 3–16.
12. “Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...” Верасень 1939–1956 гг. : дакум. і матэр. У 2 кн. Кн. 1. Верасень 1939 г. – 1941 г. – Мінск : Беларуская навука, 2009. – 339 с.
13. Мацко, А. Уз’яднанне Заходняй Беларусі з БССР – акт гістарычнай справядлівасці / А. Мацко, С. Кабяк. – Мінск : Веды, 1989. – 25 с.
14. Парсаданова, В. С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. / В. С. Парсаданова // Новая и новейшая история. – 1989. – № 2. – С. 27–37.
15. Хацкевіч, А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939–1941 гг.) / А. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 2. – С. 70–76.

УДК 930(47+57)"1939-1941":94(100)"1939":94(476)"1939":94(477)"1939"

М. М. Мязга

ГДУ імя Ф. Скарыны, г. Гомель

**ПАЧАТАК ДРУГОЙ СУСВЕТНОЙ ВАЙНЫ
І ЎЗ’ЯДНАННЕ БЕЛАРУСКАГА І ЎКРАЇНСКАГА
НАРОДАЎ У МЕЖАХ БССР І УССР У АДЛЮСТРАВАННІ
САВЕЦКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ 1939–1941 ГАДОЎ**

У артыкуле ахарактарызаваны змест савецкай гістарыяграфіі 1939–1941 гг. па праблеме пачатку Другой сусветнай вайны і ўз'яднання беларускага і ўкраінскага народаў у межах адной дзяржавы. Паказана, што вывучэнне ўказаннай праблемы адбывалася ў спецыфічных палітычных умовах, якія аказвалі вызначальны ўплыў на змест гістарыяграфічных палажэнняў і канцэпцый, якія былі распрацаваны савецкімі даследчыкамі ў той час. Яны зводзіліся да абгрунтавання і апраўдання савецкай палітыкі па ўключэнню тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ў склад СССР.

Пачатак Другой сусветнай вайны выклікаў істотныя геапалітычныя перамены ва Усходняй Еўропе. Яны закранулі і лёс беларускага і ўкраінскага народаў. Адбылося аб'яднанне асноўнай масы іх этнічных тэрыторый у межах Савецкай Беларусі і Савецкай Украіны. Гэтыя працэсы знайшлі прыкметнае месца ў савецкай гістарыяграфіі. Прычым ў ёй можна ў якасці асобнага выдзеліць невялікі храналагічны перыяд 1939–1941 гг. Своеасаблівасць яго заключаецца ў тым, што савецкія гісторыкі ў сваіх ацэнках адштурхоўваліся ад той палітычнай лініі, якую праводзіла кіраўніцтва краіны пасля падпісання савецка-германскага дагавора аб ненападзенні. З пачаткам Вялікай Айчыннай вайны ацэнкі савецкіх гісторыкаў адносна падзей пачатковага этапу Другой сусветнай вайны істотна памяняюцца і можна казаць пра пачатак новага этапу ў развіцці гістарыяграфіі ўказанай праблемы.

Падпісанне пакта Рібэнтропа – Молатава, пасля якога назіраецца палітычнае збліжэнне СССР з Германіяй і адбыўся падзел Польшчы названымі краінамі, прывяло да перабудовы зместу савецкай гістарыяграфіі па пытаннях польска-савецкіх адносін і ўзнікнення Другой сусветнай вайны. У гістарычных творах савецкіх аўтараў рэзка ўзмацнілася негатыўная ацэнка знешняй палітыкі Польшчы. У. Пічэта ў сваіх даследаваннях робіць Польшчу краінай, якая развязаła Другую сусветную вайну: «... польскія кіраўнікі пачалі вайну супраць Германіі» [1, с. 126]. І. Лочмель таксама высунуў супраць Польшчы абвінавачванне ў развязванні вайны с Германіяй. Ён пісаў, што польскія кіраўнікі па ўказанню Англіі і Францыі ўвязаліся ў гэтую вайну [2, с. 153]. Далей ён імкнецца апраўдаць уступленне Чырвонай Арміі на тэрыторыю Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Згодна з яго канцэпцыяй, народы гэтых тэрыторый былі кінуты на волю лёсу польскім урадам, паднялі паўстанне супраць акупантаў і чакалі дапамогі ад савецкай краіны [3, с. 288–289]. Гэзіс аб паўстанні рабочых і сялян Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны быў узяты савецкай гістарыяграфіяй з афіцыйнага абгрунтавання савецкім кіраўніцтвам уступлення Чырвонай Арміі на

тэрыторыю Польшчы. У загадзе камандуючага Беларускамі фронтам аб пачатку наступлення гаварылася аб неабходнасці садзейнічаць паўстаўшым рабочым і сялянам Заходняй Беларусі [4, с. 36].

Савецкія гісторыкі шмат пісалі аб «ваганнях» польскай палітыкі напярэдадні Другой сусветнай вайны. Яны тлумачыліся імкненнем правячых колаў гэтай краіны знайсці саюзніка для ажыццяўлення сваіх антысавецкіх планаў. Спачатку яны мелі намер выкарыстаць у інтарэсах сваёй антысавецкай палітыкі Германію. Але, «калі стала відавочна, што Германія не хоча для іншых цягаць каштаны з агню, Польшча знов перамятнулася на бок Францыі і Англіі». Пачатак польска-германскай вайны тлумачыўся ў адпаведнасці з палітычнай лініяй савецкага кіраўніцтва пасля падпісання пакта Рыбентропа – Молатава. Адзначалася, што Англія і Францыя, якія імкнуліся сарваць наладжванне савецка-германскіх адносін, падштурхнулі Польшчу да вайны з Германіяй [5, с. 42–43]. Безумома, палажэнні савецкай гістарыяграфіі аб вядучай ролі Польшчы ў развязванні Другой сусветнай вайны не вытрымліваюць ніякай навуковай крытыкі. Яны былі пароджаны выключна палітычнай кан'юнктурай і гістарычнай палітыкай савецкай дзяржавы.

Пасля падзей верасня 1939 г. узрасла актыўнасць савецкай гістарыяграфіі ў справе вывучэння гісторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны, што звязана з атрыманнем адпаведных прамых дырэктыў ад савецкіх і партыйных органаў [6, с. 9–10]. 28 верасня – 11 кастрычніка 1939 г. у Інстытуце гісторыі Украіны Акадэміі навук УССР быў прачытаны цыкл навукова-папулярных дакладаў, якія былі прысвечаны гісторыі Заходняй Украіны. В 1940 г. на іх аснове быў выдадзены зборнік артыкулаў. Дадзеная кніга мела, перш за ўсё, прапагандысцкі характар, уключала ў якасці дадатку шэраг дакументаў, якія характарызувалі палітыку савецкай улады ў адносінах да Заходняй Украіны [7, с. 112].

Савецкая гістарычная перыёдыка адрэагавала на далучэнне да СССР Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны шматлікімі публікацыямі. Сучасны расійскі даследчык А. П. Аксёнава адзначае, што ў канцы 1939–1940 году гэтая тэма не сходзіла са старонак часопіса «Савецкая навука» [8, с. 192]. А. І. Алаторцава паказала ў сваіх даследаваннях, што на далучэнне да СССР Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны актыўна адгукнуўся, у прыватнасці, часопіс «Гісторык-марксіст» [9, с. 67].

Пры вывучэнні польскай палітыкі ў дачыненні да Заходняй Беларусі савецкая гістарыяграфія працягвала рабіць акцэнт на такія яе аспекты, як нацыянальны і сацыяльны прыгнёт. Крытыка польскай

палітыкі ў дачыненні да «ўсходніх крэсаў» павінна была паказаць абгрунтаванасць уступлення Чырвонай Арміі на тэрыторыю Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Прыкладам можа служыць калектыўнае выданне «Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне». У ім прама сказана: «Аўтары гэтай кнігі ставілі сваёй мэтай паказаць змрочнае і пакутлівае жыццё працоўных Заходняй Беларусі ў перыяд панавання польскіх памешчыкаў і капіталістаў, гераічную барацьбу беларускага народа супраць сваіх прыгнятальнікаў» [10, с. 3]. У працы «Заходняя Украіна» яе аўтары адзначаюць малазямелле і беззямелле асноўнай масы ўкраінскага сялянства на тэрыторыі Польшчы. Выкліканае такім становішчам паўстанне сялян польскі ўрад у 1930 г. «патапіў у крыві» [11, с. 28, 30]. Пасля вераснёўскіх падзей 1939 г. з'яўляецца маса работ савецкіх гісторыкаў, аўтары якіх імкнуліся паказаць негатыўныя эканамічныя наступствы польскага панавання на тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Гэта быў аргумент на карысць абгрунтавання ўключэння названых тэрыторый у склад ССРСР.

Яшчэ адным аргументам такога кшталту становяцца «гістарычныя правы» ССРСР на названыя тэрыторыі і этнічная аднароднасць іх насельніцтва з насельніцтвам адпаведных савецкіх рэспублік. Як адзначае сучасны расійскі гісторык А. М. Дуброўскі, у сярэдзіне 1930-х гадоў ва ўмовах нарастання пагрозы новай вайны савецкае кіраўніцтва ўсвядоміла слабасць сацыялістычных ідэалаў у якасці мабілізуючай сілы пры абароне ССРСР і таму вырашыла абаперціся яшчэ і на традыцыйныя каштоўнасці расійскай дзяржаўнасці. Ва ўмовах нарастання пагрозы вайны ў ідэалогіі бальшавікоў усё большую ролю адыгрывалі нацыянальна-дзяржаўныя тэндэнцыі. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя павінны былі стаць эфектыўным сродкам іх фармавання, а таксама выхавання ў савецкіх людзей пачуцця патрыятызму [12, с. 93–95]. У. Пічэта пісаў у сувязі з гэтым, што «Заходняя Украіна... і Заходняя Беларусь... – гэта спрадвечна рускія землі, якія ўваходзілі ў «імперыю Рурыкавічаў». У этнічных адносінах іх насельніцтва складала адзінае цэлае з астатнімі ўсходнеславянскімі плямёнамі». Ён лічыў, што 70 % насельніцтва Заходняй Украіны – украінцы, а ў Заходняй Беларусі палякаў налічваецца толькі 2,5–5 % [1, с. 3, 126]. У яшчэ адным сваім артыкуле У. Пічэта спачатку робіць гістарычны экскурс, пачынаючы яго з эпохі Галіцка-Валынскага княства і Вялікага княства Літоўскага, і паказвае, што на працягу ўсёй сваёй гісторыі ўкраінскі і беларускі народы змагаліся супраць «экспансіі польскіх паноў». Далей ён адзначае, што пасля заканчэння Першай сусветнай вайны «англа-французскія імперыялісты стварылі панскую Польшчу як фарпост барацьбы супраць маладой Савецкай Расіі», і ў выніку прадпрынятага

«польскімі панамі» пры падтрымцы Антанты паходу супраць Савецкай Расіі ім удалося захапіць Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну. Далей аўтар падвяргаў рэзкай крытыцы палітыку Польшчы на заходнебеларускіх і заходнеўкраінскіх землях, якія «для польскіх паноў ... былі не чым іншым, як калоніямі». Са зместу артыкула напрашваецца выснова, якую і фармулюе У. Пічэта: «Натуральна, што стагнаўшыя пад панскім гнётам беларускія і ўкраінскія народныя масы з надзеяй глядзелі на ўсход, у бок магутнага Савецкага Саюза, чакаючы ад яго дапамогі», якую і аказала Чырвоная Армія 17 верасня 1939 г. [13, с. 94, 95, 98].

Д. Мін у сваёй рабоце імкнецца даказаць, што Заходняя Украіна – гэта «спрадвечна руская зямля», якая з часоў Кіеўскай Русі вяла барацьбу супраць польскай агрэсіі. Польшчу, якая адраділася ў 1918 г., ён характарызуе як «ласкутнае» дзяржаўнае ўтварэнне, «якое разбухла за кошт рабавання чужых тэрыторый». Антанта стварала яго «як шчыт супраць Германіі, і галоўнае, як плацдарм для нападу на ... СССР. З санкцыі Антанты польскія захопнікі ператварылі Заходнюю Украіну ў сваю калонію» [14, с. 4–5, 11]. Далей названы аўтар абвінавачвае польскі ўрад у тым, што ён уверг сваю «краіну в бездань вайны» і кінуў народ Заходняй Украіны на волю лёсу. У такой сітуацыі ўкраінцы ў Заходняй Украіне ўзнялі паўстанне, і ў склаўшайся сітуацыі СССР павінен быў прыйсці на дапамогу «аднакроўным братам украінцам і беларусам, якія жылі ў панскай Польшчы» [14, с. 44–45].

Ва ўжо ўзгадваўшайся рабоце «Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне» заяўляецца аб развале польскай дзяржавы пад ударамі германскай арміі. Калі гэта адбылося, то СССР не змог заставацца аб'якавым да лёсу «аднакроўных братоў беларусаў і ўкраінцаў. Савецкі ўрад прыняў гістарычнае рашэнне: падаць руку дапамогі сваім братам – беларусам і ўкраінцам, якія насялялі Польшчу» [10, с. 74]. М. Пятроўскі пісаў аб «польскай акупацыі» Заходняй Украіны, ва ўмовах якой панавала польскае памешчыцкае землеўладанне і насаджалася асадніцтва, прыходзіла да заняпаду ўкраінская культура. Ён абвінаваціў польскі ўрад у тым, што ён у перадаенныя гады «дапамог Гітлеру ў яго мярзотнай антысавецкай гульні» і не падрыхтаваў краіну да абароны. Калі польскі ўрад «збег, кінуў краіну на волю лёсу, савецкі ўрад не мог заставацца пабочным наглядальнікам, і Чырвоная Армія ўступіла на тэрыторыю Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі і «вызваліла сваіх аднакроўных братоў – украінцаў і беларусаў» [15, с. 30–31, 32]. Тэзіс аб крушэнні польскай дзяржавы гучыць і артыкуле А. Паўлава [16]. Ю. Дашкевіч у чарговы раз абгрунтоўвае паход Чырвонай Арміі ў Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну неабходнасцю вызваліць «аднакроўных братоў»

[17]. У рабоце «Заходняя Украіна» адзначаецца, што польска-германская вайна паказала «ўсю ўнутраную нетрываласць і гніласць штучна створанай ласкутнай дзяржавы панскай Польшчы». Польскія правячыя колы абвінавачваюцца ў тым, што менавіта яны ўцягнулі свой народ у вайну з Германіяй: «... натраўліваемая англа-французскімі імперыялістамі, Польшча пачала вайну з Германіяй» [11, с. 97, 99].

У канцы 1939 г. у «Гістарычным часопісе» быў апублікаваны артыкул А. Манусевіча «Гістарычныя перадумовы краху Польшчы». Артыкул быў напісаны ў рэчашчы тагачаснай савецкай знешняй палітыкі і накіраваны супраць Польшчы і дэмакратычных краін Заходняй Еўропы. «Банкруцтва» польскай дзяржавы аўтар названага артыкула звязваў з крахам Версальскай сістэмы міжнародных адносін у цэлым. Польшча характарызувалася як штучная і часовая дзяржава. Ён лічыў, што пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі Польшчы не абавязкова трэба было выкарыстоўваць права на аддзяленне. Польская дзяржава разглядалася ў артыкуле як буферная, а лозунг «Польшчы ад мора да мора» не столькі як польскі, колькі як антантаўскі. Да краху Польшчы прывялі ўнутраныя супярэчнасці, «авантурыстычная знешняя і ўнутраная палітыка» [18, с. 63, 69].

У часопісе «Веснік Акадэміі навук СССР» быў надрукаваны артыкул акадэміка І. Трайніна «Нацыянальнае вызваленне Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі». Названы аўтар падкрэсліваў, што з пачаткам у 1939 г. польска-германскай вайны дагаворы СССР з былым польскім урадам страцілі сваё значэнне. Пры гэтым адзначалася, што Польшча не выканалася сваіх абавязацельстваў у адносінах да беларусаў і ўкраінцаў, а развал Польшчы стварыў пагрозу для лёсу «брацкіх народаў», да чаго СССР не мог заставацца аб'якавым. Таму «Чырвоная Армія перайшла граніцу і ўзяла іх пад сваю абарону» [8, с. 188]. І. Трайнін фактычна паўтарае ноту савецкага ўрада ўраду Польшчы, у якой было сказана, што ў сувязі з распадам польскай дзяржавы «спынілі сваё дзеянне дагаворы, якія былі заключаныя паміж СССР і Польшчай» [19, с. 96]. Прыведзены вышэй аналіз работ савецкіх гісторыкаў паказвае, што пры характарыстыцы працэсу ўключэння тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ў склад савецкай дзяржавы яны кіраваліся канцэпцыяй гісторыі СССР, у аснове якой было палажэнне аб збіранні зямель вакол гістарычнай Расіі.

Такім чынам, савецкая гістарыяграфія ў 1939–1941 гг. не змагла сфармуляваць палажэнні, якія на грунце навуковай аб'ектыўнасці ахарактарызувалі б працэс уключэння Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ў склад СССР. Фактычна яна выконвала задачы, сфармуляваныя ў рамках дзяржаўнай гістарычнай палітыкі. Гэта

патрабавала канцэнтрацыі намаганняў на абгрунтаванні і апраўданні той палітыкі, якую праводзіў СССР пасля падпісання савецка-германскага дагавора аб ненападзенні. У прыватнасці, для савецкіх гісторыкаў было важна знайсці як у падзеях канца жніўня – восені 1939 г., так і далёкім гістарычным мінулым аргументы, якія паказалі б неабходнасць і апраўданасць уключэння тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ў склад СССР. Прычым пошук гэтых аргументаў вёўся ў рамках гістарычнай канцэпцыі, якая прыўзносіла гістарычную місію Расіі як збіральніцы зямель, на якіх затым была ўтворана савецкая шматнацыянальная саюзная дзяржава.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Пичета, В. Основные моменты развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. – М. – Л. : Гос. соц.-эконом. издат., 1940. – 136 с.

2. Лочмель, И. Ф. Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов / И. Ф. Лочмель. – М. – Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1940. – 163 с.

3. Мязга, М. М. Гісторыя савецка-польскіх адносін міжваеннага часу ў работах І. Ф. Лочмеля / М. М. Мязга // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Гомель, 30 верасня – 1 кастрычніка 2010 г. Рэд. калегія Р. Р. Лазько (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Гомель : УА “ГДУ ім. Ф. Скарыны”, 2010. – С. 287–290.

4. Случ, С. З. Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну / С. З. Случ // Славяноведение. – 1999. – № 6. – С. 32–43.

5. Абрамов, А. Западная Украина и Западная Беларусь / А. Абрамов, К. Венский. – Л. : Издат. Ленинградского городского совета депутатов, 1940. – 52 с.

6. Сяргеева, Г. Г. Гісторыя славянскіх народаў у працах беларускіх савецкіх даследчыкаў / Г. Г. Сяргеева, П. Ц. Петрыкаў, У. М. Міхнюк. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 36 с.

7. Даниленко, В. М. Ліквідацыя Польскай дзяржавы та встановлення радянскага рэжыму в Західній Украіні / В. П. Даниленко // Український історичний журнал. – 2006. – № 3. – С. 111–125.

8. Аксенова, Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения в 1930-е годы / Е. П. Аксенова. – М. : Институт славяноведения РАН, 2000. – 224 с.

9. Алаторцева, А. И. Журнал «Историк-марксист» 1926–1941 гг. / А. И. Алаторцева. – М. : «Наука», 1979. – 288 с.

10. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1940. – 96 с.

11. Західна Украіна: зборнік / Під рэдакцыю С. М. Белоусова і О. П. Оглобліна. – Київ : Выдавніцтва Акадэміі навук УРСР, 1940. – 138 с.

12. Дубровский, А. М. Историк и власть: историческая наука СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) / А.М. Дубровский. – Брянск : Издательство Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, 2005. – 800 с.

13. Пичета, В. Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Беларуси / В. Пичета // Историк-марксист. – 1939. – № 5–6 (75–76). – С. 67–68.

14. Мин, Д. Западная Украина / Д. Мин. – М. : Госполитиздат., 1939. – 48 с.

15. Петровський, М. І. Західна Украіна. Історична довідка / М. І. Петровський. – Київ : Українське державне видавництво, 1940. – 35 с.

16. Павлов, А. Крушение польского государства / А. Павлов // Партийное строительство. – 1939. – № 17–18. – С. 11–56.

17. Дашкевич, Ю. Единокровные братья / Ю. Дашкевич. – М. : Молодая гвардия, 1939. – 32 с.

18. Манусевич, А. Исторические предпосылки краха Польши / А. Манусевич // Исторический журнал. – 1939. – № 11. – С. 58–69.

19. Нота Правительства СССР, врученная послу Польши в СССР В. Гжибовскому 17 сентября 1939 г. // Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Издат. Политической литературы, 1977. – Т. 22, кн. 2. – С. 96.

УДК 341.43«1939»(438)(476)

Д. М. Толочко

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

ПАКТ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ БССР

В статье исследуется проблема восприятия населением БССР договора о ненападении между Германией и СССР. Автор приходит к выводу, что появление в советских средствах массовой информации известий о подписании

советско-германских соглашений вызвало у большинства населения Советской Беларуси определённую политическую дезорганизацию и даже недоверие к политике советского правительства.

Историческая память и опыт народа – важнейшие элементы общественной жизни. Лишь относительно недавно проблемы динамики общественных настроений советского народа оказались в центре внимания учёных. В полной мере это касается предвоенного периода, который изучен в основном с точки зрения политических и военных событий. Очень интересно, на наш взгляд, проследить общественно-политические настроения населения БССР относительно подписания советско-германского договора о ненападении 1939 г.

Советское общество, накануне Второй мировой войны, было обеспокоено событиями в Западной Европе. У населения СССР конца 30-х гг. XX века беспокойство обострялось настойчивым патриотическим воспитанием и хорошо отлаженной системой пропаганды, а также ощущением надвигающейся новой войны в Европе. Большинство людей с волнением прослушивало сводки, лекции, новости, читало статьи в газетах и журналах о происходящих за рубежом событиях, переживало за будущее своей страны. Как отмечает профессор Техасского университета, Ш. Фицпатрик, в 30-е гг. об угрозе войны ни на минуту не забывали ни простые люди, ни политические лидеры [1, с. 18].

С 1933 г. и до августа 1939 г. в умах населения доминировали антифашистские настроения. За предшествующие шесть лет советская пропаганда успела сформировать образ фашистской Германии главных врагов СССР, наиболее вероятным противником в войне в Европе. В обязательной для всеобщего изучения книге «История ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.) идеология и практика нацистского режима была заклеяна, а Германия характеризовалась как одна из агрессивных держав, развязавших новую мировую войну. Этот тезис был подтверждён на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г.

Главный печатный орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» имела огромный авторитет в стране. Именно «Правда» выражала официальную точку зрения партии по актуальным вопросам как внутренней, так и внешней политики СССР. Массовые тиражи газеты охватывали значительную часть населения Советского Союза, а в дальнейшем ее материалы перепечатывались другими печатными органами. В течение 1933–1938 гг. в материалах газеты происходит становление однозначно негативного образа Германии как страны,

национал-социалистические власти которой аккумулируют в себе тотальный разгул всех низменных инстинктов: от антисоветизма до антисемитизма и от государственного поощрения всевозможных асоциальных явлений, вроде проституции и гомосексуализма, до подчеркнута агрессивной внешнеполитической доктрины, направленной в первую очередь против СССР. Одновременно с этим присутствует строгое разграничение между нацизмом, представляющим интересы реакционной части монополистического капитализма, с одной стороны, а с другой – трудовыми массами немецкого народа, ведущими во главе с коммунистами борьбу против фашизма. Эти «две Германии» прямо противостоят друг другу и слабо соприкасаются, что вполне укладывается в рамки устоявшихся доктрин пролетарской солидарности и интернационализма. Симптоматично, что наиболее популярными темами при освещении Германии являются деятельность немецких коммунистов и рост антифашистского движения, внешняя и внутренняя политика нацистов [2, с. 78].

В качестве подтверждения тезиса о формировании образа Германии как врага СССР представим выдержки из СМИ за январь–май 1939 год. Передовица «Правды»: «Костры войны, пылающие в Испании и Китае, грозят превратиться в невиданное пожарище, раздуваемое фашистскими *поджигателями и угрожающее мирному труду советского народа. Наш народ, руководимый партией Ленина-Сталина, беспощаден к своим врагам, он безжалостно громит агентуру фашизма, засылаемую в наши тылы, и он разгромит любого врага, если тот посмеет ринуться на нашу землю*». Передовица «Комсомольской Правды»: «Советские воины клянутся сегодня великому Сталину сокрушить, уничтожить, стереть в порошок фашистские полчища, если они осмелятся поднять руку на советскую родину. И пусть это слово великой клятвы пронесется сегодня над всем миром, приводя в трепет врагов социализма, пусть звучит это слово победным гимном героической армии советского народа». Стоит также отметить, что в той же «Правде» ежедневно печатались сводки боевых действий, заметки, интервью, ознакомлявшие население с событиями в Испании и Китае. Милитаризации мышления подвергались и дети. Как пример, статьи из «Пионерской Правды» с красноречивым названиями: «Эти дети поймали шпиона», «Испанский народ не покорится фашистам», «Язык фашистских захватчиков» [3].

Художественные фильмы рассматриваемого периода также имели большое значение для проведения пропаганды среди советских

граждан и насаждения образа Германии как врага СССР. Сюжетная линия кинокартин определялась антагонизмом «наши» – «враги». Киноискусство формировало дуальность мировосприятия советского человека.

Из исторических кинолент принципам национального сознания в наибольшей степени отвечал фильм «Александр Невский» (1938г.). В нем были обозначены в исторической ретроспективе все геополитические противники Советского Союза на Западе и на Востоке. С первых же кадров фильма проводилась мысль, что восточная угроза вторична по степени опасности для Руси по сравнению с агрессией Запада. Это соответствовало и логике текущего политического момента, когда германская опасность расценивалась как более серьезная, чем японская. В уста Александра Невского вложили слова, из которых следовало, что, победив противника на Западе, Русь начнет борьбу с врагами на Востоке.

16 мая 1935 г. Шумяцкий (Шумяцкий Борис Захарович, председатель Государственного управления кинофото-промышленности – Е.Ш.) обсуждал со Сталиным вопрос о создании нескольких агитационных художественных фильмов, которые могли бы быть запущены в прокат в случае военной мобилизации против основных предполагаемых противников – Японии, Германии и Польши (обращает на себя внимание последовательность этих врагов). Предлагалось создание особого кинематографического «мобзапаса».

Антифашистский вектор советского киноискусства получил особо акцентированное выражение в кинопродукции 1938 г., когда были сданы в прокат картины «Борцы» (снятая по материалам Лейпцигского процесса о поджоге Рейхстага), «Профессор Мамлок», «Семья Оппенгейм» и др. Фашистская государственность посредством эзоповского языка высмеивалась режиссером Я. Протазановым в фильме «Марионетки» (1934). Его сюжетная линия – захват высшей власти в вымышленной стране «Буферии» неким проходимцем. Германофобия как фактор массового сознания советского человека учитывалась даже при создании кинокартины «Кутузов», посвященной, казалось бы, борьбе с французами, а не немцами. Поручая Большакову создать художественный фильм о Кутузове, Сталин подчеркивал, что его композиционным стержнем должна стать борьба с немецким засильем в русской армии. Немцы, говорил он Большакову, получили преобладающее влияние при царском дворе со времен Екатерины II (что свидетельствует о туманных исторических

представлениях Сталина). Но огромные усилия, вложенные в постановку «Кутузова», себя не оправдали [4, с. 23].

Неудивительно, что пакт произвел на советских людей особое впечатление. Большая часть населения БССР восприняла подписание договора с тревогой. Люди были уверены, что Германия этим «усыпляет» бдительность СССР, чтобы затем нанести удар. Приведем характерные высказывания, которые фиксировали органы НКВД БССР. «Заключение договора между Советским Союзом и Германией ничто иное как маневр со стороны Германии. Она захватит Польшу и прибалтийские страны, а впоследствии Германия нарушит договор и нападет на Советский Союз», – заявил в приватном разговоре житель Мозыря. Житель Турова некий Гинсбург говорил: «Действия Германии есть заранее обдуманый план, сговор с другими странами. Договор с нами Германия заключает с целью обмануть нас. Договор Германия заключила с согласия других капиталистических стран, их противоречие – общая сговорка». «Германия заключила договор с Советским Союзом, чтобы отвлечь внимание Советской власти и заставить нас врасплох. Германия объединит польскую армию и без остановки грянет на Советский Союз», – отметил житель Мозыря. На седьмой день германо-польской войны Клоткевич (г. Мозырь) говорил: «Мои слова о том, что Германия обманет Советский Союз скоро сбудутся, воюющие державы объединятся и все нападут на СССР». Можно привести и другие примеры [5, л. 14–16].

Некоторые видели в договоре наоборот отсрочку войны. «Перед этим (нападением Германии на Польшу – Д. Т.) был договор с Германией о ненападении, который не вызвал каких-либо сомнений и даже дал удовлетворение при мысли, что неизбежная война с фашизмом получила отсрочку», – заявил в приватном разговоре житель г. Мозырь М. Яковлев.

После заключения договора у некоторых возникли догадки об истинном его смысле. Радевич (г. Мозырь): «Как видно, при подписании договора о ненападении с Германией, было предусмотрено, что Германия не будет препятствовать Советскому Союзу, восстанавливать свои дореволюционные границы». Работники редакции газеты «Красная звезда» Черняк, Милецкий и Жуер сделали вывод, что пакт является выражением стремления советского руководства остаться в позиции третьего радующегося. Но то, что «Англия и Франция увиливают от войны, порождает мысль о том, что германо-советский пакт возможно ошибочен» [5, л. 14–16].

Следует отметить, что указанные настроения были характерны не только для БССР. Они фиксировались в целом в СССР. Яркое

описание настроений в провинции относительно договора можно найти в воспоминаниях В. Кравченко. «Этот пакт произвел впечатление метеора, который в ярком блеске возник на нашем горизонте, чтобы затем с внезапным шипением взорваться в умах и сердцах членов партии. Мы все были совершенно потрясены и обескуражены и никак не могли в это поверить... Нам все эти годы казалось несомненным, что единственным врагом нацистов был Советский Союз... Ведь как-никак, а нам год за годом внушали ненависть к нацистам. Мы ведь расстреляли ведущих военачальников, среди них и Тухачевского, потому что они, якобы, были связаны с гитлеровским рейхсвером. Большие процессы над изменниками, в результате которых были ликвидированы ближайшие соратники Ленина, оправдывались тем, что нацистская Германия и ее союзники по оси – Италия и Япония – вооружаются, чтобы воевать с нами... Подлость Гитлера почти так же свято принималась на веру в нашей стране, как и непогрешимость Сталина. Наши советские дети играли в фашистов-и-коммунистов, причем фашисты всегда носили немецкие имена и всегда их жестоко разбивали... В тирах мишенями часто служили силуэты в национал-социалистических коричневых рубашках с ярко блестящей на них свастикой... Только когда мы увидели кинохронику и газетные фотографии, на которых Сталин и Риббентроп улыбаясь пожимали друг другу руки, мы начали верить в невероятное. Свастика и серп и молот развевались рядом друг с другом на знаменах в Москве». Но потрясение сменилось недоумением и сдержанностью: «Не только на официальных собраниях, проходивших в различных парторганизациях, но и частным образом – дома и на работе – мы не говорили о новом повороте событий» [6, с. 122].

Появление в советских средствах массовой информации известий о подписании советско-германских соглашений вызвало у большинства населения Советской Беларуси определённую политическую дезорганизацию и даже недоверие к политике советского правительства. Это усложнило в дальнейшем подготовку в республике к проведению операции в Польше.

Список источников и литературы

1. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм: Социал. история Совет. России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – М : РОССПЭН, 2001. – 336 с.

2. Григорьева, О. И. Эволюция образа германии в советской пропаганде: контент-анализ материалов газеты «Правда» (январь 1933–июнь 1941 г.) / О. И. Григорьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 61. – С. 92–97.

3. Пионерская правда. – 1939. – 23 февраля (№ 7).

4. Неволин, Д. Если завтра в поход / Д. Неволин // Тюменские известия. – 2011. – № 181. – С. 17–24.

5. Государственный архив общественных объединений Гомельской области Ф. 702. – Оп. 1 – Д. 64. Спецсообщения и докладные записки обкому КП(б)Б от областного управления НКВД УРКМ БССР и облпрокуратуры.

6. Леонгард, В. Шок от пакта между Гитлером и Сталиным: Воспоминания современников из СССР, Зап. Европы и США / В. Леонгард. – М. : Б. и, 1998. – 295 с.

УДК 94:314.151-054.73(476)«1939»

Д. М. Толочко

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

БЕЖЕНЦЫ ИЗ ПОЛЬШИ В БССР В СЕНТЯБРЕ 1939 ГОДА: «ДВА МИРА – ДВА ОБРАЗА ЖИЗНИ»

В статье исследуется проблема беженцев из Польши в БССР. Автор приходит к выводу, что многие из них, прежде симпатизировавшие Советскому Союзу, были разочарованы несоответствием между образом счастливой советской жизни, созданным пропагандой, и действительным положением вещей.

В сентябре 1939 г. произошло судьбоносное событие в истории белорусского народа – его объединение в едином государстве. Последнее, в свою очередь оказалось лишь фрагментом огромного комплекса сложных и драматических событий, связанных с началом Второй мировой войны. Среди этих событий и драма беженцев из Польши, хлынувших на восток в сентябре 1939 г. и оказавшихся на территории Советской Беларуси. Накануне Великой Отечественной войны эти люди оказали значительное влияние на формирование здесь социально-политической и социально-экономической ситуации.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев двинулись из центральных и западных районов Польши на восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. И хотя после ввода советских войск на территорию Польши 17 сентября 1939 года значительная часть потока повернула в Румынию и Литву, мощный приток беженцев в Западную Беларусь и Западную Украину привел к значительному увеличению численности населения в этих регионах.

В сентябре 1939 г. войска Красной Армии, как правило, не препятствовали переходу беженцев на советскую сторону. Можно полагать, что военное командование Красной Армии просто не имело инструкций на этот счёт. Ситуация коренным образом изменилась в октябре 1939 г. 1 октября 1939 г. части Красной Армии получили приказ, в котором предусматривалось «не пропускать беженцев с Запада» [1, с. 364]. Более того, беженцы с германской стороны стали квалифицироваться как нарушители границы, и советские пограничные части стали задерживать этих людей. Большинство нарушителей границы были осуждены Особым совещанием на 3 года заключения. Несмотря на это, беженцы продолжали, хотя и в меньшем количестве, нелегально прибывать на территорию Западной Беларуси вплоть до конца года. Это объяснялось тем, что на протяжении сентября-декабря 1939 г. перейти советско-германскую границу особой сложности не представляло. Только в конце февраля 1940 г. в специальной телеграмме на имя И. фон Риббентропа и В. М. Молотова руководители немецкой и советской делегаций по проблеме советско-германской границы сообщили об окончании процесса её демаркации [2, с. 62].

Сведения об общей численности беженцев, оказавшихся к декабрю 1939 г. на территории Западной Беларуси, противоречивы. Существующие в белорусской и зарубежной историографии суммарные оценки разнятся от 70 до 130 тысяч человек. По нашим подсчётам к концу 1939 г. в западные области Беларуси прибыло порядка 125–126 тыс. беженцев из Польши [3, с. 23].

подавляющее большинство из них составляли представители еврейской национальности. Следующую наиболее значительную национальную группу беженцев составляли поляки. Уже в начале сентября 1939 г. Правительство Польши начало проводить массовую эвакуацию гражданского населения на восток страны. Следует отметить, что отдельные беженцы-поляки сознательно скрывали свою национальность. Они хорошо понимали, что документальное

свидетельство польского происхождения ничего другого, кроме проблем и опасности для жизни, принести не может.

Кроме того, беженцы нередко пытались скрыть свою социальную принадлежность. В тех условиях это не составляло большого труда, так как большинство беженцев не имели никаких документов вообще. В первую очередь, утаить свою социальную принадлежность стремились бывшие польские служащие, крупные предприниматели и др. [4, л. 14].

Вопрос о размещении и устройстве беженцев первоначально находился исключительно в ведении администрации новых областей Западной Беларуси. Руководство БССР вовсе не придавало этим вопросам должного значения. Так, 4 октября 1939 г. во время совещания руководства республики с председателями временных управлений Западной Беларуси секретарь ЦК Компартии Беларуси Пантелеймон Пономаренко указал, что беженцы будут сами «рассасываться по Западной Беларуси...» [5, л. 19].

Однако местные власти не могли оставить без внимания столь большие группы людей. Для решения вопроса с беженцами в городах и областных центрах Западной Беларуси были созданы специальные местные комиссии, которые, однако, не имели ни сил, ни средств для решения проблемы. Сложность ситуации создала как местная гражданская администрация, так и командование воинских частей, которые дислоцировались в Западной Беларуси. Они неоднократно пытались воздействовать на республиканское руководство, для того чтобы переместить часть беженцев за пределы перенаселенной Западной Беларуси.

Наконец, 14 октября 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б приняло решение обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой разместить на территории восточных областей Беларуси 20 тысяч беженцев.

Заручившись поддержкой Центра белорусские власти создали специальную комиссию под председательством Горина, которая должна была организовать общий учет беженцев, проследить за перемещением части из них в восточные области республики, за их расселением и трудоустройством. Однако, несмотря на принятые меры, руководство восточных областей БССР (особенно Витебской, Гомельской и Могилевской областей) не спешило приступить к реализации этих программ и в эти регионы беженцы, во всяком случае, в официальном порядке, вовсе не переезжали.

Такое игнорирование решений руководства вызвало недовольство белорусского ЦК партии, указавшего в специальном постановлении 25 октября 1939 г., что «в результате политической и

бюрократической беспечности, председатель по размещению беженцев в БССР т. Горин не выполнил указание ЦК КП(б)Б о немедленном развертывании работ по отбору, размещению, перевозке, оказании помощи беженцам, находящимся на территории Западной Беларуси...». ЦК КП(б)Б не только пригрозил членам комиссии наказанием, в случае, если ситуация с переселением и размещением беженцев не изменится в ближайшее время к лучшему, но обязал руководителей всех восточных областей БССР создать собственные специальные комиссии по приему и трудоустройству беженцев [6, л. 87].

Результаты постановлений не замедлили сказаться. Уже 27 октября 1939 г. в города восточных областей Беларуси прибыли первые 2,722 человека.

Несмотря на усилия комиссии, на местах постоянно возникали трудности, связанные как с нежеланием местной бюрократии принимать беженцев или помогать им, так и с несогласованностью действий различных ведомств и организаций [7, л. 273–274].

Нередко действительные организационные трудности с обеспечением беженцев самым необходимым сочетались с заурядным равнодушием. Так, директор Мингорпищеторга Альперович мер для полного обеспечения ларьков для беженцев продуктами не принял, и жалобы беженцев на отсутствие мяса, картофеля и других продуктов питания считал не существенными. В Гомельской области были случаи, когда беженцам выдавались недоброкачественные продукты питания (гнилой картофель, вместо гороха выдавался семенной материал) и др [8, л. 321].

К 14 ноября 1939 г. вывоз беженцев из Западной Беларуси был прекращен, правительственная комиссия распущена, уполномоченные в городах были отозваны. Для дальнейшего отслеживания ситуации с беженцами в восточных областях в республике Совнаркомом БССР была создана специальная группа.

Несмотря на все бюрократические трудности, по сведениям властей к февралю 1940 года прибыло в восточные области Беларуси 22,471 взрослых беженцев. Трудоустройство беженцев в восточных областях БССР, было затруднено из-за полного несовпадения интересов беженцев и потребностей местной администрации в трудовой силе.

Трудности устройства беженцев и снабжение их продовольствием, одеждой и другими самыми необходимыми предметами, особенно многодетных семей возникали как из-за острой нехватки средств, так и из-за использования их не по назначению.

Например, в Домановичском р-не Полесской области около половины всех отпущенных средств были использованы на подарки и другие цели, в то время как дети некоторых беженцев остались без обуви, одежды и не могли посещать школу [9, л. 29].

Жалобы беженцев на плохие условия зачастую просто игнорировались. Так на возмущение по поводу плохого питания заведующий учебной частью по подготовке механизаторских кадров Полесской области ответил: «Если вам плохо, уезжайте домой». В другом случае беженец-рабочий, пожаловавшись директору Мозырской ГЭС на невыплату заработной платы в течение 1,5 месяцев, из-за чего не было даже денег на пропитание, услышал: «А для чего вам кушать, можно и без этого обойтись» [8, л. 321].

Руководство областей и районов БССР пыталось решить проблему беженцев путем отправки их из областных центров в районные, оттуда в сельскую местность для трудоустройства в колхозах. Однако большинство прибывших никогда ранее сельским хозяйством не занимались. Нередко беженцы категорически отказывались от такой работы [10, л. 13].

Иногда местные руководители, не имея возможности трудоустроить беженцев в своем районе или области, а возможно и не желая этим заниматься, переправляли их в Минск. В иных случаях местные власти в восточных областях Беларуси с пренебрежением относились к беженцам, угрожали им наказанием, если те отказывались идти на предложенные им места работы. Однако такое отношение к беженцам рассматривалось белорусским руководством как «приемы грубого административного запугивания...». Это вполне сочеталось с подозрительностью к значительной части беженцев [8, л. 9].

Со своей стороны НКВД рассматривал многих беженцев как «социально чуждую» прослойку, состоящую из торговцев, предпринимателей, бывших чиновников польских учреждений, которые не хотят заниматься физическим трудом, ведут разложенческую работу среди беженцев, организуют саботаж производства.

Одной из причин этой подозрительности была убежденность органов, что вместе с беженцами на советские территории проникло большое число германских шпионов. Такие люди, на которых пало подозрение, либо арестовывались НКВД либо «брались в оперативную разработку». Так, например, в связях с немецкой разведкой был заподозрен бывший житель Варшавы Вайсберг, устроившийся на должность преподавателя в минский институт физкультуры. Ему инкриминировалось, что во время занятия немцами

Варшавы он доставал для немецких офицеров топографические карты [11, л. 100–107].

Часть устремившихся на советские территории польских беженцев, особенно левой ориентации, верила в тот счастливый образ жизни, о котором столько твердила советская пропаганда. Советская пропаганда и позже старалась преподнести впечатления беженцев о жизни в СССР в самых радужных тонах. В Бобруйской газете «Комуніст» было опубликовано письмо беженца И. Вайнарта, в котором он выражал свою радость от приезда в СССР: «...Несколько дней тому назад я приехал в город Бобруйск, где поступил на работу в швейную артель «Прогресс». Сюда поступили еще два моих товарища... Нас радостно встретили, и сразу же мы ощутили себя, как в родной семье. Нам оказывают всяческую помощь, учат работать, обеспечили квартирами...» [12].

Однако по мере знакомства с реалиями жизни в СССР все более возрастало удивление и разочарование беженцев. Большинство из этих людей никак не могли понять, почему, вопреки советской пропаганде о радостной и счастливой жизни в СССР, в советских магазинах нет самого необходимого, почему в стране такая низкая заработная плата, почему ответственные работники относятся к ним с подозрительностью, называя «иностранными специалистами»?

Недовольство жизнью в Советском Союзе росло и уже в начале декабря 1939 г. НКВД фиксировало среди беженцев в Брестской области, высказывания: «Встречали нас здесь хорошо, но сейчас становится плохо»; «Здесь в Советском Союзе все дорого, а у нас в Польше было достаточно разной мануфактуры и продуктов. У вас в клубе очень грязно, а у нас в клубе было чисто и красиво»; «У нас в Польше можно было купить за 2 злотых брюки, а в Советском Союзе я должен ходить в рваных брюках и купить негде»; «Я не привык к такой грязной работе, я в Варшаве работал на заводе, на чистой работе – заготовщиком, а здесь – что это за работа»; «Мы не думали, что здесь так живут, хорошо живет тот, кто имеет блат» и т. д. [13, л. 282–283].

Первоначально многие беженцы все проблемы по их приему и трудоустройству, плохим обеспечением питанием и самым необходимым связывали с нерадивостью и нерасторопностью местных начальников. Однако постепенно они начинали сознавать, что это часть общей картины жизни населения в Советском Союзе [14, л. 275]. Ощущали они и повышенную к ним подозрительность со стороны властей и местной администрации.

Временами недовольство беженцев своим положением и жизнью в СССР принимало резкие формы, что расценивалось НКВД, как «контрреволюционные взгляды по отношению к советской власти» [11, л. 292].

В марте–июле 1940 г., согласно материалам НКВД, высказывания среди беженцев становятся более резкими, некоторые из них уже открыто заявляют о своем нежелании работать на низкооплачиваемых работах, например, в колхозах. Кроме того, часть беженцев устремилась назад в Западную Беларусь, либо старались в стихийном порядке перебраться в другие места, устроиться на другие работы, что многим удалось. К 7 февраля 1940 г. около 4308 беженцев из Восточных областей Беларуси исчезли с мест их «приписки», часть бежала в Западную Беларусь, на Украину, другие – в остальные регионы Советского Союза, часть через Западную Беларусь опять в Польшу, оккупированную Германией. Более 90% бежавших с мест, в которые они были направлены, были евреи; по специальности большинство из сбежавших были рабочими, кустарями, людьми, не имевшими определенной квалификации [11, л. 273].

В заключении хотелось бы отметить следующее. К концу 1939 г. в западные области Беларуси прибыло порядка 125–126 тыс. беженцев из Польши. Подавляющее большинство из них составляли представители еврейской и, в меньшей степени, польской и др. национальностей. В течение второй половины октября 1939 г. – начала ноября 1939 г. в восточные области республики было направлено 23 602 беженца. В восточных областях Беларуси советские власти пытались абсорбировать польских беженцев, готовых принять советские нормы. Власти позволили беженцам работать в тех же местах, что и остальное население, не делая попыток отделить их в отдельную группу. К вопросам их трудоустройства они подходили прагматично, посылая их на работы, где требовались рабочие руки, не считаясь с их квалификацией или профессиональным опытом. Органы безопасности со своей стороны вычленяли среди беженцев наиболее активно высказывавших свое недовольство или делавших сравнение между польским прошлым и советским настоящим не в пользу последнего. Однако в этом плане ситуация не многим отличалась от отношения к советским гражданам, взгляды и суждения которых постоянно отслеживались властями. Вживание многих беженцев в советские условия проходило довольно мучительно. Многие из них, прежде симпатизировавшие Советскому Союзу, были разочарованы несоответствием между образом счастливой советской жизни, созданным пропагандой, и действительным положением вещей. У некоторых недовольство было настолько велико, что они готовы были вернуться на оккупированную нацистами территорию Польши,

полагая, что хуже чем в СССР быть уже не может, и действительно части из них удалось это сделать.

Список источников и литературы

1. Głowacki, A. Sowietci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej Polskiej 1939–1941 / A. Głowacki. – Wyd II. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1998. – 695 s.
2. Азриэли, Д. На шаг впереди. Мемуары: 1939–1950 / Д. Азриэли. – Иерусалим : Яд Вашем, 2002. – 175 с.
3. Толочко, Д.М. Количество и состав беженцев из Польши на территории Беларуси (сентябрь – декабрь 1939 г.) / Д.М. Толочко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2006. – №2. – С. 21–27.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). Ф.4. – Оп. 41. – Д. 195.
5. Там же. – Оп. 21. – Д. 1748.
6. Там же. – Оп. 3. – Д. 869.
7. Там же. – Оп. 21. – Д. 1681.
8. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее: ГАОО Гом.обл.). Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 128.
9. Лазько, Р.Р. Паход Чырвонай Арміі на Захад у верасні 1939 г.: погляд з Усходу / Р.Р. Лазько // Беларускі гістарычны сшытак. – Беласток, 2000. – № 13. – С. 21–32.
10. НАРБ. Ф.4. – Оп. 41. – Д. 177.
11. Там же. – Оп. 21. – Д. 2075.
12. Комуніст. – 1939. – 6–7 лістапада.
13. ГАОО Гом.обл. Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 64.
14. НАРБ. Ф.4. – Оп. 21. – Д. 1682.

УДК 94(438)''1939'' :316.64(=161.3)

А. М. Кротов

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

ВОСПРИЯТИЕ БЕЛОРУСАМИ ТРАГЕДИИ ПОЛЬСКОГО НАРОДА И ПОЛЬШИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА

В статье анализируется восприятие белорусами трагедии, произошедшей

с Польшей и польским народом в сентябре 1939 г. Делается вывод, что советская пропаганда сделала многое для того, чтобы актуализировать негативный стереотип поляка, являющийся частью национального восприятия белорусов, и осовременить его. Сформированный ею образ врага во многом не позволил белорусам адекватно оценить трагедию, постигшую Польшу и польский народ, проявить к беженцам из Польши необходимое соучастие и чуткость.

Советско-польские отношения в межвоенный период были очень непростыми. Помимо ставшего уже историческим противостояния между Польшей и Россией, в нём присутствовала и новая идеологическая составляющая. Польша, которая уже несколько веков являлась «защитницей западной цивилизации» от азиатской Московии, брала на себя миссию защиты демократического Запада от большевистской России. С советской же стороны Польша рассматривалась как несамостоятельное, нежизнеспособное государство, используемое мировой буржуазией в её инспирациях против СССР. Захват Польшей Западной Беларуси и Западной Украины ставил советско-польские отношения на очень зыбкую основу. Было очевидно, что при удобном стечении обстоятельств СССР попытается эти территории вернуть.

Советская пропаганда и, прежде всего, – белорусская советская пропаганда – делала многое для того, чтобы создать образ поляка-националиста, шовиниста, контрреволюционера, слепо служившего интересам мирового империализма. Этот образ строился на основе негативного стереотипа поляка, существовавшего на обыденном уровне массового сознания белорусов, придав ему необходимую в тот исторический период политическую остроту.

17 сентября 1939 г. СССР вступил во Вторую мировую войну. Формальным основанием для этого стала забота о том, чтобы брошенные «на произвол судьбы» белорусы и украинцы не оказались беззащитными в условиях краха польского государства. Хотя действия СССР и были мотивированы благородной целью, они являлись нарушением международного права и соглашений, подписанных правительствами СССР и Польши: Рижского мирного договора 1921 г., договора о ненападении 1932 г. (продлённого в 1934 г.), а также лондонских конвенций 1933 г. об определении агрессора, которые признавали в качестве такового государство, вооружённые силы которого хотя бы и без объявления войны вторгнутся на территорию другого государства [1].

18 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике, в котором говорилось, что действия двух государств не

противоречат «духу и букве пакта о ненападении» и что их задача состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие... и помочь населению... перестроить условия своего государственного существования» [2, с. 317–318]. Это означало, что Германия и СССР обязывались сотрудничать в решении «польского вопроса». 28 сентября 1939 г. СССР и Германия заключили между собой договор «О дружбе и границе» [3], который был грубейшим нарушением важнейших принципов внешней политики, и который вызвал резкое осуждение со стороны мировой общественности его участников как агрессоров.

И хотя во Вторую мировую войну СССР вступил как союзник Германии, 22 июня 1941 г. ситуация коренным образом изменилась в связи нападением Германии на СССР. Последний превратился из агрессора в жертву захватнической политики своего недавнего партнёра. Несправедливая вначале война превратилась в войну справедливую, за свободу и независимость народов СССР, за само их существование. Что же касается оценки действий СССР в сентябре 1939 г. белорусской стороной – ни в советское, ни в постсоветское время никто не сомневался, что “освободительный поход Красной Армии” имел огромное положительное значение для белорусского и украинского народов, позволив, в частности (кто бы и что бы сегодня не заявлял), воссоединить белорусский народ в границах его национальных территорий, и дать возможность белорусам самим строить своё национальное и государственное будущее.

Белорусы (советские и те, кто в результате воссоединения стал советскими), конечно же, не очень разбирались в хитросплетениях тогдашней международной политики. Находясь под влиянием коммунистической пропаганды, они целиком верили коммунистической партии и советскому правительству. А те, кто не верил, считали за лучшее молчать, ибо, как известно, сомневаться в правильности внешнеполитического курса СССР, как и многого другого, было небезопасно для жизни.

Население Советской Беларуси встретило известие о начале похода за освобождение Западной Беларуси и Западной Украины с большим воодушевлением. Часть белорусского населения Западной Беларуси также приветствовала Красную Армию, связывая с её действиями надежды на освобождение от национального угнетения. Отношение польского населения было враждебным и для этого были свои серьёзные причины. Во-первых, на протяжении многих поколений польский народ вёл борьбу против российского господства и принёс на алтарь победы многочисленные жертвы. Во-вторых, навый раздел Польши её прежними поработителями окончательно

убеждал поляков в справедливости польско-германской и польско-русской вражды.

Однако нельзя не отметить, что в ряде случаев, когда польские военные попадали в ситуацию выбора и вынуждены были решать, перед каким из своих противников сложить оружие, они выбирали Красную Армию. Например, командующий обороной осаждённого немцами Львова генерал Лянгнер посчитал за лучшее сдать город советскому командованию. Он заявил: «Они, германцы, враги всего славянского, а вы – славяне» [2, с. 318]. Между тем, советское командование и не думало выполнять условия капитуляции – оно не разрешило польским подразделениям свободный проход через территорию, занятую советскими войсками, в сторону Венгрии и Румынии. После выхода из Львова солдаты и офицеры Львовского гарнизона были отправлены в лагеря для военнопленных.

Таким образом, практика войны подтвердила самые худшие ожидания поляков. Вступив первыми в бой с германским фашизмом, они не получили со стороны соседних восточнославянских народов ни сочувствия, ни поддержки. Даже наоборот – военное поражение Польши и крах польского государства воспринимались на востоке с радостью и воодушевлением, как исторически предрешённая кара поляков за великодержавный шовинизм, угнетение национальных меньшинств и пренебрежение к ним.

Как уже было сказано, со времени советско-польской войны 1920 г. в Советской Беларуси создавался образ Польши – заклятого врага советской власти и отравленного ксенофобией польского народа. Что же касается белорусов «кресов восточных», то у них и без советской пропаганды были все возможности для того, чтобы прочувствовать это. «Хозяева кресов» не ставили перед собой задачи уважать и защищать права коренного населения и, более того, сознательно нарушали их на каждом шагу.

В результате, в середине сентября 1939 г., в этот тяжкий для Польши и польского народа час, на «кресах» началась борьба с польским элементом. Местные белорусы сводили с ним кровавые счёты. В первую очередь это касалось польских землевладельцев, государственных служащих, полицейских и военных.

В то же время население Советской Беларуси находилось как бы в стороне, в роли наблюдателей военной акции, направленной на объединение белорусских земель под эгидой БССР и на наказание поляков. В том, что они давно заслужили это наказание, почти никто не сомневался – усилия большевистской пропаганды по созданию образа врага, смыслом существования которого будто бы было уничтожение советской власти и СССР достигли своей цели.

Для объективности необходимо отметить, что поляки действительно не были лояльным к советской системе элементом. В частности, даже бывший польский разведчик, майор Влодзимеж Дамбровский, признавал, что в 1925 – 1929 гг. по приказу шефа отдела разведки (2-й отдел Генерального штаба Войска Польского), во многих городах Беларуси создавались диверсионные ячейки, и опирались они в своей деятельности исключительно на польский элемент. Дамбровский также свидетельствует, что большинство командиров таких ячеек прошло в Польше диверсионную подготовку [4].

С 1929 г. по середину 1930-х гг. по целому ряду причин польская разведка вынуждена была прекратить свою активность на востоке и как раз в это время польский элемент здесь попал под жёсткий прес советской контразведки. Многие поляки, отказывались от своей национальной принадлежности, записывались белорусами, хорошо понимая, что документальное засвидетельствование польского происхождения ничего иного, кроме проблем и риска для жизни не даст.

Одним словом, в Беларуси складывалась такая ситуация, что поляки не считали возможным для себя искать здесь спасения от гитлеровцев, боясь попасть “из огня да в полымя”. Они находились под эмоциональным воздействием тех самосудов, убийств и ограблений, которые происходили в сентябре 1939 г. в момент входа подразделений Красной Армии на “кресы”. Чаще всего эти преступления осуществлялись руками местных белорусов, которые стихийно объединялись в партизанские отряды. Однако же, советские военные власти не очень стремились их сдерживать. К тому же и сами военнослужащие, случалось, совершали преступления. Нередкими были случаи, когда дела доходили до суда и даже выносились суровые приговоры. Всё ж таки, несмотря на желание советской власти казаться справедливой, само её появление на “кресах” большинством поляков воспринималось как вызов и возбуждало желание отомстить. Люди, которые находились в таком психологическом состоянии, не могли, да и просто не желали связываться с СССР надежды на своё спасение.

Однако же это не касалось граждан Польши еврейского происхождения. Евреи составляли большинство беженцев, которые оказались на территории Западной Беларуси во время военных действий. Связано это было, во-первых, с тем, что евреи не занимались сельским хозяйством, и потому легко ступали на путь беженства. Во-вторых, brutality немецких войск заставляла их быстро, не колеблясь, принимать решение о спасении на востоке. Между тем, не лишним будет сказать, что потом, когда беженцы

убедились, что ситуация тут не являлась настолько хорошей, как им бы того хотелось, начались рассуждения о возвращении под немецкую оккупацию.

Советские власти стали перед проблемой, что с этими беженцами делать. Они, по причине своей квалификации (и не только), не очень стремились к работе в колхозах и совхозах. Большую группу еврейских беженцев составляли люди интеллигентных профессий. Беженцы концентрировались в больших городах, в которых и так пролетариат жил в большой нужде, и потому был скуп на сочувствие и благотворительность.

Безработица вынуждала беженцев заниматься незаконной деятельностью – спекуляцией, контрабандной торговлей золотом и валютой, попрошайничеством. Кроме того, прибытие беженцев имело негативное влияние и на без того фатальное состояние помещений, которые они занимали, угрожавшее взрывом эпидемии. Нельзя также не отметить, что новые власти имели большие подозрения по поводу возможного шпионажа со стороны беженцев и даже подготовки ими диверсий. Никто не был в состоянии сверить данные, которые подавали беженцы, часто стремясь скрыть свои настоящие фамилии, статус и род занятий. Среди беженцев были и настоящие шпионы. Было также немало людей, которые жаловались на своё состояние, деморализуя тем самым остальное население. Одним словом, ситуация в городах Западной Беларуси складывалась взрывоопасная. Надо было что-то делать. Даже сами беженцы об этом просили.

Уже в октябре 1939 г. началось их переселение в Восточную Беларусь. То, что многих из них принуждали переселяться, даёт основание некоторым историкам называть эту переселенческую акцию “первой депортацией польских граждан” [5]. Она была координирована центральными властями в Москве. Все решения принимались в Кремле высшими партийными органами. Общее руководство осуществлялось Переселенческим управлением при СНК СССР, начальником которого с июня 1939 г. по апрель 1941 г. являлся Е.М. Чекменёв.

Беженцев направляли в колхозы, совхозы и в промышленность. В частности, 14 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило использовать 20 тысяч беженцев из центральных районов Польши (Варшавы, Лодзи, Сувалок, Прасныча, Седлец и др.), первоначально осевших в Белостоке, Бресте, Пинске, Гродно, Лиде, Барановичах, Слониме и Молодечно, при добыче и производстве торфа или на лесоразработках на территории БССР [5].

14 октября 1939 года, на заседании бюро ЦК КП(б)Б было

принято постановление создать специальную правительственную комиссию по размещению и трудоустройству беженцев на территории БССР. И такая комиссия была создана Постановлением Совнаркома БССР № 773 от 25 октября 1939 года [6]. Её главой был назначен И. Горин. Она должна была заниматься вопросами трудоустройства и размещения беженцев в целях «окончательного решения дела». В составе комиссии Горин стал ответственным за регистрацию и вывоз беженцев из Западной Беларуси, Иванов – ответственным за организацию необходимого транспорта, Решетников – ответственным за принятие и размещение беженцев на территории восточных областей БССР [5]. Комиссия утвердила количество тех, кто подлежал переселению – 44786 человек. Однако в результате сбора данных с восточных областей БССР выяснилось, что там были заинтересованы в 23000 беженцах, главным образом в крестьянах. В конце концов, было решено переселить 23693 человека. Выделялись деньги, необходимые на принятие и размещение этих беженцев. Одновременно было принято решение о создании областных комиссий, которые должны были заняться делом их принятия, размещения и трудоустройства [5].

Политика советских властей по отношению к еврейским беженцам носила во многом «импровизационный характер» [6]. Попытки советской власти поступить с беженцами так, как она уже привыкла поступать с советскими людьми, перевоспитать их и навязать работу, к которой они – портные, ремесленники, рабочие, торговцы – были совершенно не приучены, в целом не увенчались успехом. Часть из них отказывалась принять советское гражданство. Отношение к таким беженцам стало настороженным, их рассматривали как социально чуждый, дестабилизирующий элемент.

10 ноября 1939 г. постановлением СНК СССР № 1855/486 была создана комиссия под председательством Лаврентия Берии по вопросу учёта и трудового использования беженцев как рабочей силы, которой поручались также вопросы “обратной эвакуации” (то есть выдворения в Германию) неблагонадёжных или нетрудоспособных беженцев. Около 25000 отказались принять советское гражданство и решительно потребовали отправки в Палестину или западноевропейские страны: таких немедленно эвакуировали обратно, а часть была даже арестована. Судьба подготовила для этих беженцев новые испытания. Массовые депортации забросили многих из них вглубь СССР. Их правовой статус ничем не отличался от статуса тех поляков, которые юридически считались депортированными.

Другая часть беженцев приняла советское гражданство и даже

завербовалась на работы в центральных районах СССР, но большинство всё же попыталось осесть и закрепиться в Западной Беларуси [6].

Таким образом, осенью 1939 г. население Беларуси не осознавало того, какая беда подошла к её западной границе. Вера в демагогические заявления коммунистических лидеров об установлении дружественных отношений с фашистской Германией, о невозможности войны с нею, а также воспитываемая на протяжении всего межвоенного периода вражда к Польше и полякам, не позволили белорусам проявить чуткость к чужой беде, искренне доброе отношение к беженцам из Польши, необходимое им соучастие. Только в атмосфере безразличия к судьбе этих людей стали возможными насилия над ними, массовые депортации, физическое уничтожение. В таком расслабленном, совершенно демобилизованном состоянии белорусское общество встретило 22 июня 1941 г. Великую войну, ставшую для народов СССР Отечественной.

Список источников и литературы

1. Лондонские конвенции 1933 года, 3, 4, 5 июля (Вышинский, 1948) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/3497> – Дата доступа: 06.10.2019.
2. Краткая история Польши. С древнейших времён до наших дней. – М.: Наука, 1993. – 528 с.
3. Советско-германский договор о дружбе и границе. 28 сентября 1939 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/3210> – Дата доступа: 06.10.2019.
4. Kwiecień, M. Działalność prometejska i dywersja na Wschodzie (Relacja mjr. Włodzimierza Dąbrowskiego) / M. Kwiecień, G. Mazur // Zeszyty Historyczne, 2002. – Zeszyt 140. – S. 102–116.
5. Boćkowski, D. Masowe deportacje ludności polskiej z tak zwanej Zachodniej Białorusi jesienią 1939 roku / D. Boćkowski // Europa Nieprowincjalna / Praca zbiorowa pod redakcją K. Jasiewicza. – Warszawa; Instytut Studiów Politycznych PAN, 1999. – S. 983–992.
6. Полян, П. Недостающее звено в предыстории Холокоста [Электронный ресурс] / П. Полян. – Режим доступа: <https://jew-observer.com/stranicy-istorii/nedostayushhee-zveno-v-predystorii-holokosta-3/> – Дата доступа: 06.10.2019.

УДК 930(476):94:327((47+57)+430)"1941/1945"

С. Н. Рожкова

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ И НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье охарактеризована белорусская постсоветская историография советско-германских отношений накануне и начальном этапе Второй мировой войны. Автор попытается проследить развитие белорусской современной историографии, посвященной данной проблеме, установить ее важнейшие положения и выводы, определить их научную обоснованность.

Проблема изучения советско-германских отношений накануне Второй мировой войны является актуальной в постсоветский период белорусской историографии, о чем свидетельствует значительное число публикаций. В 1933 г. с приходом в Германии к власти Гитлера, было решено пересмотреть итоги первой мировой войны и возобновить движение на Восток.

В современной белорусской историографии значительный вклад в изучение советско-германских отношений внес Д. А. Мигун. Акцентируя внимание на международной обстановке накануне Второй мировой войны, автор отмечает, что со времени прихода Гитлера к власти в Германии, советское правительство настороженно относилось к фашистскому режиму. Д. А. Мигун отмечает, что СССР, заметив угрозу со стороны Германии пошел на переговоры с Англией и Францией о создании системы коллективной безопасности. После того, как переговоры о взаимопомощи в случае войны не принесли результатов, СССР пошел на сближение с Германией. С весны 1939 года началось потепление советско-германских отношений, так как оба государства не планировали начинать военные действия друг против друга. 23 августа 1939 года между Германией и СССР был подписан пакт о ненападении Молотова-Риббентропа и секретного протокола к нему, в котором разграничивались сферы влияния между двумя государствами. Согласно протоколу, Германия присоединяла земли от Везеля до Буга, а советская сторона – Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву. По договору о ненападении, отмечает Д. А. Мигун, СССР должен был соблюдать нейтралитет во время военной кампании Германии на Западе [1, с. 176–177].

М. Г. Жарков отмечает более широкий формат советско-германских договорных обязательств. Историк справедливо указывает, что согласно договору, Германия и Советская Россия обязались воздержаться от нападения друг на друга, не поддерживать третьи державы, если она нападет на одну из сторон, не участвовать в группировках держав, направленных против другой стороны, разрешать все споры между собой мирным путем. Автор считает, что это было успехом для миролюбивой политики СССР, поскольку являлось определенной гарантией, что Германия не нападет на советское государство. Следуя традициям белорусской советской историографии, исследователь акцентирует внимание на том, что ведущие западные державы делали все, чтобы направить агрессию Гитлера на Восток, против СССР, чтобы уничтожить советское государство и коммунистическое движение. М. Г. Жарков констатирует, что советско-германский договор расстроил планы западных держав о создании единого антисоветского фронта и дал дополнительное время для укрепления обороны страны [2, с.9].

В белорусской историографии традиционной трактовкой начала Второй мировой войны является показ агрессивных действий нацистской Германии, направленных на развязывание войны при одновременной политике умиротворения со стороны Запада и отказе от коллективной безопасности, предложенной Советской Россией.

А. М. Бабков определил основные причины нападения Германии на СССР. Он считает, что главной причиной немецкой агрессии против СССР была политика экспансии и захвата новых территорий на востоке, а политико-идеологическая борьба против большевизма была дополнительным обоснованием захватнических целей и средством достижения данных геополитических планов. Автор пишет: «Для Гитлера война с СССР была, прежде всего, войной за обширные территории с целью обеспечения экономической безопасности Германии и одновременно реализацией расового обновления». Исследователь резюмирует, что Гитлер, чтобы избежать продовольственного кризиса в стране, который связывал с недостаточностью территории Германии, решил захватить СССР. Специальное внимание А. М. Бабков уделяет основным концепциям завоевания советского государства, отмечая, что накануне Второй мировой войны в Германии существовали две основные концепции покорения СССР, которые объединяла общая цель – колонизация земель и порабощение народов СССР, но с различными методами ее достижения. Первая концепция, автором которой был А. Розенберг, предполагала расчленение СССР по национальному признаку и

создание под контролем «Третьего рейха» фиктивных образований в Украине, Беларуси, Прибалтике, на Кавказе, «которые рассматривались в качестве противовеса ослабленному русскому государству». Концепция Розенберга не была использована Гитлером, так как она не преследовала цель создания «великой восточной державы». Вторая концепция была направлена на более жесткие методы создания «великой восточной империи» на территории СССР, за которую выступали Гитлер, Гиммлер и Геринг, отмечает А. М. Бабков. Согласно этой концепции, предполагалось создание колоний на примыкающих к рейху территориях, в которых будут проживать носители высшей расы. До войны с СССР в Германии существование двух концепций не исключало наличие различных подходов относительно немецкой восточной политики. В июне 1941 года возникло еще две противоположных концепции немецкой политики на Востоке. Согласно первой концепции, Германия должна была уничтожить большевизм, после чего начнется эпоха строительства русского хозяйства и союза с возрождающейся национальной Россией. Согласно данному подходу, аграрная Россия и индустриальная Германия будут дополнять друг друга и противостоять капиталистическому Западу. По второй концепции, Германия способствовала отделению государственных образований от СССР и таким образом избавлял Германию от восточной угрозы [3, с.56–57].

В последние годы проблемы советско-германских отношений накануне Второй мировой войны через призму польского фактора изучают А. П. Сальков и В. Ф. Лодысев. Эти исследователи отметили, что советско-германский договор о ненападении был направлен против Польши, поэтому включение Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР трактуется учеными как «четвертый раздел Польши». Секретный протокол зафиксировал договоренность двух держав о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Исследователи акцентируют внимание на том, что до подписания пакта Молотова-Риббентропа и секретных протоколов к нему, между Польшей и Германией была договоренность по поводу присоединения к Польше части территории Чехословакии после захвата Германией Судетской области. То есть Польша сама заключила соглашения, направленные против суверенитета других государств. В начале военных действий руководство Германии ожидало от СССР военного выступления против Польши с целью занять свои территории. Москва дала понять Германии, что главным для советского руководства является не военные действия против польских войск, а возвращение

этнических территорий, населенными украинцами и белорусами. 16 сентября 1939 года части Красной Армии получили приказ об освободительном походе на Запад, чтобы оказать помощь белорусскому и украинскому населению в Польше. СССР принял меры по ликвидации польской государственности и жесткой и целенаправленной советизации [4, с. 4–5; 5, с. 215-216].

Современные белорусские историки значительное внимание уделили анализу конкретного содержания советско-германских отношений накануне войны. Д. А. Мигун констатирует, что осенью 1940 года советское руководство получило от Германии предложение «О пакте четырех держав», который предполагалось заключить сроком на 10 лет. Советское правительство соглашалось присоединиться к Тройственному пакту при условии немедленного вывода немецких войск из Финляндии, которая должна была перейти к СССР. Болгария на основе заключения договора о взаимопомощи СССР должна была стать советским сателлитом и предоставить СССР военно-морские базы для защиты проливов Босфор и Дарданеллы. Планировалось заставить Турцию предоставить базы СССР на ее территории. Район к югу от Батуми и Баку по направлению к Персидскому заливу должен быть признан сферой советских интересов. Таким образом, СССР планировал захватить арабские и иранские нефтяные промыслы. Япония должна была отказаться от добычи нефти на Северном Сахалине. Советское руководство предложило Германии зафиксировать эти предложения в пяти секретных протоколах. Гитлер не ответил на данные предложения советского правительства, а уже в декабре 1940 года он подписал директиву №21, которая подвела черту под советско-германскими отношениями [6, с.4–5]. Л. М. Хухлындина, изучая события Второй мировой войны, отмечает, что министр иностранных дел Риббентроп, считал оптимальным вариантом для Германии создать союз трех империй – Германии, СССР и Японии, для совместного раздела сфер влияния на огромных евразийско-африканских просторах, а также присоединение СССР к пакту Рим-Берлин-Токио. Противоположную позицию относительно СССР занимал Гитлер весной 1941 года, согласно которой он не мог рассчитывать на СССР, так как считал, что он присоединится к Англии и США и выступит против Германии. Согласно инструкции №21, известной как план “Барбароса” были зафиксированы некоторые тезисы, которые сводились к тому, что нужно разбить Россию и разделить ее на отдельные государства, с которыми Германия заключит мир [7, с.5–6].

Историк В. Е. Снапковский, в рамках изучения вопроса относительно планов Германии резюмирует, что Гитлер сообщил высшему военному руководству рейха о решении напасть на СССР 22 июля 1941 года. На территории СССР планировалось создать три государства по плану Гитлера (Украину, Беларусь и федерацию Прибалтийских республик) в режиме зависимости от Германии и отделения от Советской России – «буферы Третьего рейха». А Розенберг высказался за соединение Беларуси с прибалтийскими странами в одном рейхскомиссариате «Остланд». Автор пишет: «В меморандуме министерства Розенберга от 2 апреля 1941 года излагались принципы немецкой оккупационной политики на территории СССР. Меморандум выделял семь главных национальных или географических единиц СССР: а) Великороссия с Москвой в качестве центра, б) Белоруссия с главным городом Минском или Смоленском, в) Эстония, Латвия, Литва, г) Украина и Крым; центр – Киев, д) Донская область со столицей Ростовом, е) Кавказская область, ж) Русская Средняя Азия, или Русский Туркестан». Действуя против СССР, нацистская Германия планировала в первую очередь ослабить Великороссию, стержень России. После оккупации данной территории предполагалось передача значительных территорий в компетенцию вновь образуемых административных единиц, в том числе Беларуси, Украине и Донской области. В «Московитскую Россию» немецкое руководство собирались использовать для ссылки нежелательных элементов населения. После начала советско-германской войны вопрос о «свободных от Сталина республиках» был снят в Берлине с повестки дня. Гитлер рассчитывал на молниеносную войну с СССР и не видел необходимости сотрудничать с населением занятых территорий. В итоге от идеи создания административных единиц – Прибалтики, Беларуси и Украины в германском руководстве отказались и решили создать рейхскоммисариаты во главе с немецкими чиновниками. Это, по мнению В. Е. Снапковского, означало отказ Гитлера от идеи преобразования этих земель в вассальные территории и переход на позицию их полной колонизации [8, с. 81–82].

Современный белорусский историк В. К. Коршук отмечает, что подготовка военного немецкого плана нападения на СССР началась весной-летом 1940 года. Исследователь считает, что Германия планировала, захваченные территории Восточной Европы превратить в колонии. Ученый подчеркивает, что Гитлер планировал разделить территорию СССР на четыре части: Восточная страна, Москва, Украина, Кавказ. Конкретизируя эти планы, В. К. Коршук пишет, что

Германия хотела расселить на советской территории около 10 млн. немцев и использовать основную массу местного населения в качестве рабов. Таким образом, по мнению историка, речь шла о комплексной программе освоения и германизации «восточных просторов» и его экономических ресурсов. Население, которое проживало на восточных землях, должно было пройти сортировку. Наиболее пригодную в расовом отношении часть населения, намечалось онемечить, а «расово неполноценных» превратить в рабов или уничтожить. В плане «Восток» отражался процесс поэтапной колонизации и германизации, массового уничтожения народов Советского Союза и славянских стран. Первоначально планировалось выселить 31 млн. человек [9, с. 3-4]. В этой связи важными представляются замечания Д. А. Мигуна, который пишет, что Гитлер сформировал три основные причины захвата восточных земель, прежде всего СССР: «Во-первых, приобретение этих земель было важно с хозяйственно-экономической точки зрения. И вождь нацистов акцентировал внимание на важности обеспечения каждого немца на сто лет вперед достаточным количеством земли. Во-вторых, отношение Гитлера к СССР во многом основывалось на германских захватнических планах XIX века, которые на рубеже веков были систематизированы и обоснованы новой научной областью – геополитикой. В-третьих, отношение Гитлера к СССР далеко не в последнюю очередь сформировалось под влиянием расовой теории». Со второй половины 1940 г. немецкое руководство приступило к разработке плана войны против СССР [9, с. 5]. Планировалось максимально быстро разгромить СССР, чтобы Англия и США не успели прийти на помощь, акцентирует внимание Д. А. Мигун. Гитлер планировал аннексировать Украину, Советскую Беларусь, Прибалтику, а территорию Финляндии расширить до Белого моря. Наступление планировалось начинать в мае 1941, а к зиме завершить. С подписанием директивы №21 от 18 декабря 1940 года была завершена разработка плана войны Германии против СССР [10, с. 7].

Авторитетный белорусский исследователь А. М. Литвин резюмирует, что военные планы СССР разрабатывались в ответ на возрастание угрозы со стороны Германии и предусматривали отражение вражеского нападения, нанесение контрударов в ответ и затем переход в общее наступление для разгрома противника на его территории. В соответствии с этой стратегией армиям прикрытия ставилась задача в течение 10-15 дней обороняться на линии государственной границы, не допуская противника вглубь территории

и готовиться к переходу в наступление совместно с войсками второго стратегического эшелона [11, с. 4].

В последние годы историки Беларуси обратили внимание на такой важный факт, как экономические отношения советского государства и Германии накануне Второй мировой войны. И. А. Литвиновский и Ю. И. Литвиновская считают, что важнейшей задачей внешней политики СССР накануне войны было поддержание мирных отношений с Германией. Этому способствовали не только соблюдение пакта о ненападении, но расширение и активизация двусторонней торговли. Между СССР и Германией были подписаны кредитное соглашение от 10 января 1939 года, состоящее из двух хозяйственных соглашений от 11 февраля 1940 и от 10 января 1941 года. Зимой 1941 года, когда Гитлер определился с агрессией против СССР, Германия стремилась получить максимальный объем сырьевых ресурсов из Советского Союза. Ассортимент товаров, поставляемый в Германию включал 2,5 млн. тонн зерна, продукцию животноводства, технические культуры (лен, хлопок), лес на 10 млн. марок, а также промышленную продукцию – нефтепродукты (около 1 млн. тонн), марганцевую руду (300 тыс. тонн), хромовую руду (50 тыс. тонн). Внушительным был список и немецким поставок – металлорежущие станки, оборудование для нефтяной и металлургической промышленности, турбины и генераторы для электростанций, электрооборудование, предметы вооружения. Металлы, продукция химической промышленности и т. д. Белорусские исследователи, оценивая советско-германские торгово-экономические отношения с августа 1939 по июнь 1941 год делают обоснованный вывод, что советское руководство понимало неизбежность военного столкновения СССР и Германии. Но в то же время надеялось, что экономическое сотрудничество между двумя державами затормозит этот процесс. Германия, в свою очередь, готовилась к войне с советским государством, поэтому экономическое соглашение служило прикрытием для военных приготовлений Германии и в то же время обеспечивало необходимым советским сырьем для военной промышленности [12, с. 3–4]. Мигун Д. А. по данной проблеме пишет, что в начале Второй мировой войны Германия нуждалась в импорте из СССР сырья и продовольствия. Советское государство также заинтересовано в получении многих товаров из Германии. 11 февраля 1940 года между Советской Россией и Германией состоялось подписание экономического соглашения. СССР в условиях нарастающей опасности войны нуждалось в вооружении (новые образцы морской,

авиационной и сухопутной военной техники, пушки и др.). Советское правительство соглашалась на поставки необходимых Германии товаров при условии, что оно сможет закупать у нее станки и другое заводское оборудование. Кроме того, значительную часть этих закупок должны составлять образцы новейшей военной техники. Согласно соглашению, СССР поставит товары Германии на сумму 420-430 млн. немецких марок за год, а Германия обязана была поставить военные материалы и оборудование на ту же сумму за 15 месяцев [1, с. 178–179]. Автор акцентирует внимание, что данное соглашение рассматривалось в германской прессе как естественное для немецкой и русской экономик, которые дополняли друг друга.

В постсоветской белорусской историографии историки подходят многосторонне к изучению советско-германских отношений накануне Второй мировой войны. Их прежде всего интересует международная обстановка и планы сторон накануне войны. Белорусские историки отмечают, что международные соглашения, подписанные между Германией и Советским государством в 1939–1941 гг. показывают динамику советско-германских отношений, как в политической, так и в экономической сферах. После пакта Молотова – Риббентропа были установлены экономические связи между Советской Россией и Германией. Договор о ненападении между Германией и СССР расценивался обеими державами как внешнеполитическая удача. Германия развязала себе руки в Польше, а СССР не ввязался в войну. Попытки Германии присоединить СССР к Тройственному союзу закончились неудачей и подвели черту под советско-германским сближением после августа 1939 года.

Список источников и литературы

1. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.
2. Жарков, М. Г. Воссоединение Белорусского народа в контексте советско-германского договора 1939 г. / М. Г. Жарков // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск: МДЛУ, № 6, 2007 – С. 9–13.
3. Бабков, А. М. Преемственность германских планов и политики в отношении Беларуси в период мировых войн / А. М. Бабков // Гомельщина в 1941 году. Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала Великой

Отечественной войны. – Гомель: Изд. ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 54–62.

4. Ладысеў, У. Ф. Ваенныя падзеі верасня 1939 года ў лёсе беларускага народа / У. Ф. Ладысеў // Беларускі Гістарычны часопіс. – 1999 – №3. – С. 3–11.

5. Сальков, А. П. «Польский вопрос» и западная граница СССР в советской внешней политике (сентябрь 1939–июнь 1941 г.) / А. П. Сальков // Российские и славянские исследования; сб. научных статей. / Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. – Мн.: БГУ, 2004. – Вып. 1. – С. 215–227.

6. Мигун, Д. А. «Берлинский пакт о тройственном союзе» 1940 г. и его влияние на германо-советские отношения / Д. А. Мигун // Веснік Палескага дзяржаўнага універсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук, – 2012. – № 2. – С. 3–7.

7. Хухлындзіна, Л. М. “Drang nach Osten” у кантэксте беларускай і сусветнай гісторыі / Л. М. Хухлындзіна // Веснік БДУ, – 2005. – №2. – С. 3–8.

8. Снапковский, В. Е. Особенности немецкой этнополитики в Беларуси (1941–1944) / В. Е. Снапковский // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы Міжнародной навуковай канферэнцыі – Мінск, МДЛУ. – 2012. – С. 81–89.

9. Коршук, У. К. Фашизм: злачынныя мэты, злачынныя сродкі / У. К. Коршук // Веснік БДУ імя У. І. Леніна. – 1991. – №2. – С.3 – 6.

10. Мигун, Д. А. Планы Германии в отношении Восточной Европы в преддверии второй мировой войны / Д. А. Мигун // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова Гісторыя, Філасофія, Філалогія. – 2001. – №2 (38). – С. 4–9.

11. Литвин, А. М. Напярэдадні Вялікай Айчыннай ваіны: планы, падрыхтоўка, грамадскія настроі / А. М. Литвин // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – №6. – С.3–12.

12. Литвиновский, И. А. Советско-германские торгово-экономические отношения накануне Великой Отечественной войны (январь – июнь 1941 г.) / И. А. Литвиновский, Ю. И. Литвиновская // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы Міжнародной навуковай канферэнцыі – Мінск, БГУ, 2013 – С. 3–9.

УДК 94(100) “1939/45”

А. Д. Верниковский

БелГут, г. Гомель

«ЗИМНЯЯ ВОЙНА»: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРИЧИНЫ И ИТОГИ

В статье предпринята попытка проанализировать дипломатическую и политическую сущность Советско-финляндской войны и её роль в международной ситуации на начальном этапе Второй мировой войны. Рассмотрены причины, этапы и последствия войны.

Интерес к изучению темы «зимней войны» вызван тем, что долгое время, эти события воспринимались как второстепенный эпизод истории в контексте Второй мировой войны. В фундаментальных научных трудах она часто не удостоивается самого статуса войны, невнятно именуясь «советско-финляндским вооруженным конфликтом 1939–1940 годов». У нас многие продолжают относиться к «финской войне» как к пограничному конфликту, продолжавшемуся с ноября 1939 по март 1940 г. – так, как было «рекомендовано» советской историографией в 1960-х годах. Почти никто не знает о том, что в понимании финнов «Зимняя война» не закончилась 13 марта 1940 года, после того, как был подписан мирный договор с Советским Союзом, так как через год с небольшим Финляндия вступила в «войну-продолжение» против СССР [1, с. 1, 2].

Часто говорят, что финская война позволила извлечь многие уроки при подготовке страны и РККА к Великой Отечественной войне. В известной степени с этим нельзя не согласиться. Сменился нарком обороны, произошли кадровые перестановки в армии, улучшилась боевая подготовка войск.

На первоначальном этапе независимого существования государства финская внешняя политика была обречена отыскивать свой верный курс путем проб и ошибок. Сначала более сильной оказалась прогерманская ориентация. Но позже позиция нейтралитета была признана наиболее верной внешней политикой для небольшой страны. В большой мере этому способствовала необходимость предотвратить возможность конфликтов с восточным соседом – Советским Союзом. Перед Второй мировой войной Финляндия поспешила провозгласить свой нейтралитет в надежде избежать военных действий. Несмотря на этот шаг, Финляндия все же была втянута в мировую бойню. И первым сражением в ней стала «Зимняя война» [2, с.1].

Выбрав государственную независимость, Финляндия определилась и в вопросе государственного устройства, став

буржуазной республикой. Несмотря на активную советскую поддержку, в мае 1918 г. революция в Финляндии потерпела поражение.

Юрьевский (Тартусский) советско-финляндский мирный договор, заключенный в октябре 1920 года с одной стороны, конечно, стабилизирует отношения между двумя странами, но с другой...

Воспользовавшись крайней истощённостью своего вчерашнего сюзерена, финская сторона прибегла на переговорах к жёсткому прессингу. В итоговом документе демаркация границы была декларирована по старой линии между Россией и Великим княжеством Финляндским, в 32-х километрах от Петрограда, что разрушило исторически сложившуюся систему обороны северной столицы и сделало второй город советской страны теоретически досягаемым даже для артиллерийского огня с сопредельной стороны. Часть пограничных территорий, примыкавших к Баренцеву морю, Ладожскому озеру и Финскому заливу, объявлялась демилитаризованной зоной. Финские войска оставляли захваченную ими Восточную Карелию, но предусматривалась декларация о её самоуправлении. «Жестоко, жёстче, еще жёстче – только так можно разговаривать с Советами!» – восторженно комментировали «крупный успех финской дипломатии» хельсинкские газеты. Однако сыграть на временной слабости могучего соседа – вовсе не означает заручиться непоколебимым статус-кво достигнутого на будущее. Именно там, в Юрьеве, была заложена одна из мин замедленного действия, что почти два десятилетия спустя взорвало и мир на Карельском перешейке [3, с. 5].

Несмотря на наступившее после окончания конфликта в Восточной Карелии смягчение напряженности финско-советских отношений, взаимная подозрительность между государствами не исчезала.

Для нейтрализации угрозы со стороны РСФСР Финляндия стала искать сотрудничества со странами «западной» буферной зоны: Польшей, Эстонией, Латвией и Литвой. Однако уже в 1922 года от этого пришлось отказаться. Становилось ясно, что Балтийские государства испытывают еще большую угрозу со стороны советского государства, чем сама Финляндия. Кроме того, все большие подозрения финнов стали вызывать претензии Польши на гегемонию в балтийском регионе. Нужно было изыскивать другие пути к укреплению безопасности.

В этот период Финляндия активно участвовала в работе Лиги Наций. Известный политик Х. Прокпе, длительное время бывший

министром иностранных дел Финляндии, даже занимал пост Председателя совета этой международной организации. Естественным шагом для финнов было движение по пути, предусмотренному положениями международного права.

Договор о ненападении, заключенный с СССР, был бы одним из приемлемых вариантов. В 1933 году, после принятия в Лигу Наций Советского Союза, Финляндия согласилась на подписание договора о ненападении с СССР. Однако уже к середине 30-х годов стала очевидной политическая слабость Лиги Наций [1, с. 3; 2, с.11–13].

В 1935 году правительство Финляндии заявило, что во внешней политике страна будет придерживаться скандинавской ориентации. Финны и скандинавы объявляли, что впредь не считают себя обязанными присоединяться к возможным санкциям против страны-агрессора, как это предусматривалось декларациями Лиги Наций. Финляндия подчеркивала, что в возможной войне великих держав она сохранит нейтралитет [3, с. 23].

Между тем, такая политика не гарантировала финнам военной помощи со стороны скандинавов в случае необходимости. Интересы Швеции, Дании и Норвегии различались, а их военный потенциал был сравнительно небольшим. Впрочем, со Швецией нашлась важная точка совпадения военно-политических интересов – Аландские острова.

После прихода национал-социалистов к власти в Германии, резко изменилось геополитическое значение стран бывшей «буферной зоны». Советский Союз и Германия стремились включить их в сферу своего влияния. Советским политикам и военным представлялось вероятным, что в случае агрессии против СССР вооруженные силы Германии используют территорию Балтийских государств и Финляндии как плацдармы для нападения, либо захватив эти страны, либо с их вынужденного согласия.

Политика СССР в отношении государств Балтии и Финляндии стала более резкой. Уже в 1933 году второй секретарь советского посольства в Хельсинки Б. Ярцев предложил Финляндии военную помощь против Германии и сотрудничество в фортификации Аландских островов. Предложение Ярцева было отвергнуто, после чего Финляндия и Швеция решили сообща заняться укреплением Аландских островов. Финляндско-шведский договор, предусматривавший военное сотрудничество в укреплении Аландских островов, был подписан, и тут же ратифицирован финским парламентом.

Однако после переговоров в Версале и Женеве Лига Наций приняла компромиссное решение: острова остались в составе Финляндии, но получили широкую автономию и были объявлены демилитаризованной зоной. К тому же и СССР, как полноправный член Лиги Наций, выступил с решительным протестом против «милитаризации Аландов».

План был сорван. Шведское правительство отказалось ратифицировать договор по Аландам [2, с. 5; 3, с. 4].

Нужно подчеркнуть, что после прихода к власти Гитлера основными факторами, которые определяли позиции СССР в регионе Балтийского моря, были военно-стратегические и внешнеполитические интересы, идеология отошла на второй план. В то же время, декларации военно-политического характера были чрезвычайно жесткими. Ситуация становилась все более критической.

За некоторое время до этого, 14 апреля 1938 года на личной встрече Ярцева с министром иностранных дел Рудольфом Холсти обсуждалась общеевропейская политическая ситуация и положение Финляндии в ней, в т. ч. планы Германии против СССР, в соответствии с которыми перед флангом германских армий поставлена задача произвести высадку на территорию Финляндии и с этого плацдарма произвести вторжение в СССР. В соответствии с этим было заявлено, что если Германии будет позволено осуществить эти операции, то СССР введет свои вооруженные силы на территорию Финляндии. Если же она воспротивится, Советский Союз может предложить Финляндии всю возможную экономическую и военную помощь, а также заключить выгодное экономическое соглашение по покупке финской промышленной продукции.

Были оговорены германские планы по осуществлению переворота при несговорчивости финнов. Вопрос финской стороны о продаже ей оружия в качестве военной помощи СССР обязался рассмотреть только при гарантиях, что Финляндия не будет содействовать Германии в войне против России.

На этом первое обсуждение закончилось. Из него стало ясно, что советское правительство предчувствует скорое начало войны и ищет возможность обезопасить свой Северный фланг [1, с. 4–5].

В течение двух месяцев ничего не изменилось, поэтому неофициальные лица взяли на себя инициативу возобновления переговоров. В разговоре с финским премьер-министром Кайяндером Ярцев упоминал о германском экспансионизме и вероятности того, что в будущей войне Германия захочет получить базы в Финляндии, и интересовался обороноспособностью Финляндия. Кайяндер ответил,

что во время войны трудно гарантировать что-либо, но Финляндия сделает все возможное при условии территориальной неприкосновенности. Ярцев заявил о ненарушении финского нейтралитета только в случае гарантий советской стороне [2, с. 4].

Однако камнем преткновения стала судьба крайне важных Аландских островов и острова Суурсаари в частности. Но только теперь, напротив, Советский Союз настаивал на строительстве оборонительных сооружений на острове, но уже для своих собственных целей.

Позиция Советского Союза теперь стала ясна, можно было начинать обсуждение по существу в финском правительстве и выработать отношение к выдвинутым предложениям. В результате правительство заняло отрицательную позицию, выразив верность политике нейтралитета и желание развивать торговые отношения. Но вопрос не был этим закрыт: в советской прессе началась атака против Финляндии [2, с. 6].

Несколько месяцев спустя, 5 марта 1939 года М. Литвинов, народный комиссар иностранных дел, передал меморандум, предусматривавший улучшение торговых отношений и строительство оборонительных сооружений на Аландских островах. На новое предложение Финляндия дала отрицательный ответ, но Литвинов заявил, что не может рассматривать этот ответ в качестве окончательного. После этого посол Штейн вступил в переговоры с министром иностранных дел Эркко и предложил заключить соглашение об аренде островов, во время которой Финляндия будет иметь право разрабатывать лесные угодья в Восточной Карелии.

Последовала череда отказов, ссылавшихся на неотчуждаемость территории страны по конституции и политику нейтралитета Финляндии. На что Штейн перед отъездом сказал Эркко, что Советский Союз не может принять отрицательный ответ Финляндии, поскольку рассматриваемые территории имеют громадное стратегическое значение для безопасности Советского Союза [2, с. 8–9].

Это был последний этап переговоров о гарантиях Финляндии в укреплении безопасности Советского Союза, так же как и о торговом соглашении. Эти переговоры продемонстрировали, что Советский Союз настойчиво требует от Финляндии согласиться на определенное ограничение ее прав в использовании своей территории, а Финляндия с равным упорством противится выдвинутым предложениям. В ходе переговоров советские притязания увеличивались, а не сближались с финской позицией. Требования СССР, предъявленные в ходе этих переговоров, не были представлены на рассмотрение парламенту.

Возможно, долгом правительства было сделать шаг к соглашению, поскольку переговоры имели решающее значение для будущего страны, а также определяли состояние войны или мира [2, с. 9].

В дальнейшем события развиваются всё более стремительно и целенаправленно ведут к войне двух государств. Поводом к войне стал инцидент на Карельском перешейке 25 ноября 1939 года. В результате артиллерийского обстрела погибло 4 и ранено 8 представителей Красной Армии. 26 ноября Молотов передал ноту протеста, заявив, что обстрел велся с территории Финляндии. Очевидно, обстрел был провокацией самого советского правительства, которое искало любой предлог оправдать войну с Финляндией.

Как стало ясно позднее, начало «финской войны» для Советского Союза оказалось не просто датой развязывания очередного конфликта. Нападение на Финляндию в ноябре 1939 года, в конечном итоге, обезопасило северную границу СССР, но в то же время спровоцировало военный союз Финляндии с Германией [3, с. 23].

В июне 1941 года Финляндия вступила в «Войну–продолжение». Моральная травма и тяжелый урон, нанесенные «Зимней войной», в которую, как считали финны, они были втянуты безвинно, были важнейшими стимулами к «получению компенсации». Одной из наиболее существенных причин была большевизация стран Прибалтики. Несколько кризисов в течение года вынуждали правительство страны искать выход по всем направлениям. Финны опасались, что безусловный нейтралитет, которого они придерживались ранее, приведет лишь к войне на два фронта: одновременно против Германии и СССР. Лучше было вовремя выбрать одну сторону.

В конце мая 1941 года в ходе финляндско-германских переговоров была оговорена стратегия действий финских войск. Взамен звучали обещания возвращения Карелии. Группа под руководством Рюти, Маннергейма и Таннера, руководившая внешней политикой правительства (так называемый «военный кабинет»), пошла на вступление Финляндии в считавшуюся выгодной войну за возвращение Карелии.

Однако отношения Финляндии с Германией оставались очень непростыми – их объединял только военный союз, в котором они преследовали разные цели. Третьему рейху было крайне невыгодно допустить выход Финляндии из войны и, как отмечают финские историки, Гитлер именно для того и продолжал блокаду Ленинграда [1, с. 29–30].

Что касается итогов самой Советско-финляндской войны 1939–1940 годов, то они даже при кратком изучении подразделяются как на абсолютно негативные, так и на абсолютно позитивные моменты. Негатив – кошмар первых месяцев войны и огромное количество жертв. Декабрь 1939 – начало января 1940 года продемонстрировали всему миру, что советская армия слаба. Но в этом был и позитивный момент – советское руководство увидело реальную силу своей армии. Практически весь декабрь 1939-го РККА штурмовала линию Маннергейма, но результата не было. Начиная с января 1940 года вносились изменения (кадровые и организационные), которые повлияли на ход войны и во многом подготовили боеспособную армию для Отечественной войны. 11 февраля 1940-го года линия Маннергейма была прорвана за один день. Этот прорыв стал возможен, поскольку его осуществляла уже другая армия, более дисциплинированная, организованная, обученная, обладавшая огромным численным превосходством против которой у финнов не было ни единого шанса [1, с. 24–25].

Итак, возникает закономерный вопрос о целесообразности войны СССР и Финляндии как 1939–1940-м, так и в 1941–1944-х годах. Учитывая сложившиеся обстоятельства, приходим к заключению о том, что суть проблемы была не в непосредственном враждебном отношении двух народов и даже правительств, а в геополитической ситуации, которая начала складываться уже после Октябрьской революции. Тартуский мирный договор 1920 года, отринувший значительные территории Советского государства и полностью нарушивший исторически сложившуюся систему обороны Петрограда и Карелии, сделал территориальный вопрос двух государств краеугольным камнем в отношениях СССР и Финляндии, а претензии Советского Союза лишь вопросом времени. Финляндия в 20–30-е гг. XX в. не стремилась сделать из СССР своего противника, а всего лишь хотела обеспечить безопасность своих границ. Однако стратегия политики нейтралитета, выбранная во внешней политике, не могла обеспечить финнам такой безопасности. В условиях нарастающей в мире напряжённости на фоне борьбы великих держав (СССР, Германия, Великобритания и США) за новый передел мира малому или среднему государству невозможно эффективно оставаться в стороне. Что и случилось с Финляндией. СССР, готовясь к большой войне, уже не мог тратить время на дипломатию. Это было видно по нарастающей агрессивности советской риторики от дружелюбной к практически ультимативной, поскольку сохранение прежних границ, без преувеличения, могло закончиться для СССР

плачевно. В то же время прогермански и милитаристски настроенная часть финского правительства сделала своё дело, удовлетворив желание территориальной «компенсации» от СССР в 1941 г. Финляндия была втянута в мировую бойню. Только после войны граница установилась там, где, для избежания конфликта, и должна была быть после 1920 года.

Список источников и литературы

1. Козлов, А. И. Советско-финская война 1939-1940. Взгляд с той стороны / А. И. Козлов [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <https://www.twirpx.com>. – Дата доступа : 04.10.2019.

2. Таннер, В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского союза и Финляндии. 1939–1940 / В. Танер [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа : <https://www.twirpx.com>. – Дата доступа : 04.10.2019.

3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. в 12 т. – М. : Воениздат, 2011. – Т.1. – 848 с.

4. Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД: по материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области / авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. – СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2010. – 320 с.

УДК 94:325.1(=430)(476)''1939/1941''

В. В. Тугай

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск

А. А. Цобкало

Национальный университет культуры и искусства, г. Минск

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ «ФОЛЬКСДОЙЧЕ» В РЕЙХ (1939–1941)

В статье рассмотрен процесс переселения этнических немцев в Германию в 1939 – 1941 гг. с территории прибалтийских стран, а также из Западной Беларуси и Западной Украины после их вхождения в состав СССР. Данный процесс характеризуется как депортация, инициатором которой выступала Германия. Отмечено, что она происходила на основе соответствующих соглашений, заключенных между Германией и указанными государствами.

Важным событием в жизни немцев, которые в результате пакта Риббентропа–Молотова и последующих советско-германских договоров 1939–1941 гг. стали советскими, была их репатриация в

1939–1941 гг. Сигнал к переселению был дан Гитлером в речи, произнесенной в рейхстаге 6 октября 1939 г., в которой предвещал международные конфликты.

Предложение о переселении немецкого меньшинства из Прибалтики и Беларуси осенью 1939 г. исходило от германского правительства [1, с. 23]. Его условия переселения были оговорены в секретных советско-германских документах от 23 августа и 28 сентября 1939 г., в которых указывалось, что «правительство СССР не будет чинить препятствия проживающим на территории его сферы интересов подданным Германии и другим лицам немецкого происхождения в случае, если они имеют намерение переселиться в Германию или на территорию ее сферы интересов» [2, с. 23].

Что касается прибалтийских немцев, то необходимо отметить, что предыстория переселения начинается с 1938 г. В частности, заместитель председателя немецкого «народного объединения» в Латвии Г. Штегман заявлял, что есть только две возможности для дальнейшего существования прибалтийских немцев: или они переселятся в Германию или «народ Германии придет к ним» [3, с. 36].

Важное значение для изучения проблемы переселения немецкого населения из стран, попавших в сферу интересов Советского Союза, являются двухсторонние договоры Германии с этими странами, заключенные сразу после речи Гитлера в рейхстаге 6 октября 1939 г. Так, договоры с Латвией и Эстонией заключены 15 и 30 октября 1939 г. соответственно. Договор с Италией подписан 21 октября 1939 г. и предусматривал переселение «фольксдойче» из южного Тироля. Договоры с Советским Союзом предусматривали эвакуацию польских и некогда русских немцев из территорий, которые становились советскими. Это польские провинции Восточной Галиции, Волыни и области Нарев (3 ноября 1939 г.), а также некогда румынские области северной Буковины и Бессарабии (5 сентября 1940 г.). Договор с Румынией предусматривал репатриацию оставшихся «фольксдойче» из юго-восточной части южной Буковины и северной Добруджы [4, с.340]. После присоединения Латвии, Эстонии и Литвы к Советскому Союзу летом 1940 г. был подписан дополнительный договор с Советским Союзом (10 января 1941 г.), который регулировал выселение немцев из Литвы, а также постпереселение из Латвии и Эстонии тех «фольксдойче», которые уклонились от предшествовавшего принудительного переселения [4. с. 341].

После оккупации Польши ее обширные западные земли были включены в состав рейха под названием «округ Варты» (Warthehau).

В октябре 1939 г. в Ригу прибыли первые суда для перевоза переселенцев. В течение двух месяцев прибалтийские немцы, некогда

наиболее состоятельная часть населения Латвии и Эстонии, покинули столетиями насиженные места [5, с. 242].

В середине октября 1939 г. в Гдыне, переименованной Гитлером в Готтенгафен, начал работать центр по приему переселенцев. Этим ведомством зарегистрировано 49 тыс. переселенцев из Латвии и 13 тыс. из Эстонии. Управление центра в своем заключительном отчете подчеркивало, что оно тщательно проверило репатриантов «с медицинской и расово-биологической точки зрения». При этом 72 % переселенцев из Эстонии и 65 % из Латвии были признаны «пригодными по расово-биологическим признакам». Далее в отчете сообщается, что смешение с эстонцами нанесло «расовому качеству» немцев меньший урон, чем смешение с латышами, поскольку у эстонцев более значительна доля «нордической крови» [6, с. 9]

Подобные проверки по расово-биологическим признакам прошли все репатрианты переселяющиеся из местностей, отошедших к Советскому Союзу. От того, насколько высоко было «расовое качество» фальксдойче, зависело определение его места в рейхе.

Для местных немецких деятелей решение о переселении было неожиданным: они надеялись, напротив, на усиление позиций немцев в регионах компактного их проживания. Вначале намеревались переселить небольшую часть немцев, однако в конце концов из-за опасений коммунистического влияния и коммунистического переворота в Латвии было принято решение переселить всех.

Германский посол в Латвии фон Котце 4 октября 1939 г. сообщил одному из руководящих прибалтийско-немецких деятелей, что идут слухи об ожидаемом в Латвии коммунистическом перевороте. Посол рекомендовал собрать переселенцев вместе и снабдить их соответствующими удостоверениями. В качестве удобного места был назван Агенскалнс в левобережной части города.

Бывший офицер СС Ф.Бухардт в воспоминаниях «В интересах рейха» отмечает, что в сентябре 1939 г. он был старшим группы офицеров в Гдыне. 20 сентября его брат, ответственный работник гитлеровской службы безопасности, сказал по телефону, что в связи с событиями, касающимися Латвии, его вызвали в Берлин. Ссылаясь на Гейдриха, занимавшего тогда пост начальника службы безопасности, ему сообщили, что «дела в Прибалтике пойдут иначе, чем предполагалось, В связи с этим в ставку Гитлера придет руководитель национал-социалистического движения в Латвии Э. Крёгер, чтобы обсудить с Гиммлером судьбу прибалтийских немцев. В беседе Гиммлер с сожалением отметил, что события в Латвии примут другой оборот, чем предполагалось, и предложил

«политически наиболее привлекшим к себе внимание лицам» переселиться в Германию. Крёгер сделал встречное заявление: переселиться должны все прибалтийские немцы. Гиммлер ответил, что в условиях войны прибытие большого количества пожилых людей создаст для Германии дополнительные трудности: юношей он охотно принял бы на службу в эсэсовских войсках. Тем не менее, в ответ на настоятельную просьбу Крёгера Гиммлер обещал, что этой же ночью обсудит вопрос с Гитлером. Утром Гиммлер сообщил Крёгеру, что Гитлер дал согласие на переселение в Германию всех прибалтийских немцев. Затем Бухгардт обсудил с Крёгером подробности предстоящего переселения. Он рассказал, что некоторые эсэсовские руководители, учитывая опасность коммунистического восстания в Латвии, предложили выдать всем прибалтийским немцам германские паспорта. Однако Гейдрих заявил, что это не так срочно, можно все спокойно обсудить. Поскольку руководство рейха, сказал Гейдрих, после 1933 г. более или менее открыто призывало прибалтийских немцев оставаться на своем посту, они могут не понять необходимость переселения, поэтому следует поддержать эту акцию призывом фюрера [6, № 5, с. 3–4].

Высказывания Гиммлера, Олендорфа и других нацистских руководителей о том, что развитие событий в Прибалтике произойдет иначе, чем надеялись, означает то, что существовали планы аннексии Прибалтики Германией. Подобные планы были разработаны и в отношении других территорий, заселенных немцами.

До 28 сентября 1939 г. Литва входила в сферу интересов Германии, которая предусматривала ее аннексию и расширение зоны немецкого заселения в северо-восточном направлении. Секретные протоколы к договору от 28 сентября 1939 г. предусматривали отселение «фольксдойче» с литовских территорий, которые переходили под юрисдикцию Советского Союза [1, с. 305].

В соответствии с договорами Германии с упомянутыми странами, а также с Советским Союзом, 460 тыс. «фольксдойче» были переселены на территорию рейха [4, с. 341] Среди них находилось огромное количество немцев, которые до образования СССР являлись подданными Российского государства. Как уже отмечалось, с ноября 1939 г. по январь 1940 г., из Латвии и Эстонии было переселено 63832 балтийских немцев. В феврале 1941 г. дополнительно было вывезено еще 16244 человека. Из Латвии в январе 1941г. было вывезено 50471 «фольксдойче». С декабря 1939 г. по 26 января 1940 г. в холодных вагонах для скота «Трекс» из Волыни, восточной Галиции и области Вас было вывезено 134267 «фольксдойче»: 64600 – из

Волыни, 55400 – из Галиции и 8100 человек из области вокруг Белостока. С другой стороны немецкая сторона разрешила белорусам и украинцам из занятых Германией областей, вернуться в Советский Союз. Около 40 тыс. человек переселилось в БССР и УССР. Из Бессарабии и Северной Буковины в 1940 г. 93500 и 42400 «фольксдойче» соответственно были вывезены на территорию рейха, где от Варшавы до Львова и Галиции, а также вокруг Белостока для них были созданы компактные зоны проживания [4, s. 341]. Вместе с тем необходимо отметить, что точного числа переселенных «фольксдойче» не существует, т.к. организацией переселения занимались разные организации и многие документы утеряны. Необходимо также отметить то, что не все немцы переселились на территорию рейха. Судьбу их проследить довольно сложно.

Переселение «фольксдойче» с северо-западных и южных территорий Советского Союза в 1939–1941 гг. можно квалифицировать как одну из форм депортации. Рассматривать ее необходимо в рамках глобальной политики избавления советского общества от всяких нежелательных элементов. И хотя она совершалась по инициативе Германии и при ее непосредственном участии, смысл акции от этого не менялся. Характер проведения переселения, отношение к нему государственных и партийных органов свидетельствуют, что это была одна из мер по устранению враждебных элементов, которые, по мнению советского руководства, несли в себе большую социальную и политическую опасность для страны в условиях кануна войны.

Германия выступала в роли инициатора акции, защитника немецкого населения. При этом важно подчеркнуть, что защищая «чистокровных арийцев», разрешая выезжать латышам, эстонцам, литовцам, белорусам, украинцам и русским в качестве членов их семей, Германия в то же время лишала возможности выезда нежелательных инородных элементов.

Вопрос о выселении немцев с территории Советского Союза решался в обход руководств советских республик, на территории которых они проживали. В состав смешанных комиссий по проведению переселения не было включено ни одного представителя союзной республики, ни одного сотрудника республиканских исполнительных органов. На протяжении 1942–1943 гг. переселение «фольксдойче» с оккупированных территорий СССР продолжалось, хотя и значительно меньшими масштабами и темпами.

Список источников и литературы

1. Ингеборг Фляйшхауэр. Пакт Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939: Пер. с нем. / Вступ, сл. В. М. Фалина; Предисл. Л. А. Безыменского. М., 1990.
2. Loeber D.A. Diktierte Option. Die Umsiedlung der Deutschbalten aus Estland und Lettland 1939– 1941. Neumunster, 1972.
3. Hehn I. Die Umsiedlung der baltischen Deutschen. Das letzte Kapitel baltisch-deutscher Geschichte. Marburg / Lahn 1982.
4. Benjamin Pinkus/ Ingeborg Fleischhauer. Die Deutschen in den Sowjetunion. Baden-Baden, 1987.
5. Крупников П. Я. Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX века – 1945 год). Рига, 1989.
6. Baltische Briefe. 1964. № 11.
УДК 94:327(430+476) «1917»

А. М. Бабков

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

БЕЛОРУССКИЙ ФАКТОР В ЛИТОВСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

После Февральской революции и активизации литовского и белорусского национального движения в политических кругах Германии наметилась тенденция к поддержке литовского плана создания национального государства с включением в его состав части оккупированных западно-белорусских земель и находящегося под полным немецким контролем. Особую роль в обсуждении вопроса о будущей литовской государственности сыграла литовско-белорусская делегация, посетившая в марте 1917 г. Берлин. К белорусскому национальному движению германские власти относились как более слабому, а белорусскую территорию рассматривали в качестве разменной карты в намечавшихся сепаратных переговорах с Россией.

Февральская революция в России, провозгласившая право народов на самоопределение, заставила правящие круги Германии отказаться от открытых претензий к прибалтийским и западно-белорусским территориям. Планы скрытых аннексионистов получили свое развитие в поддержке национальных политических сил по созданию «самостоятельных» государств. После провозглашения Королевства Польского они сделали главную ставку на создание «самостоятельной» Литвы.

Весной 1917 г. обсуждение планов создания Литовского государства с включением в его состав западно-белорусских земель

было поставлено в практическую область. В марте по приглашению МИД Германии в Берлин прибыла «депутация Верховного национального литовского комитета», в состав которой входили литовцы А. Сметона, Ю. Шаулис, П. Кайрис и белорусский национальный деятель А. Луцкевич, который не дождавшись официального приема у германских властей, возвратился в Вильно, что было ошибкой с его стороны. Во время переговоров литовской делегации с ответственными чиновниками МИД Германии во главе со статс-секретарем А. Циммерманом были намечены основные контуры будущего Литовского государства, которое не входя в состав Германской империи, было бы тесно связано с ней в военном и экономическом отношениях. В переданном литовской делегацией меморандуме А. Циммерману на имя канцлера в состав «новой» Литвы предполагалось включить белорусские земли Виленской губернии, а также часть Гродненской и Минской губерний [1, л. 34]. В нем утверждалось, что «в немецкой оккупационной зоне совсем нет белорусов-католиков, а есть только литовцы, которые разговаривают по-литовски, по-польски и по-белорусски» [2, с. 65].

Высказанное А. Циммерманом согласие с литовским меморандумом в целом соответствовало отводимой немцами Литве роли противовеса Польше. Создав под своим контролем Литву, расширенную за счет северо-западных белорусских земель, они бы получили и католическую Беларусь, т. к. понимали, что Россия не согласится на отделение всей Беларуси. К тому же Западная Беларусь не досталась бы Польше. Литва, включавшая в свой состав Виленщину и Гродненщину, становилась сильно зависимой от поддержки Германии.

Российские дипломатические представители в нейтральных странах, корреспонденты Петроградского телеграфного агентства, пристально наблюдавшие за поездкой литовско-белорусской делегации в Берлин, сообщали в Петроград, что «литовская депутация ездила в Берлин с целью предупредить правительство Германии, что в Литве неминуем всеобщий бунт, если продолжится жесточайший оккупационный режим князя Изенберга... и если Германия не заявит своих намерений относительно Литвы» [3, л. 34]. Однако главной целью делегации являлось вручить имперскому правительству меморандум с требованием создания Литовского государства и заручиться его согласием.

Газета «Биржевые Ведомости», ссылаясь на швейцарские источники, подтверждала сведения о прибытии в Берлин литовско-белорусской делегации на совещание по вопросу о будущем

государственном устройстве Литвы. «Разговор идет о провозглашении Литвы независимым государством, входящим в состав германского союза» [4, л. 32].

Поверенный в Делах Российской империи в Берне В. Сватковский, основываясь на сведениях, полученных от участников «берлинской депутации», в начале апреля 1917 г. доносил в Петроград, что А. Циммерман «не связывая себя формально установил в переговорах с делегатами основы будущего Литовского государства, которое не входя в состав Германской империи, будет связано с ней в военном и экономическом отношениях» [5, л. 34]. В. Сватковский также отметил, что при обсуждении вопроса о границах будущей Литвы «пожелания литовцев значительно возросли». Германская сторона соглашалась с тем, что «Литва будет состоять из губерний Ковенской, Виленской, Сувалкской и вероятно частей Гродненской и Минской губерний, ибо Германия считается с желанием белорусов возобновить историческую связь с Литвой» [6, л. 34]. Спекулируя на приверженности руководителей белорусского национального движения исторической концепции возрождения белорусско-литовского конфедеративного государства, германские власти подменили ее согласием на включение западно-белорусских земель в состав Литовского национального государства.

А. Луцкевич крайне негативно оценил политическую позицию литовской делегации в Берлине в марте 1917 г. Он записал впоследствии в своих показаниях перед органами НКВД в 1939 г. как после возвращения в Вильно узнал из немецких газет, что «на другой день после его отъезда из Берлина литовцы были приняты канцлером одни и притом предложили конкретный проект относительно строительства «Литвы». Только позже выяснилось, что их план предусматривал независимую Литву в таких границах, чтобы литовцы имели численное преобладание над белорусами и другими национальностями вместе. Столицей должно было стать Вильно» [7, с. 139]. Литовские притязания на западно-белорусские земли вызвали протесты белорусской общественности в Вильно.

Будучи председателем Виленской Белорусской Рады, в своем интервью А. И. Луцкевич отметил, что между белорусами и литовцами происходил острый «спор из-за «католической» Беларуси, а именно: из-за Вильно и ее окрестностей, а также Лидского, Ошмянского, Свенцянского уездов». Он отверг литовские притязания на эти земли как необоснованные. Литовцы установили «своеобразный критерий для определения национальности в крае: они за признак литовской национальности признали католическое

вероисповедание и объявляют литовцами всех католиков, включая сюда белорусов, крепко придерживающихся своего белорусского языка» [8, с. 172].

Как писала газета «Вольная Беларусь», «создание такой Литвы позволило германским властям вложить яблоко раздора в отношения между литовцами и белорусами, которые издавна были исключительно добрососедскими» [9].

После отъезда литовской делегации из Берлина вопрос о государственности Литвы продолжал обсуждаться в правительственных кругах Германии. На совещании с участием канцлера получил дальнейшее развитие план образования буферного литовского государства. На нем было заявлено о «невозможности более тесного присоединения Литвы к Германии», поэтому «решили создать независимое литовское государство-буфер по примеру польского. Провозглашение одного из сыновей Вильгельма II литовским королем также признано ныне неудобным, ибо оно компрометировало шансы мира без аннексий» [10, л. 21]. Относительно дальнейшей политической тактики в решении вопроса создания Литовского государства, большинство поддерживаемое А. Циммерманом, настаивало «применить как и в польском вопросе дедуктивный метод» – сначала «провозгласить литовскую независимость» как свершившийся факт и затем заняться ее устройством». По мнению сторонников А. Циммермана, это «благоприятно повлияет» на другие национальности. Более умеренные политики при обсуждении спорных территориальных вопросов между будущей Литвой и Польшей предлагали воздержаться от окончательных решений, чтобы «не озлоблять поляков, претендующих на Вильно и Сувалкскую губернию и не мешать переговорам о мире с Россией». Они призывали «следовать индуктивному методу «при образовании Литовского государства: сначала создать литовский государственный совет и администрацию и провозгласить королевство лишь когда вопрос о мире окончательно созреет» [11, л. 22].

Активизация белорусского национального движения на неоккупированной территории Беларуси, находившейся под юрисдикцией России, вызвала существенный резонанс в западно-белорусских землях, что привело к усилению германского контроля над белорусским национальным движением. Германские власти заподозрили белорусское движение в пророссийских настроениях. В апреле 1917 г. русский посланник в Женеве В. Сватковский, ссылаясь на информацию прибывшего в Швейцарию литовского

делегата, сообщал в Петроград, что «германцы в последнее время утратили интерес к белорусскому вопросу, убедившись, что белорусы «слишком русские»» [12, л. 21]. С этого времени германские агенты стали работать в направлении создания союза литовцев с белорусами под руководством литовцев против поляков.

Весной 1917 г. состоялось ряд совещаний с участием представителей правительства и Верховного командования по выработке нового политического курса Германии в отношении России, в том числе и Обер Оста. В складывавшейся новой геополитической ситуации в военно-политических кругах аннексионистская политика на оккупированной немецкими войсками территории прикрывалась поддержкой проекта белорусских политиков по возрождению исторической государственности. Так, 5 апреля 1917 г. на совещании в Бингене П. Гинденбург и Э. Людендорф «ставили конечной целью образовать в области Восточной зоны герцогство Курляндское и Великое княжество Литовское, которые теснейшим образом примыкали бы к Германии и возглавлялись бы Его Величеством» [13, с. 63]. С военной прямоотой Э. Людендорф высказался за установление «личной унии», которая могла бы связать их с престолом прусского короля или тронном германского императора [14, с. 471]. Прикрывая свои аннексионистские планы в отношении прибалтийских и западно-белорусских земель, Э. Людендорф обосновывал их военно-стратегическим значением для кайзеровской империи как «заслона новому нападению на Германию–Пруссию со стороны России» [14, с. 471]. Более того, он не скрывал, что рассматривает эту территорию для устройства германских солдат после войны.

Важнейшее значение при определении политики Германии в отношении прибалтийских, польских и западно-белорусских земель имеет программа военных целей, принятая 23 апреля 1917 г. на совещании в Кройцнахе высшим политическим руководством и военным командованием. Канцлер Т. Бетман-Гольвег согласился с требованием начальника генерального штаба П. Гинденбурга самим военным устанавливать восточную границу, согласно которой «Курляндия и Литва до обозначенной Верховным главнокомандованием линии должна отойти к Германской империи». На юге эта граница была установлена примерно по «линии Белосток–Неман южнее Лиды» и включала западно-белорусские земли. «Особое место на совещании было уделено Беловежской пуще с ее огромными лесными ресурсами, которая «должна быть приобретена как государственное имущество». Потерю Россией литовских,

латышских и западно-белорусских земель германские власти обещали компенсировать в Восточной Галиции и Молдавии [15, с. 719]. На конференции была отброшена идея расширения Польши в сторону Вильно.

Территория Западной Беларуси оказалась в сфере не только литовских, но и польских интересов, и служила разменной картой в германской восточной политике. В польском вопросе Кройцнахское совещание подтвердило прежние германские планы «поставить конгрессовую Польшу под полный военный, политический и экономический контроль». Только при таких условиях Верховное главнокомандование соглашалось «частично отказаться от польской пограничной линии». Но германские власти могли компенсировать эту уступку полякам установлением «второй приграничной полосы», хотя о ней на совещании отдельно не говорилось. Во втором пункте постановления Кройцнахского совещания относительно установления восточной границы Польши ей была «обещана возможность расширения границ в направлении на Восток», т. е. практически за счет белорусских территорий, не затрагивая интересов Литвы и Курляндии» [15, с. 719].

После Февральской революции в политических кругах Германии вынуждены были отказаться от открытых притязаний на белорусские территории, с потерей которых не соглашалась Россия. В начале скрытые аннексионисты сделали ставку на включение оккупированных западно-белорусских земель в состав «Великой Литвы». Чтобы поддержать иллюзию литовцев о расширении Литовского государства, в его состав планировалось включить кроме Ковенской и Виленской также большую часть Сувалкской и Гродненской губерний [16, л. 432, 471]. Воссоздание «Великой Литвы» германские политические круги рассматривали также как средство давления против России на сепаратных мирных переговорах. Однако немцам была не выгодна большая Литва. Когда весной 1917 г. началась практическая подготовка к созданию литовского государства, они отдали предпочтение созданию «Малой Литвы».

В ответ на германскую поддержку иллюзии воссоздания Литвы в границах Обер Оста белорусские политики на оккупированной территории начали активно пропагандировать собственные идеи и проекты возрождения государственности. А. Луцкевич отмечал, что двойственность в литовских планах Германии привела «белорусов на распутье... В случае нашего согласия на строительство «Малой Литвы», включающей далеко не всю оккупированную немцами белорусскую территорию, а лишь Вильно, Лиду, Щучин, Гродно,

Волковыск и Соколку (кажется всё), количество белорусского населения было таково, что должно быть в Тарибе представительство... десятикратное против предлагаемого литовцами» [7, с. 138].

Таким образом, после Февральской революции в германской политике ослабления России появилась тенденция размежевания литовского и белорусского вопросов. Однако, несмотря на активизацию белорусского национального движения весной 1917 г. белорусский вопрос не стал самостоятельным в германской восточной политике. В Берлине была сделана ставка на использование литовского национального движения, которое рассматривалось как более сильное. Оккупированные западно-белорусские земли служили разменной картой в литовской политике Германии и планировавшихся сепаратных переговорах с Россией.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики России (далее АВРП). – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
2. Гімжаускас, Э. Беларускі фактар утварэння сучаснай літоўскай дзяржавы. 1915–1917 гг. / Э. Гімжаускас // Гістарычны альманах. – Гародня : Беласток, 2005. – Т. 11. – С. 57–70.
3. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
4. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
5. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
6. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
7. Собственоручные показания А. И. Луцкевича 30 октября 1939 г. / Неман. – 1995. – № 1. – С. 128–166.
8. Луцкевіч, Антон. Барацьба за вызваленне. – Антон Луцкевіч / Вільня : Інстытут беларусістыкі ; Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства. – 2009. – 649 с.
9. Вольная Беларусь, 1917, 8 снежня.
10. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
11. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
12. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
13. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў : у 4 т. / склад. : А.Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С.М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2008. – Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 снежня 1919 г. – 539 с.

14. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 800 с.

15. Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Сборник документов: в 2 т. / Ред. коллегия: С. Дернберг и др. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 1. – 758 с.

16. АВПР. – Ф.Канцелярия. – Оп. 470. – Д. 66. –Т. 11. – Л. 432, 471.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

А. И. Корсак

Полоцкий государственный университет, г. Полоцк

**ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ
ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ 1944–2014 ГОДОВ:
К ВОПРОСУ ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
ПОГИБШИХ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ**

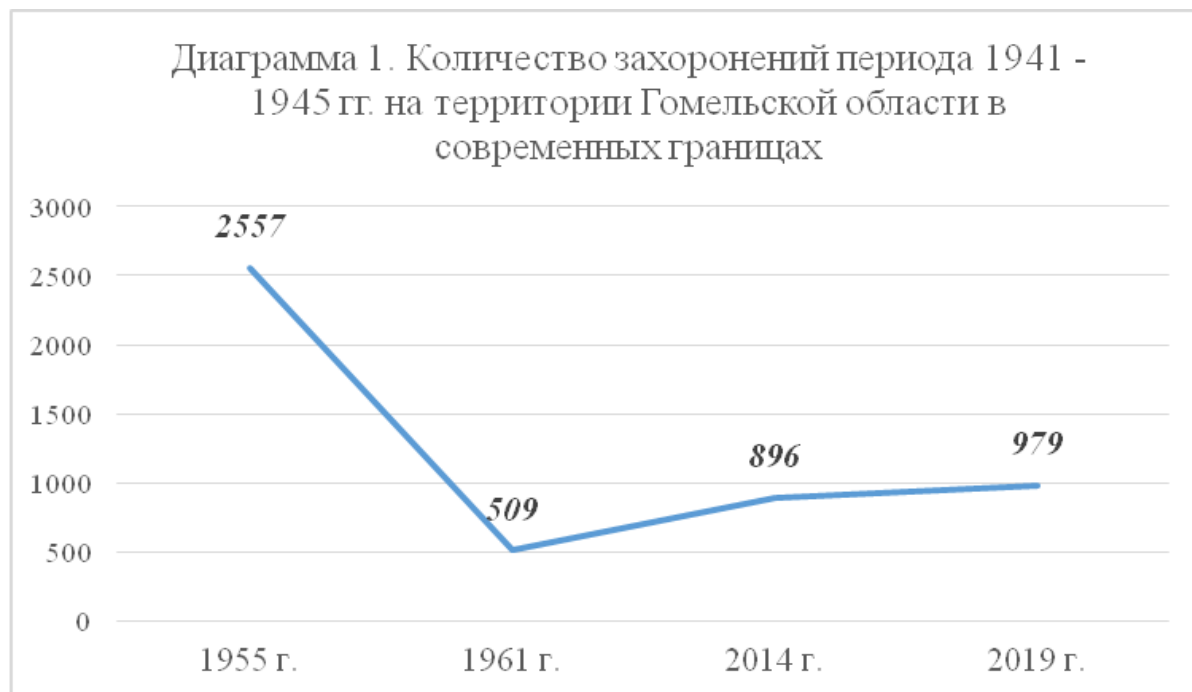
В данной статье впервые введены в научный оборот архивные данные по Гомельской области в сравнительной характеристике, касающиеся количества воинских захоронений и мест массового уничтожения мирного населения в годы нацистской оккупации 1941–1944 гг. На основе официальных данных 1985 г. и 2014 г. показан процесс увековечения памяти погибших в 1941 г. на территории Гомельщины.

Материалы Управления по увековечению памяти Министерства обороны Республики Беларусь, к сожалению, не содержат конкретизирующей информации по году убийства захороненных в той или иной братской могилы. В каталоге 2014 г. все захоронения по хронологическому принципу определены периодом Второй мировой войны [2]. Более точную информацию исследователю дает издание «Свод памятников истории и культуры» в данном случае по Гомельской области [1]. В ходе анализа имеющейся информации проделана работа по выборке захоронений 1941 г. Но, на территории области, в принципе, как и по всей Беларуси, большой процент смешанных захоронений 1941–1944 гг.

Прежде чем перейдем непосредственно к раскрытию темы исследования следует ввести в научный оборот несколько цифр по Гомельской области (Диаграмма 1), которые говорят о масштабности военных действий, касаемо потерь, периода Великой Отечественной войны на разных ее этапах, а также о жестокости нацистской оккупации по отношению к мирному населению.

Представленные в диаграмме 1 цифры захоронений периода 1941–1945 гг. в современных границах Гомельской области (сформирована согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1954 г. «Об упразднении Барановичской, Бобруйской, Пинской, Полесской и Полоцкой областей Белорусской ССР) начиная

с 1955 г. раскрывают процесс увековечения памяти погибших в период Великой Отечественной войны.

[составлена автором на основе данных Государственного архива общественных организаций Гомельской области и Управления по увековечению памяти Министерства обороны РБ].

На Гомельщине, как и по всей территории Беларуси, политика республиканских, областных, городских и районных органов власти начиная с 1944 г. была направлена сначала на учет и благоустройство захоронений, затем на перезахоронение из «неудобных мест первичного захоронения» и укрупнение братских могил. Поэтому цифры 1955 г. и 1961 г. имеют разницу в сторону уменьшения количества захоронений непосредственно как итог политики их укрупнения. Данные 2014 и 2019 гг. также разнятся, связано это в первую очередь с тем, что в процессе реализации Государственной программы на 2015–2020 гг. выявляются новые ранее не учтенные захоронения и это больше всего относится к тем захоронениям, которые расположены на гражданских кладбищах и местах уничтожения мирного населения (в частности, еврейской национальности).

Итак, по данным 1985 г. все захоронения, отнесенные к 1941 г., разделены на несколько групп, представленных в количественном отношении в таблице 1.

Таблица 1 – Классификация и количество захоронений 1941 г. по Гомельской области (по данным 1985 г.)

Классификация	Общее кол-во	Кол-во захороненных, чел.
Братская могила жертв фашизма и подпольщиков	1	203
Братская могила комсомольцев	1	7
Братская могила партизан	1	3
Братская могила советских воинов и жертв фашизма	1	53
Братская могила советских летчиков	1	3
Братская могила советских моряков	1	8
Братская могила подпольщиков	2	20
Индивидуальные могилы	6	6
Братская могила советских воинов	7	53
Могила жертв фашизма	9	5055
ИТОГО:	30	5411

Исходя из приведенных данных в таблице 1 на территории Гомельской области имеется 30 захоронений общим количеством захороненных в них 5 411 человек.

Следует отметить, что, исходя из данных 1985 г. и 2014 г., 9 мест не паспортизированы, т. е. не поставлены на учет (таблица 2). Но еще раз оговоримся, что это данные на момент 2014 г. Ситуация по учету захоронения периода 1941–1945 гг. изменяется ежедневно. Но тем не менее обратить на них внимание нужно. В некоторых случаях идет процесс подмены понятий, когда памятник, например, комсомольцам воспринимается как место памяти события, но не как захоронение. В каждом отдельном случае нужен более подробный и углубленный анализ, чтобы не допустить очередной ошибки.

Таблица 2 – Неучтенные захоронения 1941 г. в сравнительной характеристике по данным 1985 г. и 2014 г.

Район	Населённый пункт	Месторасположение	Классификация захоронения	Дата	Количество	Дата установки памятника
Ветковский	Столбун	кладбище	ИМ	1941 г. август	1	1983 г. обелиск
Гомель	ул. Интернациональная урочище Новиковский Гай	урочище Новиковский Гай	БМ советских воинов и жертв фашизма	1941 г. июнь	53	1964 г. обелиск
Гомель	Прудковское кладбище	Прудковское кладбище	Могила жертв фашизма	1941 г. ноябрь	12	1962 г. обелиск
Добрушский	Антоновка	500 м на СВ от деревни	БМ советских воинов	1941 г.	2	1965 г. обелиск
Житковичский	Ленин	СВ окраина	БМ комсомольцев	1941 г. июль	7	1981 г. стела
Житковичский	Ленин	СВ окраина	ИМ	1941 г. июль	1	1981 г. стела
Кормянский	Рудня	около клуба	ИМ	1941 г.	1	1952 г. обелиск
Светлогорский	Славань	кладбище	БМ советских летчиков	1941 г. 08.07.	3	1960 г. обелиск
Чечерский	Чечерск	3 км от города слева от шоссе Чечерск - Заболотье	Могила жертв фашизма	1941 г. декабрь	1000	1954 г. скульптура женщины со спущенным флагом

Классификация захоронений согласно Указа Президента Республики Беларусь от 24 марта 2016 г. № 109 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» представлена *воинскими кладбищами, воинскими участками кладбищ, братскими и индивидуальными могилами* [5].

В советский период времени согласно архивным документам можно условно (т. к. документы, классифицирующие захоронения периода 1941–1945 гг., не были изданы) выделить *воинские кладбища, братские и индивидуальные могилы советских воинов и партизан, могилы мирного населения* (впервые появляется в 1948 г.) [4, с. 46–47, 99–100, 118–119 и др.]. И в первом и во втором случаях на первый взгляд невозможно определить без верификации данных кто захоронен. Тем и интересны для исследователя данные 1985 г., раскрывающие сущность захоронения.

Итак, рассмотрим более подробно захоронения, отнесенные к 1941 г.

В советский период времени при увековечении памяти жертв нацизма особо не конкретизировали кто непосредственно захоронен – или местные жители из числа белорусов, уничтоженные в ходе карательных операций, или еврейское население Беларуси, погибшее в ходе реализации нацистской политики геноцида. Из девяти «могил жертв фашизма» на территории Гомельской области четыре места имеют отношение к уничтожению еврейского населения. В данном случае самым полным сборником памятников геноцида евреев является издание М. Ботвинника, согласно материалам которого в том числе имеем возможность идентифицировать данные могилы.

Остальные пять мест – Гомель (Прудковское кладбище), Контакузовка Гомельского р-на, Ленин Житковичского р-на, Свержень Рогачевского р-на, Новоселки Хойникского р-на – имеют отношение к уничтожению мирного населения, вероятнее всего, уличенных в связи либо с подпольем, либо по каким-то другим причинам. Следует отметить, что эти захоронения по количеству человек не являются крупномасштабными.

Смешанными захоронениями являются братские могилы жертв фашизма и подпольщиков (Добруш), где фиксируется по данным 1985 г. 184 человека из числа мирного населения и 19 подпольщиков (по данным 2014 г. общее количество захороненных 203 человека, из них известно 86 человек), а также братская могила советских воинов и жертв фашизма (Гомель по ул. Интернациональной в урочище Новиковский Гай), где в июне 1941 г. были уничтожены 8 советских зенитчиц и 45 жертв нацизма (по данным 2014 г. не фиксируется захоронение).

Количество индивидуальных могил соответствуют шести, из них в четырех захоронены советские воины, все являются неизвестными. Для 1941 г. это характерно, т. к. восстановить имена не представляется возможным по разным причинам: по именованным спискам воинских частей как правило они числятся без вести

пропавшими, при захоронении погибших солдат местными жителями личные документы либо были захоронены вместе с телом (соответственно, чтобы установить фамилии необходим поиск первичного места захоронения с последующей эксгумацией и идентификацией личности), либо были утеряны со временем.

В двух остальных индивидуальных могилах – Ленин Житковичского р-на и Глинице Хойникского р-на – захоронены «советский патриот» (как указано по данным 1985 г.) Олейник Нахман Вольфович (документов по ОБД «Мемориал» не найдено, поэтому приходится доверять единственному на данный момент источнику информации), погибший в июле 1941 г., и партизанка Борисова Мария Александровна, расстрелянная в 1941 г. нацистами.

Хотелось бы немного уделить внимания М. А. Борисовой в распоряжении исследователя имеются документы ЦАМО (ОБД «Мемориал»), которые опровергают данные 1985 г., где датой гибели фиксируется 1941 г. В 1959 г. розысками сестры занимался брат Борисов Илья Александрович, который свои обращения отсылал в различные инстанции. Согласно полученным данным, уроженка д. Глиняны Скидельского р-на Гродненской области Борисова Мария Александровна (1923 г. р.) накануне Великой Отечественной войны закончила курсы трактористов в г. Сморгонь. Далее связь с родственниками была прервана. По данным, полученным ими из Центрального партийного архива Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС от 15 августа 1958 г., известно, что «сестра с 15 апреля 1942 г. по 7 мая 1942 г. являлась курсантом оперативно-учебного центра Западного фронта в г. Москве, а после окончания курса обучения была направлена в распоряжение штаба 3-й Ударной Армии» [3]. Учетная карточка индивидуальной могилы д. Глинице Хойникского р-на Гомельской области свидетельствует о гибели М. А. Борисовой в 1943 г. Соответственно, в сборе памятников истории и культуры на с. 350 ошибочно указан «1941 год» [1, с. 350].

В Гомельской области имеется семь захоронений, классифицируемых как братские могилы советских воинов с общим количеством захороненных 53 человека – от 2 до 19 человек в могиле. Если смотреть на данные 2014 г., то неизвестными (не персонифицированными) остаются четыре захоронения – Гадичево Гомельского р-на (БМ № 1991), Красный партизан Добрушского р-на (БМ № 2106), Грабов Петриковского р-на (БМ № 3666) и Хвойник Рогачевского р-на (БМ № 3895). В остальных случаях: Антоновка Добрушского р-на является на 2014 г. не учтенной (требует отдельного исследования), а БМ №№ 2105

(Красная Буда Добрушского р-на) и 3665 (Боричев Петриковского р-на) – практически на 100 % известны имена захороненных [2].

Оставшиеся шесть захоронений – братские могилы комсомольцев, партизан, подпольщиков, советских летчиков и моряков – общим количеством 41 человек (по данным 1985 г.), из них на момент 2014 г. на 90 % персонифицированы.

Таким образом, на территории Гомельской области из общего количества воинских захоронений и мест массового уничтожения на 1941 г. приходится 29 захоронений, индивидуальная могила М. А. Борисовой, согласно документам, относится к 1943 г. Опыт работы по Гомельской области показывает, что при верификации воинских захоронений и мест массового уничтожения мирного населения важно привлекать широкий круг источников, которые требуют тщательного анализа.

Список источников и литературы

1. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. кол. : С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш. – Мн. : Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1985. – 383 с.

2. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Гомельская область / сост. О. В. Ломейко. – Мн. : Рекхауз, 2014. – 312 с.

3. Свидетельские показания гражданина Борисова Ильи Александровича // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 977532. Д. 18. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70723072&p=67>. Дата доступа: 20. 10. 2019 г.

4. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. Документы и материалы / ред. кол. В. И. Адамушко и др. – Минск : НАРБ, 2008. – 302 с.

5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1954 г. «Об упразднении Барановичской, Бобруйской, Пинской, Полесской и Полоцкой областей Белорусской ССР». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.archives.gov.by/index.php?id=989746>. Дата доступа: 20. 10. 2019 г.

6. Учетная карточка воинского захоронения. Одиночная могила д. Глинице Хойникского района Гомельской области. 15 ноября 1991 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261809250>. Дата доступа: 20. 10. 2019 г.

Н. Н. Мезга

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

А. А. ГРОМЫКО И ФОРМИРОВАНИЕ ЯЛТИНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассмотрены основные этапы формирования Ялтинской системы международных отношений. В этой связи проанализированы решения ряда международных конференций периода 1943–1945 гг., в подготовке и проведении которых принимал участие А. А. Громыко. Именно на этих конференциях были приняты решения, которые легли в основу миропорядка, установившегося после Второй мировой войны.

В 1939 г. А. А. Громыко был направлен на дипломатическую работу и вскоре занял пост советника советского посольства в Вашингтоне. С 1943 г. он являлся послом СССР в США, а в 1946–1948 гг. – полномочный представитель СССР в ООН. Занимая указанные посты, А. А. Громыко являлся активным участником событий, связанных с формированием новой, Ялтинской системы международных отношений, которая определяла миропорядок от окончания Второй мировой войны до распада социалистического лагеря на рубеже 80-х и 90-х годов XX в. После достижения коренного перелома во Второй мировой войне лидеры стран антигитлеровской коалиции начинают все больше внимания уделять проблемам послевоенного устройства мира. Впервые масштабно эти проблемы были обсуждены на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 г. Британская делегация внесла на рассмотрение вопрос о политике великих держав в отношении Польши, Дунайских и Балканских государств [1, с. 18], стремясь достичь соглашения по этим проблемам до того момента, когда войска Красной Армии вступят на их территорию. Американскую делегацию во время конференции наиболее волновал германский вопрос. Американцы отстаивали идею ослабления централизации Германии и ослабления влияния Пруссии. Советская делегация заявила, что она не готова к обсуждению вопроса о расчленении Германии [1, с. 181]. Несмотря на имевшиеся разногласия между участниками конференции, она показала готовность к сотрудничеству Москвы, Вашингтона и Лондона по вопросам послевоенного устройства мира. Наиболее

ярким примером этого может служить Декларация по вопросу о всеобщей безопасности, которая заложила основы ООН [1, с. 346–348]. Итоги конференции были положительно восприняты всеми странами-участниками. Ф. Рузвельт в послании У. Черчиллю назвал конференцию «подлинным началом британо-российско-американского сотрудничества» [2, с. 290]. Но Московская конференция фактически носила характер подготовительного мероприятия к предстоящей встрече «большой тройки».

В подготовке Тегеранской конференции А. А. Громыко как советник, а затем посол СССР в США принимал непосредственное участие. При вручении верительных грамот новым советским послом Ф. Рузвельт повел разговор о предстоящей встрече руководителей стран антигитлеровской коалиции в Тегеране. Как посол СССР А. А. Громыко 5 ноября 1943 г. передал Ф. Рузвельту послание И. Сталина, в ответ на которое американский президент дал согласие прибыть в Тегеран, чтобы встретиться с главами СССР и Великобритании [3, с. 103–104].

Из проблем послевоенного устройства мира на Тегеранской конференции были обсуждены вопросы создания ООН, германский и польский вопросы. Особый интерес к созданию международной организации по поддержанию мира проявлял президент Ф. Рузвельт. Но в Тегеране по этому вопросу состоялся лишь общий обмен мнениями. Что касается германского вопроса, то английская и американская делегация предложили план расчленения Германии. Правда, англичане относились более сдержанно к этой идее. У. Черчилль считал целесообразным отделение Пруссии и включение Южной Германии в состав проектируемой им Дунайской федерации [2, с. 306]. План расчленения Германии не нашел поддержки у И. Сталина и на конференции по германскому вопросу никаких конкретных решений принято не было [4, с. 166]. При обсуждении польского вопроса американская делегация была относительно пассивной по сравнению с английской и советской. США и Великобритания стремились добиться восстановления отношений между польским правительством в Лондоне и СССР. Однако советская делегация противилась этому, мотивируя свою позицию антисоветской политикой польского эмигрантского правительства [4, с. 164]. Важное значение на конференции имел вопрос о польских границах. СССР настаивал на безусловном признании включения в его состав Западной Беларуси и Западной Украины. Польша должна была получить компенсацию за счет германских земель. В принципе, западные союзники СССР, в первую очередь, Великобритания,

согласились с данным изменением границ. Кроме того, У. Черчилль и Ф. Рузвельт согласились передать СССР Кёнигсберг [4, с. 167]. Беседа с А. А. Громыко по итогам Тегеранской конференции, Ф. Рузвельт подчеркнул: «У меня установились хорошие отношения со Сталиным» [5, с. 139]. Взаимопонимание лидеров двух ведущих государств антигитлеровской коалиции имело важное значение для установления новой системы международных отношений.

Международная конференция, обсуждавшая послевоенное устройство мира, в которой А. А. Громыко принимал непосредственное участие, проходила в Думбартон-Оксе (Вашингтон) с 21 августа по 7 октября 1944 г. Он был главой советской делегации. На конференции обсуждалось создание международной организации безопасности. А. А. Громыко предложил сначала выработать основные принципы функционирования будущей организации на основе советского меморандума по этому вопросу от 12 августа 1944 г. Он определял в качестве целей будущей организации поддержание всеобщего мира и безопасности путем принятия коллективных мер для предотвращения агрессии. Решающая роль при принятии решений, направленных на противодействие агрессии, отводилась Совету Безопасности, и предусматривался принцип единогласия его постоянных членов при принятии решений о применении санкций [6, с. 301–302]. Дипломатические усилия А. А. Громыко способствовали тому, что советские предложения относительно состава Совета Безопасности, его функций были приняты на конференции. Однако до конца не был решен вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности. Для достижения компромисса А. А. Громыко встречался с президентом Ф. Рузвельтом, но американская сторона продолжала настаивать на формуле, согласно которой постоянный член Совета Безопасности, участвовавший в конфликте, не мог воспользоваться правом вето [3, с. 158–159]. Президент Ф. Рузвельт в беседе с А. А. Громыко высказал опасения, что из-за привилегий, которые получают великие державы, малые государства откажутся от участия в международной организации [2, с. 577]. Для СССР возможность использовать право вето при решении всех вопросов в Совете Безопасности была принципиально важна, т. к. советское руководство исходило из того, что в этом органе СССР будет один противостоять капиталистическим странам. В такой ситуации право вето рассматривалось как важнейший инструмент отстаивания советских интересов. Участники конференции отмечали твердость, с которой А. А. Громыко отстаивал советскую позицию по вопросу голосования

в Совете Безопасности. Глава английской делегации А. Кадоган писал, что попытки давления никак не действовали на Громыко [6, с. 305]. Сам глава советской делегации, отмечая, что в Думбартон-Оксе вопрос о единогласном принятии решения постоянными членами Совета Безопасности не был решен, высказывал убеждение в неизбежном изменении позиции США и Великобритании по этому вопросу [2, с. 378]. Его прогноз оказался во многом верным.

Именно на конференции в Думбартон-Оксе советская делегация во главе с А. А. Громыко впервые поставила вопрос о членстве союзных республик СССР, в том числе и БССР, в ООН [3, с. 157–158]. Советская делегация получила директиву из Москвы добиваться принятия в число государств – учредителей ООН всех 16 союзных республик. 28 августа А. А. Громыко озвучил перед представителями США и Великобритании это предложение [2, с. 574]. Но на данной конференции данный вопрос не нашел окончательного разрешения.

Несмотря на то, что ряд вопросов, касающихся деятельности международной организации по поддержанию мира, в Думбартон-Оксе не был согласован, эта конференция признается успешной, в том числе и в западной историографии. Она фактически открыла дорогу к созданию ООН. Именно в документах данной конференции было зафиксировано название Организация Объединенных Наций. По оценке А. А. Громыко, в Думбартон-Оксе было согласовано 90 % всего того, что касалось создания ООН [5, с. 292].

Важнейшим этапом в формировании основ послевоенного мира стала Ялтинская (Крымская) конференция, проходившая с 4 по 11 февраля 1945 г. Она дала название той системе международных отношений, которая сложилась в мире после окончания Второй мировой войны. Членом советской делегации на Ялтинской конференции являлся и А. А. Громыко. Он писал в своих мемуарах, что всем, кто присутствовал в Ливадийском дворце было ясно, что решения, которые здесь принимаются, имеют огромное значение для будущего Европы и всего мира [5, с. 226–227].

Главной на Ялтинской конференции являлась германская проблема. В Ялте никто из участников уже не настаивал на расчленении Германии. А. А. Громыко отмечал сложность вопроса о репарациях, делая вывод, что США и Великобритания противились получению Советским Союзом значительных репараций с Германии, чтобы, тем самым, замедлить темпы восстановления советской экономики [5, с. 227]. Конференция лишь зафиксировала общие принципы относительно взимания репараций с Германии, а для

выработки детального репарационного плана создавалась специальная комиссия [6, с. 338]. Несмотря на отдельные разногласия, по германскому вопросу были приняты важнейшие решения, направленные на денацификацию, демократизацию и демилитаризацию этой страны.

Польский вопрос на Ялтинской конференции включал два основных пункта: о границе и о правительстве Польши. Советская делегация исходила из того, что Польша должна отказаться от Западной Беларуси и Западной Украины и в качестве компенсации получить германские территории. Проведение польско-советской границы по «линии Керзона» поддержал У. Черчилль [6, с. 349]. Острые разногласия возникли по вопросу признания союзниками правительства Польши. На конференции была принята советская точка зрения. США и Великобритания в качестве легитимного правительства Польши фактически признали созданное Москвой временное правительство Польши, которое предполагалось лишь пополнить «включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». С новым временным правительством национального единства США и Великобритания обязались установить дипломатические отношения [7, с. 251]. Эти решения означали, что Польша должна была оказаться в советской сфере влияния.

На Ялтинской конференции нашли свое решение и вопросы послевоенного устройства на Дальнем Востоке. Предусматривалось сохранение независимости Монгольской Народной Республики, возвращение СССР южной части Сахалина и передача всех Курильских островов. СССР получил право на аренду Порт-Артура и совместную с Китаем эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог [7, с. 273]. Эти решения вели к значительному усилению геополитических позиций СССР на Дальнем Востоке.

Участники Ялтинской конференции обсудили и оставшиеся нерешенными в Думбартон-Оксе вопросы, связанные с созданием ООН. К моменту встречи «большой тройки» в Ялте уже был решен вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности. СССР согласился с предложенным Ф. Рузвельтом вариантом, который предусматривал, что постоянные члены Совета Безопасности не участвуют в голосовании, если они являются заинтересованной стороной в конфликте, и он может быть урегулирован без применения санкций [3, с. 171–172, 176–177]. На конференции было принято решение о приглашении в состав ООН Украинской и Белорусской

советских республик. Поддержку данному советскому предложению оказал У. Черчилль, заинтересованный в том, чтобы и Британские доминионы стали учредителями ООН. Оценивая итоги конференции, А. А. Громыко писал в своих мемуарах, что в Ялте три державы торжественно согласились действовать в духе сотрудничества как в доведении войны до победы, так и в строительстве послевоенного мира [5, с. 238].

Перед международной конференцией в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) стояла задача завершить процесс создания ООН. Главой советской делегации был назначен нарком иностранных дел В. М. Молотов, но по ходу работы конференции его фактически заменил А. А. Громыко. На конференции ряд делегаций внесли поправки, которые перечеркивали соглашения, достигнутые в Думбартон-Оксе, и пытались поставить Совет Безопасности под контроль Генеральной Ассамблеи, передать ей права, которые предполагались для Совета Безопасности. А. А. Громыко высказал мнение, что президент Г. Трумэн дал американской делегации указания, которые шли в разрез с ялтинскими решениями [5, с. 303]. После острых дискуссий во многом благодаря настойчивости и твердости позиции советской делегации конференция сохранила подходы, определявшие структуру и функции Совета Безопасности, которые были выработаны в Думбартон-Оксе. В вопросе о голосовании в Совете Безопасности были сохранены в целом положения, выработанные в Ялте [8, с. 444]. Фактически была закреплена идея о главной ответственности ведущих стран Антигитлеровской коалиции за поддержание мира. А. А. Громыко отмечал, что принятие решений на самой конференции происходило главным образом на совещаниях представителей пяти великих держав. Он считал это вполне оправданным и высказывал мнение, что прийти к согласованным решениям было бы гораздо сложнее на общих собраниях [2, с. 588]. 26 июня 1945 г. А. А. Громыко от имени СССР подписал Устав ООН.

Завершающим этапом формирования основ послевоенной системы международных отношений стала Потсдамская конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.). А. А. Громыко входил в состав советской делегации как посол Советского Союза в США. Центральной на конференции была германская проблема. Руководители СССР, США и Великобритании согласовали принципы, согласно которым Германия должна была оставаться единым демократическим и миролюбивым государством. Намечалось

провести демилитаризацию и демократизацию Германии. Был достигнут компромисс по репарационному вопросу.

Конференция утвердила территориальные изменения в Европе. СССР передавался Кенигсберг и прилегающие территории Восточной Пруссии. Граница между Германией и Польшей устанавливалась по линии Одера и Нейсы. Также Польша получала часть Восточной Пруссии. При этом была сделана оговорка, что окончательно вопрос о границах Польши будет решен на конференции по мирному договору с Германией. При обсуждении ситуации в странах Восточной Европы, США и Великобритания сняли свои требования относительно политических изменений в них и фактически согласились с установлением там советского влияния. Характерно, что в беседе с У. Черчиллем И. Сталин высказал неудовольствие тем, что США ставят вопрос об изменении правительств в Болгарии и Румынии, при том, что он не вмешивается в греческие дела [9, с. 662]. Тем самым подтверждая тезис об установлении сфер влияния как одним из элементов послевоенного устройства. В целом, решения Потсдамской конференции в большей степени отражали именно советский взгляд на послевоенное устройство Европы.

Список источников и литературы

1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) : сборник документов. – М. : Политиздат, 1978. – 384 с.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 8. – 864 с.

3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 2. – 496 с.

4. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании : сборник документов. – М. : Политиздат, 1978. – 198 с.

5. Громько, А. А. Памятное : в 2 ч. – 2-е изд., доп. / А. А. Громько. – М. : Политиздат, 1990. – Ч. 1. – 512 с.

6. Исраэлян, В. Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945) / В. Л. Исраэлян. – М. : Международные отношения, 1985. – 480 с.

7. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г. : сборник документов. – М. : Политиздат, 1979. – 302 с.

8. Конференция Объединенных наций в Сан-Франциско. 25 апреля – 26 июня 1945 г. : сборник документов. – М. : Политиздат, 1980. – 710 с.

9. Черчилль, У. Вторая мировая война : в 3 кн. / У. Черчилль. – М. : Воениздат, 1991. – Кн. 3. – Т. 5–6. – 702 с.

УДК 94:327.7:008(476+438)19/20

Л. В. Гавриловец

МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СЛУЖБ
В РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИХ КУЛЬТУРНЫХ
КОНТАКТОВ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)**

В статье рассматривается деятельность общественных объединений и дипломатических служб Польши и Беларуси в области культуры. Выявлены особенности польской и белорусской общественной дипломатии в области реализации культурной политики. Определено, что стратегия развития зарубежных связей разрабатывается совместно с городами-партнерами и реализуется на основе долговременных соглашений.

Огромную роль в развитии культурных белорусско-польских контактов отыгрывают общественные организации Польши. Среди них самая крупная организация белорусского меньшинства в Польше – Белорусское общественно-культурное товарищество (БОКТ). Польско-белорусское культурное сотрудничество в рамках деятельности БОКТ осуществляется на уровне обмена фольклорными коллективами (финансирование происходит частично за счет белорусской стороны), организации культурных мероприятий и научных конференций, издания литературы. В белорусских фольклорных фестивалях на Белосточчине принимают участие до 10 коллективов и несколько сотен зрителей. Традиционные участники таких фестивалей коллективы из г. Бельска «Маланка», «Васілёчки», «Хлопцы-рыбалоўцы» и другие [8, с. 12].

Товарищество также проводит такие мероприятия как общепольский фестиваль «Беларуская песня», «Свята беларускай культуры», «Купалле», «Агляд абрадавых калектываў», белорусские фестивали на Белосточчине, конкурсы для детей и молодежи, изучающих белорусский язык в школах Белостока. Фестиваль «Беларуская песня» ежегодно проводится в ряде городов Польши, но заключительные мероприятия – в г. Белостоке. Как правило, фестиваль собирает до 3 тыс. зрителей, а на «Купалле» в м. Беловежу приезжает и того больше, до 10 тыс. человек, в том числе из Беларуси [1, s. 154].

При содействии Белорусского общественно-культурного товарищества Министерством культуры Беларуси в 1997–2000 гг. были подготовлены и переданы сценические костюмы фольклорному коллективу «Маланка» Бельского дома культуры, народному хору Гайновского дома культуры, фольклорному коллективу д. Огородники, молодежному эстраднему коллективу «Белавежа»; организовано участие Государственного академического народного хора имени Г. Цитовича в концертных выступлениях, проходивших в Бельске и Белостоке. С белорусской стороны также была оказана информационная и методическая помощь. В течение 1995–1999 гг. БОКТ были переданы видео- и аудиокассеты с записями народной, классической и эстрадной музыки, оформлена подписка на десять белорусских периодических изданий тиражом 278 экземпляров, передано свыше 800 экземпляров учебников и пособий для школ и лицеев с белорусским языком обучения. В 2003–2004 гг. переданы 540 книг из Национальной библиотеки Республики Беларусь, восемь видеофильмов на белорусском языке, а также 78 единиц музейных экспонатов Гродненского государственного историко-археологического музея были переданы Музею и центру белорусской культуры в Гайновке [5, с. 90].

В 2000–2001 гг. при участии Товарищества «Польша – Беларусь» в Варшаве, Конине, Пилаве, Гарволине выступали известные белорусские вокально-инструментальные коллективы «Купалинка», «Пуховчанка», «Немига», «Чистый голос»; во время проведения Дней белорусского фильма (2001, 2004, 2006 гг.) в ряде польских городов демонстрировались белорусские кинофильмы «Анастасия Слуцкая», «В августе 44-го». Среди важных культурных мероприятий, прошедших на территории Польши следует отметить Фестиваль песни объединенной Европы с участием белорусских исполнителей (май 2001 г., Зелёна-Гура), концерт Государственного оркестра Республики Беларусь под руководством М. Финберга,

который состоялся 27 апреля 2005 г. в Королевском дворце Варшавы, а также прошедший 21 октября 2006 г. во дворце–музее короля Яна III Собеского в Вилянове концерт средневековой музыки. Члены товарищества также принимают участие в культурных и патриотических мероприятиях Беларуси. Среди них открытие мемориальной доски С. Монюшки в Минске; празднования, посвященные 200-летию со дня рождения А. Мицкевича, 60-й годовщине победы над фашизмом (Минск, Гродно, п. Ленино Могилевской обл.), 260-й годовщине со дня рождения Т. Костюшки (дом-музей у. Меречёвщина Брестской обл.) [9, с. 70; 10, с. 155].

Необходимо также отметить заметный вклад белорусских посольства и консульств в Польше в реализации проектов культурного обмена между странами. Так, в середине января 2003 г. варшавским отделом БОКТ при помощи Посольства Беларуси в Польше был организован белорусский новогодний бал, участие в котором приняли более 300 человек, тем самым после двухлетнего перерыва произошло возобновление традиций совместной встречи Нового года по старому стилю белорусами Польши. 5 июля 2003 г. заместитель министра иностранных дел Беларуси А. Герасименко, посол П. Латушко и Генеральный консул Беларуси в Белостоке Л. Коровайко приняли участие во встрече с руководством БОКТ. Во время встречи председатель главного управления товарищества Я. Сычевский проинформировал о положении белорусского меньшинства с учетом результатов переписи населения в Польше. Я. Сычевский подчеркнул важность для товарищества поддержки и развития конструктивных взаимоотношений с Беларусью, представил информацию на текущий год о запланированных около 80 культурно-массовых мероприятиях, о финансовом обеспечении организации.

А. Герасименко поздравил секретаря главного управления товарищества В. Ласкевич с вручением ей от имени Президента Беларуси А.Г. Лукашенко медали Франциска Скорины за многолетнюю деятельность в области развития белорусско-польского культурного сотрудничества и сохранения белорусского культурного наследия в Польше. Заместитель министра иностранных дел подчеркнул, что Беларусь будет и дальше максимально содействовать сохранению и развитию белорусского этнического меньшинства в Польше и высказал надежду, что сокращение статистической численности белорусов Польши не приведет к уменьшению финансовой поддержки культурной и просветительской деятельности польских белорусов. В ходе встречи была отмечена необходимость

дальнейшего сотрудничества влиятельной организации белорусов Польши и государственных учреждений Беларуси [2, с. 61].

В 2004–2005 гг. белорусские консульские учреждения в Польше оказали содействие в организации поездки группы представителей товарищества в Беларусь для ознакомления с историческими и памятными местами г. Минска, проведении Дней белорусского кино, Дней белорусской культуры в Подляском воеводстве, в рамках которых прошли показы художественных и документальных фильмов в Белостоке, Гайновке, Бельск-Подляском, состоялся Белорусский народный фестиваль в Сокулках, Стрыках, Черемхе. В мероприятиях Дней белорусской культуры, прошедших 22–25 мая 2004 г., приняли участие фольклорные и профессиональные коллективы из городов и деревень Подляшья, которые исполняли белорусские народные и современные песни. В концертах участвовал белорусский ансамбль «Грымата» из Слонима, состоялся конкурс театральных коллективов начальных школ и гимназий Подляшья. Победитель конкурса – коллектив начальной школы № 4 г. Белостока, получил почетный приз от имени Генерального консульства Беларуси [3, с. 88].

В наибольшей степени культурные контакты поддерживались на белорусско–польских приграничных территориях. Так, еще в феврале 1995 г. руководство Гродненского облисполкома заключило соглашение о развитии культурных связей с властями Сувалковского воеводства. Затем 26 марта 1996 г. соглашение о культурном сотрудничестве на 1996–1998 гг. подписали управление культуры Гродненского облисполкома и отдел культуры, спорта и туризма воеводской управы в Белостоке, а в 1997 г. был заключен договор о культурной деятельности между Брестской областью и Бяло-Подляским воеводством. В июне 1999 г. по итогам визита в Брест руководителя воеводского сейма Люблинского воеводства К. Михальского была создана рабочая группа по подготовке Соглашения о сотрудничестве между Брестской областью и Люблинским воеводством.

В рамках партнерских отношений между белорусскими и польскими городами на основе заключенных договоров и соглашений о сотрудничестве и партнерстве осуществлялся постоянный обмен творческими коллективами между Кобрином и Мендзыжец-Подляский (договор от 12 декабря 2000 г.), Барановичами и Бяла-Подляской (соглашение от 16 мая 2001 г.). С 10 по 13 июня 2003 г. во Вроцлаве (Нижнесилезское воеводство) проходил фестиваль белорусской культуры, ставший первым масштабным мероприятием, реализованным в рамках подписанного договора о партнерском

сотрудничестве между Гродно и Вроцлавом. Фестиваль проходил под патронатом министра культуры Польши В. Домбровского и при поддержке Посольства Беларуси в Польше. В его рамках были организованы выставки работ гродненских художников и фотографов, с большим успехом выступили камерный хор Гродненской капеллы и барды, состоялось представление артистов кукольного театра [6, с. 469].

Примером культурного взаимодействия двух сторон являлось участие польской делегации библиотекарей в праздничных мероприятиях, состоявшихся в 2004 г. в Бресте под названием «Буг не делит». Брест посетила делегация библиотекарей из Бяло-Подляской городской публичной библиотеки, которые уже на протяжении 15 лет сотрудничали с коллегами из Брестской областной библиотеки имени М. Горького. Польские коллеги помогали пополнять фонд отдела краеведческой литературы и библиографии Брестской областной библиотеки редкими экземплярами [4, с. 67]. Следовательно, региональные соглашения создали прочный фундамент для сотрудничества в культурной сфере, тем самым расширяя возможности, заложенные в межправительственных соглашениях.

Создание еврорегионов также способствовало культурному развитию их участников. Культурные контакты являлись одной из функций еврорегионов «Неман», «Беловежская пуца», «Буг», возникших на белорусско-польском пограничье. Так, культурные связи в еврорегионе «Буг» регулировались в рамках рабочей группы «Образование, здравоохранение, культура, спорт и туризм», в состав которой вошли представители каждой стороны. В рамках еврорегиона «Беловежская пуца» представители Пружанского района ежегодно заключали договоры с культурными центрами г. Гайновка, м. Наревка, м. Беловежа, которые предусматривали проведение обменных концертов, участие в народных праздниках, проведение творческих конференций по развитию самобытной культуры и фольклора. Белорусскими и польскими коллективами совместно проводились праздники «Ночь Купалы – легенды, традиции, обряды», «Свадебные обряды». Тесно сотрудничал с танцевальным коллективом «Перепелка» Гайновского Дома культуры народный ансамбль танца «Спадчына» Пружанского ГДК. В результате такого взаимодействия в репертуаре гайновского коллектива «Перепелка» появились «Русский перепляс», белорусские народные танцы «Крутуха» и «Весялуха», а в репертуаре «Спадчыны» – «Полонез». В 2006 г. коллективы Пружанского района приняли участие в польско-белорусском творческом проекте «Наша местность для

будущих поколений» [4, с. 67, 70]. Культурное сотрудничество в рамках евروهрегионов заметно обогатило духовную жизнь населения приграничных районов, содействовало духовному единству белорусского и польского народов, стали более разнообразными формы культурного сотрудничества и осуществлялось их стимулирование средствами ряда программ и проектов.

Кроме того в регионе «Беловежская пуца» представители двух государств сотрудничали по вопросам охраны культурно-природного наследия. Так, 12–13 апреля 2002 г. в Центре деревянного зодчества русскоязычного населения Подлясья в Беловеже прошел форум по охране культурно-природного наследия региона Беловежской пуцы в форме круглого стола. Участвовали в круглом столе свыше 40 человек, в том числе 13 представителей негосударственных организаций с белорусской части региона Беловежской пуцы. Проблематика белорусско-польского форума – охрана памятников, культурного ландшафта и культурных ценностей, в частности деревянной архитектуры региона Беловежской пуцы.

Участники определили четыре главные темы и существующие в их рамках проблемы, которые следовало решить в первую очередь. Во-первых, охрана традиционного культурного ландшафта региона. Здесь предусматривалась комплексная инвентаризация объектов (сакральных, промышленных, жилых построек, дорог, малой архитектуры, археологии), создание каталогов на CD-дисках и в Интернете. Во-вторых, сохранение традиционных форм хозяйствования, ремесел, искусства и культуры. В-третьих, использование культурно-природных ценностей региона Беловежской пуцы для развития туризма. В рамках данной проблемы следовало решить вопрос о создании погранперехода государственной границы для туристов на территории пуцы. В-четвертых, получение образования местным населением с целью сохранения архитектуры и культуры региона. Планировалось проведение популяризационных компаний: образовательных, информационных, промоционных. По итогам форума было принято решение провести инвентаризацию элементов культурно-природного наследия региона Беловежской пуцы с уделением особого внимания объектам материальной культуры. С этой целью была создана международная экспертная группа для разработки единой для всего региона Беловежской пуцы методики инвентаризации [7, с. 31–33].

В июле 2002 г. сформировалась рабочая группа, которая определила территории для проведения инвентаризации, разработала и подготовила доступные архивные материалы, а также программу

исследований. С польской стороны инвентаризационные работы проходили в гмине Дубичи Церковные, с белорусской стороны – Верховичский сельсовет. Исследования проходили на протяжении двух недель. Первая неделя – на территории гмины Дубичи Церковные, вторая неделя на территориях Верховичского и Дмитровичского сельсоветов. В работе приняли участие 17 человек, представители различных учреждений, которые профессионально занимаются разными аспектами культурных ценностей. Это Брестский областной общественно-культурный центр, ОО «Товарищество охраны памятников», ДМП «Брест-реставрация-проект», Научно-исследовательская лаборатория региональной культуры ГрГУ, Государственный национальный парк «Беловежская пуща», Подляский музей в Белостоке, Белостоцкий политехникум (сотрудники факультета архитектуры), Воеводский отдел службы охраны наследия в Белостоке и другие.

Изучение местности в совокупности составило 46 деревень, в которых проводился опрос населения с целью узнать как можно больше информации, связанной с историческими событиями, историей древнейших объектов, местным ремеслом и искусством. Проходили поиски наиболее старейших и ценных архитектурных объектов (сооружения, памятники, могильники), документально свидетельствовали (фотографировали) избранные объекты, наиболее ценные объекты детально инвентаризировали. Результаты работы – были найдены многочисленные ценные объекты, которые требовали охраны и включения в список памятников. К ним относятся: Свято-Покровская церковь, приходские могилки (Дубичи Церковные), усадьбы в деревнях Копылы, Каролин, Верховичи с комплексами строений, садов, сажалок (Верховичский сельсовет), д. Рожковка со строениями второй половины XIX в., жилыми домами конца XIX – начала XX в., д. Чwirки с 200-летними колодцами, строениями периода Первой мировой войны, д. Панасюки с памятным камнем периода Первой мировой войны (Дмитровичский сельсовет) [7, s. 43–46]. В целом же за первое полугодие 2006 г. на территории Польши было проведено более 30 различных мероприятий, инициированных белорусской стороной.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что все мероприятия, проведенные общественными организациями, местными органами власти внесли свой значительный вклад в обогащение представлений польской и белорусской общественности о культурных традициях двух стран. Была сформирована широкая договорно-правовая база культурного сотрудничества двух

государств, представленная договорами и соглашениями межгосударственного, межведомственного и межрегионального уровня. Интенсивность белорусско-польских культурных контактов свидетельствовала об общем стремлении двух государств укреплять как культурные, так научные и образовательные связи, расширять взаимодействие в решении общих проблем.

Список источников и литературы

1. Barwiński, M. Podlasie jako region pogranicza / M. Barwiński // *Studia z Geografii Politycznej i Historycznej*. – 2014. – Nr. 3. – S. 281–306.
2. Беларусь – Польшча. Двухбаковае супрацоўніцтва // *Вестник Министерства иностранных дел Республики Беларусь*. – 2003. – № 3 (26). – С. 86–89.
3. Беларусь – Польшча. Двухбаковае супрацоўніцтва // *Вестник Министерства иностранных дел*. – 2004. – № 2 (29). – С. 83–88.
4. Бурик, Е. А. Феномен добрососедства: культурные контакты в белорусско-украинском и белорусско-польском приграничье (конец XX – начало XXI в.) / Е. А. Бурик // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гіст. Эканом. Права*. – 2012. – № 2. – С. 65–74.
5. Дорняк, И. И. Использование потенциала белорусского и польского сообществ в развитии белорусско-польских связей / И. И. Дорняк // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія*. – 2010. – № 1. – С. 86–92.
6. Дорняк, И. Роль городов в развитии белорусско-польских региональных связей в 1991–2004 гг.: историография и источники / И. Дорняк // *Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: В. В. Даніловіч [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – С. 467–473.*
7. *Dziedzictwo kulturowe regionu Puszczy Białowieskiej – wybrane zagadnienia: wyniki polsko-białoruskich warsztatów inwentaryzacyjnych – lipiec 2002 / Praca zbiorowa pod red. H. Łapińskiej, M. Stepaniuka. – Białowieża-Kamieniuki : РТОР, 2003. – 192 s.*
8. Крэнь, І. Адносіны ўлады і насельніцтва да нацыянальнай супольнасці палякаў на Беларусі і беларусаў у Польшчы: гісторыя і сучаснасць / І. Крэнь // *Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności: матэрыялы XIV міжнар. навук. канф., Гродна, 26–27 кастр. 2006 г. / Пад рэд. С. Мусіенкі, І. Крэня. – Гродна : ГрДУ, 2007. – С. 8–13.*

9. Хмелиньски, Б. Деятельность Общества «Польша – Беларусь» в области науки, просвещения и культуры / Б. Хмелиньски // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2007. – № 1. – С. 70–71.

10. Хмеліньскі, Б. Удзел Таварыства Польшча – Беларусь у фарміраванні добрасуседскіх польска-беларускіх зносін / Б. Хмеліньскі // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2006. – № 3(27). – С. 150–157.

УДК 930(420+73):94(430)

И. И. Ковяко

БГПУ им. Максима Танка, г. Минск

ТЕВТОНСКИЙ СИНДРОМ В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Определена сущность и характерные черты тевтонского синдрома в англо-американской историографии германского вопроса. Выявлены аспекты германского урегулирования, при изучении которых исторический анализ сопровождался проявлением тевтонского синдрома. Установлены периоды особой актуализации тевтонской тематики на страницах публикаций британских и американских исследователей-германистов.

Атрибут «тевтонский» в литературе разных жанров – научной, научно-популярной, публицистической, художественной – традиционно ассоциируется с Германией и/или немецким национальным характером. Понятие *Furor Teutonicus* (тевтонская ярость) появилось во II в. после вторжения германских племен на Апеннинский полуостров и с того времени стало использоваться для обозначения воинственного духа, агрессивного поведения с целью установления контроля и господства. История XX века дважды продемонстрировала сокрушительную силу *Furor Teutonicus* и объективно способствовала возникновению тевтонского синдрома на страницах публикаций британских и американских историков-германистов в послевоенное время. Британский историк, сотрудник Лондонской школы экономики С. Моби писал, что стремление британского правительства сдержать немецкую угрозу редко обсуждается как фактор развития международных отношений в годы холодной войны. Однако если рассматривать эту проблему в историческом контексте, то становится очевидным следующее:

когда Германия была слабой и/или разделенной, англичане вовлекались в борьбу за влияние в центре Европы против других континентальных держав. В то же время сильная Германия традиционно возрождала страх перед тевтонской гегемонией [6, с. 11]. В данной статье, говоря о тевтонском синдроме в британской и американской историографии, мы будем иметь в виду, с одной стороны, совокупность положений и гипотез о влиянии тевтонского наследия на послевоенную Германию. С другой стороны – аналитические заключения авторов и практические рекомендации по выработке оптимальной германской политики Великобритании и США для минимизации рисков, связанных с тевтонским наследием.

Исследуя тевтонский синдром в послевоенной историографии, необходимо иметь в виду, что германский вопрос после Второй мировой войны представлял комплексную и многоуровневую проблему международных отношений. Он включал в себя целый спектр подвопросов, которые в определенные периоды холодной войны могли находиться на стадии активной проработки (например, подвопрос о статусе Берлина в конце 1960-х – начале 1970-х гг.), общей заморозки (подвопрос о послевоенных границах Германии) или «фасадного забвения» (подвопрос о германском единстве в 1970-е–1980-е гг.). Во время работы с первоисточниками удалось установить, что проявление тевтонского синдрома в работах британских и американских исследователей следовало определенной закономерности. Спектр вопросов, связанных с тевтонской тематикой, поднимался при изучении определенных аспектов германской проблемы и актуализировался на конкретном временном отрезке.

Первые свидетельства тевтонского синдрома были обнаружены на страницах публикаций второй половины 1940-х гг. Именно в этот период решалась судьба послевоенного экономического и политического устройства Германии. Социальная напряженность в разоренных войной и послевоенным кризисом немецких землях нарастала, одновременно углублялись противоречия между великими державами в деле германского урегулирования. Исследователи обращали внимание на тот факт, что *«немецкое сознание является больным»*, без принятия этого факта невозможно понять гитлеризм [4, с. 231]. В послевоенное время лишь 6% немцев признались, что испытывают чувство сострадания по отношению к жертвам боевых действий и оккупации. Американский исследователь Д. Родник связывал это с особенностями немецкого национального характера. В оккупационный период немцы сами чувствовали себя жертвами и поэтому не демонстрировали активного сочувствия к другим

жертвам. Существовали опасения, что тевтонский дух немцев может быть поставлен на службу интересам СССР. По замечанию Д. Миддлтона, западным союзникам необходимо постоянно помнить о принципиальном значении Германии в борьбе за Европу. никоим образом нельзя допустить, чтобы СССР использовал *«старые авторитарные инстинкты немцев»* для превращения Германии в коммунистическое государство [7, с. 296].

Образование ФРГ дополнительно актуализировало вопрос о политической культуре западногерманского государства и тевтонском компоненте в сознании как правящей элиты, так и миллионов граждан. Авторы сошлись во мнении, что нейтрализации тевтонского наследия в ФРГ способствовали, как минимум, два обстоятельства.

Во-первых, исключение из состава Западной Германии традиционных земель старой Пруссии, которые сформировали ядро ГДР. Теория «прусского милитаризма» – отчетливое свидетельство тевтонского синдрома – была весьма популярна в годы Второй мировой войны. Она во многом вдохновила Г. Моргентау и его сторонников на разработку планов в отношении послевоенной Германии. Сам глава Казначейства США открыто выражал сомнения в существовании объективной возможности *«привить немцам любовь к демократии»* [8, с. 153]. Последователи теории «прусского милитаризма» полагали, что именно отделение воинственной Пруссии от миролюбивых Рейнланда и Баварии поможет решить проблему тевтонского духа в послевоенной Германии [14, с. 9]. Профессор Джорджтаунского университета А. Стент отмечала, что для Пруссии всегда была характерна ориентация на Россию, в то время как другие германские земли ориентировались на развитие контактов с западными странами [11, с. 64]. С этой точки зрения личность Конрада Аденауэра как нельзя лучше подходила на должность главы правительства ФРГ. Исследователь В. Чемберлен в своей работе «Германский феникс» (1963) с удовлетворением отметил тот факт, что канцлер не являлся представителем прусской аристократии, его фамилия не содержала приставки *«von»*, а военная pompa и церемониал оказались ему чужды [1, с. 103]. Вместе с тем, при изучении данного аспекта германской проблемы, авторы напоминают о том, что характерной чертой немецкого характера и поведения по-прежнему является амбивалентность [15, с. 12].

Вторым фактором, который способствовал снижению риска, стала масштабная финансовая помощь США и экономическое возрождение ФРГ. Авторы отмечали, что больше всего обычный немец жаждет определенности в жизни и уверенности в завтрашнем дне, в том числе в социально-экономической сфере. Опыт 1930-х гг.

показал, что именно широкое распространение экономической нестабильности способно пробудить «зловещие силы» в политической жизни Германии. Следовательно, раздел Германии после войны явился стабилизирующим фактором международных отношений. Он позволил, с одной стороны, предотвратить новый акт немецкой агрессии. Разные части Германии оказались надежно вмонтированы в военно-политические блоки по разные стороны баррикад холодной войны. С другой стороны, культивируя определенные традиции западной и южной Германии, такие как интерес к развитию частной инициативы и бизнеса, стремление к благосостоянию и спокойной, размеренной жизни в достатке, западные союзники (в первую очередь США) содействовали формированию и органичному восприятию в ФРГ новой политической культуры, далекой от проявления тевтонских качеств. Экономическое и финансовое благополучие только укрепило основы нового образа жизни и политического мышления [2, с. 66; 9, с. 7].

Идеи тевтонского духа вновь оказались актуальными в 1950-е гг. в связи с обсуждением и реализацией программы ремилитаризации ФРГ и ее включения в состав блока НАТО. Звучали идеи, что ввиду «больного немецкого сознания», перевооружение Германии совершенно недопустимо. Она должна стать нейтральной, чтобы немецкая сила не могла быть использована против других государств [4, с. 227]. Пессимистичный прогноз был изложен на страницах публикаций американского исследователя Т. Г. Тетенса. В работе «Заговор Германии с Кремлем» (1953) автор выступил с резкой критикой идеи ремилитаризации Германии, полагая, что «в тевтонском политическом преступном мире скрываются силы, которые жаждут воспользоваться очередным столкновением между Востоком и Западом, чтобы в очередной раз попытаться перерезать горло миру» [12, с. 136]. Т. Г. Тетенс демонстрировал солидарность с идеями немецкого философа и педагога Фридриха Вильгельма Фёрстера, по утверждению которого «тевтонское сумасшествие, подожженное прусским духом, распространяется по германской нации подобно тому, как огонь бежит по сухой траве» [13, с. 155]. В конце XIX – начале XX вв. за активную пропаганду пацифизма и критику тевтонского наследия в политической культуре Германии Ф.В. Фёрстер подвергался критике как в кайзеровской Германии, так и в Веймарской республике. Вскоре после публикации в 1920 г. книги «Моя борьба против милитаристской и националистической Германии» он был вынужден эмигрировать из страны. После прихода к власти НСДАП его работы были публично сожжены, а сам он пополнил списки интеллектуальных врагов

национал-социализма. Обращение западных исследователей к наследию Ф.В. Фёрстера в 1950-е гг. выглядело как открытое предупреждение о возможных последствиях перевооружения Германии. Восприятие академической общественностью западных стран перевооружения ФРГ никогда не было однозначным. Однако тевтонский синдром проявлялся в работах как сторонников, так и противников германской ремилитаризации. В то время как первые стремились доказать его несостоятельность, другие призывали быть бдительными и не верить в возможность изменения национального характера.

Последний всплеск тевтонского синдрома наблюдается при изучении объединения Германии и его последствий. Профессор У. Смайсер писал, что немцы, танцующие на Берлинской стене, всколыхнули древние страхи перед *Furor Teutonicus*, которые так и не исчезли до конца даже среди союзников ФРГ в годы холодной войны: «Словно монстр, выползающий из гробницы, перед правительствами и народами Европы и мира снова возник образ могущественной и потенциально доминирующей Германии». Немцы, побежденные и разделенные в 1945–1990 гг., находились под определенным контролем великих держав. Осмысливая историю двух кровавых немецких вторжений в двадцатом веке, автор приходит к выводу, что Советский Союз «не хотел созерцать восстановленную тевтонскую силу на пороге своего дома. Разделенная и ослабленная Германия очень хорошо соответствовала интересам безопасности СССР» [3, с. 14]. В начале 1990-х после объединения Германии и распада СССР немцы получили возможность избавиться от значительной доли внешнего контроля. Возникли опасения, что ФРГ может разорвать старые связи, установленные в годы холодной войны, поскольку больше не нуждается в союзниках. После разрыва старых связей немцы могут вновь попытаться навязать свою политическую волю другим государствам и народам. У. Смайсер отмечал, что разные страны испытывали этот страх в разной степени. Географические соседи Германии, несомненно, ощущали его в наибольшей мере. Вместе с тем все осознавали, что столкнулись с совершенно новой ситуацией, в которой придется искать новые способы защиты своих интересов, а возможно и своих границ [10, с. 351]. В итоге, европейские народы, неохотно приняв германское единство, сосредоточились на поиске наилучших механизмов вовлечения Германии в сообщество европейских государств, которые позволили бы нейтрализовать «возможное возрождение тевтонского милитаризма» [3, с. 14].

На страницах других публикаций анализ состояния тевтонского наследия в ФРГ сопровождался позитивными прогнозами. Так, по мнению американского исследователя Д. Марша, следует бояться не столько сильной и процветающей Германии, сколько ослабленной и озлобленной. История демонстрировала возрождение тевтонского духа преимущественно на этапах ощущения немцами собственной слабости либо ограничения в правах на фоне других европейских государств. Так, вовлечение Германии в Первую мировую войну произошло, в том числе, по причине ее стремления расширить сферу своего влияния на заморских территориях, к разделу которых она запоздала. *«Мы никого не хотим отодвигать в тень, но требуем и себе места под солнцем»* – заявил статс-секретарь по иностранным делам Б. Бюлов во время своего выступления в рейхстаге в 1897 г. Приход А. Гитлера к власти и Вторая мировая война также рассматриваются как прямые следствия унизительного Версальского мира и обременительных, а порой и невыполнимых для Германии финансово-экономических обязательств перед странами-победительницами. С этой точки зрения, *«если Германия когда-нибудь снова станет угрозой европейской стабильности, то опасность будет происходить, скорее всего, из ее слабости, а не из ее силы»* [5, с. 20].

Проявление тевтонского синдрома в работах британских и американских исследователей в послевоенные годы было сопряжено с определенными инициативами по германскому вопросу, которые подразумевали качественные изменения в политическом статусе немецкого государства. Создание ФРГ, ее ремилитаризация и последовавшая отмена Оккупационного статута, объединение страны и ликвидация ответственности четырех держав – каждое из этих событий символизировало новый шаг на пути к политическому возрождению Германии, ее возвращению в сообщество суверенных и полноправных участников международных отношений. Одновременно каждый подобный шаг провоцировал чувство исторического страха у части европейцев и американцев, вызывая дискуссии о тевтонском наследии в национальном характере и политической культуре немцев.

Список источников и литературы

1. Chamberlin, W.H. The German phoenix / W.H. Chamberlin. – New York : Duell, Sloan&Pierce, 1963. – 309 p.

2. Heller, W. Economic policy and political equilibrium in postwar Germany / W. Heller // Germany and the future of Europe / Ed. by Hans J. Morgenthau. – Chicago : The University of Chicago, 1951. – P. 58–75
3. Henriksen, T. American power after the Berlin wall / Thomas Henriksen. – New York : Palgrave Macmillan, 2007. – 250 p.
4. Hill, R. Struggle for Germany / R. Hill. – New York, London : Harper&Brothers, 1947. – 260 p.
5. Marsh, D. Germany and Europe. The crisis of unity / D. Marsh. – London : Heinemann, 1994. – 236 p.
6. Mawby, S. Containing Germany. Britain and the arming of Federal Republic / S. Mawby. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999. – 244 p.
7. Middleton, D. The struggle for Germany / D. Middleton. – Indianapolis; New York: Bobbs-Merrill, 1949. – 304 p.
8. Morgenthau, H. Germany is our problem / H.Jr. Morgenthau. – New York; London: Harper&Brothers, 1945. – 239 p.
9. Rodnick, D. Postwar Germans. An anthropologist's account / D. Rodnick. – New Haven : Yale University, 1948. – 233 p.
10. Smyser, W. From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany / W. Smyser. – New York: St. Martin's Griffin, 1999. – 465 p.
11. Stent, A. The one Germany / A. Stent // Foreign Policy. – №81 (Winter 1990-1991). – P. 53–70
12. Tetens, T.H. Germany plots with the Kremlin / T.H. Tetens. – New York: H. Schuman, 1953. – 294 p.
13. Tetens, T.H. The new Germany and the old Nazis / T.H. Tetens. – New York: Random House, 1961. – 286 p.
14. Thayer, Ch. The unquiet Germans / Ch. Thayer. – New York : Harper&Brothers, 1957. – 275 p.
15. Willett, R. The Americanization of Germany, 1945–1949 / R. Willett. – New York : Routledge, 1989. – 151 p.

УДК 327

И. В. Варивончик

БГПУ им. М. Танка, г. Минск

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Статья посвящена американским оценкам политики Китая в информационной сфере. На основе анализа документов конгресса, докладов

спецслужб и исследовательских центров констатируется рост противоречий, существенно затрудняющих межгосударственные отношения.

Политика реформ в Китае, установление в условиях прекращения холодной войны партнерских отношений с США, расширение мировой торговли сделали экономический рост двух стран главным двигателем мировой экономики. Долгое время это происходило в условиях экономического доминирования США. В 1992 г. доля Китая и США в мировом валовом продукте составляли 2% и 26%, сегодня – 15% и 25% соответственно. При условии сохранения текущей динамики в течение следующего десятилетия ВВП Китая превысит ВВП США. В 2015 г. на Китай уже приходилось 28 % мирового производства автомобилей, 41 % мирового судостроения, более 50 % мирового производства холодильников, более 60 % цветных телевизоров и более 80 % кондиционеров и компьютеров [1, р.2]. Китай ставит перед собой амбициозные задачи – к 2025 г. производить 43% мобильных электронных гаджетов, 20% процессоров, 40% высокопроизводительных компьютеров и серверов, осуществлять 40% авиаперевозок [2, р.4].

В 2000 г. в конгрессе США была создана специальная комиссия, в задачи которой входит составление ежегодных докладов и проведение слушаний по вопросам экономического, социального и военного строительства в Китае. Доклад 2018 г. содержит вывод об окончательном разрыве Китая со стратегией Дэн Сяопина, призывавшего руководство страны «скрывать свои возможности и выжидать» и «не пытаться играть ведущую роль в международных отношениях». В консолидации китайского руководства во главе с Си Цзиньпином и решениях 19 съезда КПК усматривается «скоординированные долгосрочные усилия по превращению Китая в доминирующую мировую державу». Надежды на то, что вступление Китая в ВТО и последовавший экономический рост не только повысят качество жизни китайцев, но и, в конечном итоге, вызовут политическую либерализацию, оказались тщетными. В докладе утверждается, что во главе с Си Цзиньпином Китай становится все более авторитарным внутри страны и напористым за границей. Внутри страны граница между партией и государством практически исчезла. Институализация ветвей власти, имевшая место при его предшественниках, свернута, коммунистическая партия контролирует все аспекты социальной жизни, экономику, внешнюю политику. КПК использует экономический рост для укрепления государственного

капитализма, наращивания военной мощи, поддержки авторитарных режимов за рубежом [2, р.VII-VIII].

Перечень вопросов, вызывающих недовольство американцев, чрезвычайно широк, и включает в себя дефицит в торговле, экономический шпионаж и нарушений прав интеллектуальной собственности, нарушение правил ВТО на внутреннем и внешнем рынках, рост военной мощи Китая, его внешняя политика, осуществление крупных инвестиций в экономики других стран и реализация международных инфраструктурных проектов.

По мнению не только американских экспертов, но и экспертов ЕС, Китай не выполняет требования ВТО, оказывает негативное влияние на международные экономические отношения. Ухудшилось положение иностранных компаний на китайском рынке, платой за ведение бизнеса становится трансфер технологий. Политика протекционизма в отношении китайских компаний ставит своей целью вытеснение иностранных товаров. С этой целью используется субсидирование китайских компаний за рубежом, в отношении иностранного бизнеса применяются ограничения и технические стандарты на общегосударственном и местном уровне [1, р.15; 2].

Особое беспокойство американской стороны вызывает активность Китая в информационной сфере, промышленный шпионаж, нарушение прав интеллектуальной собственности. В 2011 г. директор Национальной разведки в своем докладе конгрессу отмечал Китай как страну, чьи агенты наиболее интенсивно практикуют промышленный шпионаж [3]. В докладах министерства торговли США и Европейской торговой палаты отмечается, что принятый в Китае в 2017 г. закон о кибербезопасности избыточен и требует от иностранных компаний раскрывать критически важные данные, включая исходный код, полные базы данных проектирования, физические схемы центральных процессоров [4; 5, р.1, 19, 43].

По данным ведущей, занятой в сфере обеспечения кибербезопасности, частной компании Mandiant, разведывательную деятельность под контролем партийного руководства осуществляет киберкомандование Народно-освободительной армии Китая, которое насчитывает более 100 000 человек [6]. Приоритетными сферами интересов являются электроника, телекоммуникации, робототехника, услуги передачи данных, фармацевтика, мобильная и спутниковую связь, программное обеспечение [7, р.3]. Результаты совместного исследования кибер-вторжений 20 частных и государственных центров в США, Европе и Азии показали, что 96% имевших целью

получение экономической информации инцидентов были связаны с Китаем [8, p.21]. По данным 2017 г. американской негосударственной «Комиссии по вопросам кражи интеллектуальной собственности», в состав которой вошли представители деловых кругов, бывшие военные, политики, учёные, ежегодные потери для американской экономики составляли от 1% до 3% ВВП (180–540 млрд. долл.) и главным нарушителем являлся Китай [9, p.2].

В Китае создан мощный механизм сбора информации из открытых источников. По данным Пентагона уже в 1985 году в Китае насчитывалось более 400 крупных научно-технических институтов, в которых работало более 60 000 сотрудников, занятых сбором и анализом научно-технической информации и реверс-инжинирингом [10]. Институт научной и технической информации Китая, по состоянию на 2010 год, помимо баз данных отечественных диссертаций и материалов научных конференций, обладал 220 000 зарубежными диссертациями, 100 000 материалов конференций на иностранных языках. Он также собрал 1,23 миллиона экземпляров опубликованных с 1958 г. правительственных отчетов министерств и ведомств США, иностранные журналы более 4000 наименований, 300 000 справочных изданий, изданных за рубежом. Институт предоставляет возможность использовать 18 электронных платформ для поиска ссылок, включая Web of Knowledge, CA, NSI, NTIS, EI, INSPEC и другие. Созданы 33 полнотекстовые базы данных, охватывающие более 7500 наименований цифровых журналов и 1000 наименований научных трудов. Цифровая коллекция рефератов статей превышает 45 млн. единиц и ежегодно увеличивается на 3,3 млн. [11]. Получение технологической информации из открытых источников сокращает затраты на исследования на 40–50 %, затраты времени – на 60–70 % [12].

Китай проводит продуманную политику подготовки кадров, использования интеллектуального потенциала китайской диаспоры. Более 300 000 китайских граждан ежегодно находятся в американских университетах и работают в научно-исследовательских центрах. Граждане Китая составляют более 25% иностранных студентов университетов и колледжей США и почти 25% аспирантов, специализирующихся в области науки, технологий, техники или математики (STEM) [10, p.17–18].

Работающие за рубежом китайцы имеют возможность передавать свой опыт и знания во время визитов на родину, что поощряется правительством, которое финансирует 12 программ по привлечению к сотрудничеству представителей китайской диаспоры.

Например, программа 2008 г. «Тысяча талантов» ориентирована на ученых, специализирующихся в областях, представляющих интерес для правительства Китая. Им предлагаются выгодные контракты и престижные должности в ведущих китайских исследовательских институтах, лабораториях или университетах [13]. По официальным данным китайского правительства с 2009 г. в страну вернулось более 40 000 ученых. В феврале 2017 г. официальный орган КПК, газета «Чайна Дэйли» сообщала, что для работавших и учившихся за рубежом китайцев созданы 300 центров предпринимательства. Результатом деятельности 67 тыс. сотрудников этих центров стало создание 67 500 новых производств [14].

На слушаниях в конгрессе 2018 г. представители американских спецслужб подчеркивали, что открытый характер научного процесса, обмен идей и информацией в научных и учебных заведениях приводит к тому, что китайские студенты и аспиранты получают информацию о технологиях, которые впоследствии становятся критически важными для ключевых военных систем [15]. По данным американской прессы, ряд китайских ученых, работавших в ведущих научных центрах в Аламос в Нью-Мексико и Ливермор в Калифорнии, известных как центры исследований в области способного преодолеть существующие системы противоракетной обороны гиперзвукового оружия, вернулись в Китай [16].

Крупнейшая, основанная бывшим офицером китайской армии, компания Хуавей сотрудничала с Калифорнийским университетом в Беркли в области исследований, посвященных искусственному интеллекту и 120 смежным направлениям, которые могут иметь военное применение. Китайские исследовательские центры созданы в Силиконовой долине, Бостоне, других центрах инновационных исследований. Интернет-фирма Байду создала Институт фундаментальных исследований в Силиконовой долине, и является прямым конкурентом Google, Apple, Facebook в области искусственного интеллекта [10]. В 2018 г. конгресс запретил Министерству обороны закупать оборудование, произведенное Хуавей [19, p. 1224].

В 2015 г. проблемы кибербезопасности стали предметом переговоров между Б. Обамой и Си Цзяньпинем. Лидеры двух стран выступили с заявлением о том, что их правительства «не будут осуществлять или намеренно поддерживать кражу интеллектуальной собственности, включая коммерческие секреты или другую конфиденциальную деловую информацию в киберпространстве с целью предоставления конкурентных преимуществ компаниям или

коммерческому сектору» [20]. Ежегодный доклад Комиссии конгресса по вопросам экономического развития Китая и вопросам безопасности 2016 г. констатировал снижение числа релевантных инцидентов, но оценивал происходившее, как переход к более изощренным и профессиональным действиям [21, р. 56–57]. Доклад специального отдела Пентагона 2018 г. по вопросам кибербезопасности и промышленного шпионажа содержал однозначный вывод о том, что «масштабы китайского экономического шпионажа... продолжают увеличиваться» [10, р.15].

Сложившийся в США консенсус относительно негативной оценки действий Китая затрудняет диалог двух стран. США располагает не меньшими, чем Китай, возможностями в информационной сфере, необъявленная война набирает обороты. Фактическое отсутствие механизмов регулирования, усиление конфронтации, непредсказуемые последствия происходящего дестабилизируют международные отношения. Интересы мирного развития требуют диалога по вопросам информационной безопасности, выработки общих не только для Китая и США, но и для других стран соглашений.

Список источников и литературы

1. China manufacturing 2025 [Electronic resource] // European Chamber of Commerce in China, February, 2017 – Mode of access: http://docs.dpaq.de/12007-european_chamber_cm2025-en.pdf. – Date of access: 24.06.2019.
2. 2018 Report to Congress of the U.S. – China Economic and Security Review Commission. Executive summary and recommendations [Electronic resource] // China Economic and Security Review Commission. One hundred fifteenth Congress, second session, November 2018. – Mode of access: https://www.uscc.gov/Annual_Reports/2018-annual-report. –Date of access: 24.06.2019.
3. Foreign Spies Stealing U.S. Economic Secrets in Cyberspace. Report to Congress on Foreign Economic Collection and Industrial Espionage, 2009–2011 [Electronic resource]// Office of the National Counterintelligence Executive; Office of the Director of National Intelligence, October, 2011. – Mode of access: http://www.ncix.gov/publications/reports/fecie_all/%20Foreign_Economic_Collection_2011.pdf. – Date of access: 8.12.2016.
4. Cybersecurity Law of People’s Republic of China [Electronic resource] // National People’s Congress of the People’s Republic of China,

7th November, 2016. – Mode of access: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2016-11/07/content_2001605.htm. – Date of access: 20.06.2018.

5. 2017 special 301 report [Electronic resource] // Office of the United States trade representative, 2017. – Mode of access: <https://ustr.gov/sites/default/files/301/2017%20Special%20301%20Report%20FINAL.PDF>. – Date of access: 24.06.2019.

6. APT1: Exposing one of China's cyber espionage units [Electronic resource]// Mandiant, February 19, 2013. – Mode of access: <https://www.fireeye.com/content/dam/fireeye-www/services/pdfs/mandiant-apt1-report.pdf>. – Date of access: 15.05.2017.

7. Testimony by Ms. Jen Weedon on June 15, 2015 before the U.S. China Economic and Security Review Commission [Electronic resource]// China Economic and Security Review Commission. – Mode of access: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Weedon%20Testimony.pdf>. – Date of access: 24.06.2019.

8. 2013 Data breach investigations report [Electronic resource] // Verizon. – Mode of access: <https://cybersecurity.idaho.gov/wp-content/uploads/sites/87/2019/04/data-breach-investigations-report-2013.pdf>. – Date of access: 8.12.2016.

9. The theft of American intellectual property, IP commission report, February 2017 [Electronic resource]// The Commission on the Theft of American Intellectual Property. – Mode of access: http://www.ipcommission.org/report/IP_Commission_Report_Update_2017.pdf. – Date of access: 20.06.2018.

10. Brown, M., Singh, P. China's technology transfer strategy: how Chinese investments in emerging technology enable a strategic competitor to access the crown jewels of U.S. innovation [Electronic resource] // M. Brown, P. Singh, P. / Defense Innovation Unit Experimental, January 2018. – Mode of access: – [https://admin.govexec.com/media/diux_chinatechnologytransferstudy_jan_2018_\(1\).pdf](https://admin.govexec.com/media/diux_chinatechnologytransferstudy_jan_2018_(1).pdf). – Date of access: 24.06.2019.

11. Institute of Scientific and Technical Information of China [Electronic resource]// ISTIC. – Mode of access: <http://www.istic.ac.cn/English/> – Date of access: 20.06.2018.

12. Mattis, P. A Guide to Chinese intelligence operations [Electronic resource]// War on the Rocks, August 18, 2015. – Mode of access: <https://warontherocks.com/2015/08/a-guide-to-chinese-intelligence-operations/>. – Date of access: 15.05.2017.

13. Hepeng, J. China's plan to recruit talented researchers [Electronic resource]// J. Hepeng / Nature, January 17, 2019. – Mode

of access: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-00538-z>. – Date of access: 20.04.2019.

14. Zhou, S. Returnees finding big opportunities [Electronic resource] // S. Zhou /China Daily, February 25, 2017. – Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-02/25/content_28345785.htm. – Date of access: 3.10.2018.

15. Intelligence chiefs take questions from Senate Intelligence Committee [Electronic resource] // CNN. CNN transcript February 13, 2018. – Mode of access: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/180213/cnr.04.html>. – Date of access: 23.11.2018.

16. Chen, St. America's hidden role in Chinese weapons research [Electronic resource] // St. Chen / South China Morning Post, March 29, 2017. – Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2082738/americas-hidden-role-chinese-weapons-research>. – Date of access: 7.11.2018.

17. Berger, Z. Hypersonic missiles [Electronic resource] // Missile Defense Advocacy Alliance. March 2016. – Mode of access: <http://missiledefenseadvocacy.org/missile-threat-and-proliferation/future-ballistic-missiletechnology/hypersonic-missiles/> – Date of access: 24.06.2018.

18. Yuan, L. China races to tap artificial intelligence [Electronic resource] // L. Yuan /Wall Street Journal, August 24, 2016. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/china-gears-up-in-artificial-intelligence-race-1472054254>. – Date of access: 20.06.2018.

19. National Defense Authorization Act for fiscal year 2018 [Electronic resource] // U.S. House of Representatives. – Mode of access: <https://docs.house.gov/billsthisweek/20171113/HRPT-115-HR2810.pdf>. – Date of access: 11.09.2019.

20. President Xi Jinping's state visit to the United States [Electronic resource] // White House, White House Fact Sheet, September 25, 2015. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/09/25/fact-sheet-president-xijinpings-state-visit-united-states>. – Date of access: 7.12.2018.

21. U.S. –China Economic and Security Review Commission 2016 Annual Report to Congress [Electronic resource] // China Economic and Security Review Commission – Mode of access: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2016%20Annual%20Report%20to%20Congress.pdf. Date of access: 23.12.2018.

Научное издание

**ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

**К 110-летию со дня рождения А. А. Громыко
и 80-летию начала Второй мировой войны**

Сборник научных статей

На первой странице обложки помещены фото А. А. Громыко
и участников Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 года)

Подписано в печать 11.11.2019. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 9,07.
Уч.-изд. л. 9,91. Тираж 50 экз. Заказ 722.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ